

ЗНАКИ  СУДЬБЫ
Наталья Калинина



*Семь
Скрытых души*

Annotation

Семь детей, воспитанников интерната, отправляются в закрытое крыло старинной усадьбы, чтобы выручить попавшую в беду собаку. Но благое дело оборачивается трагедией: одну из девочек находят мертвой.

Прошло пятнадцать лет, и жизнь Ады, одной из семи воспитанниц, превращается в кошмар. Один за другим погибают ее бывшие товарищи. Опасность грозит и самой девушке. Чтобы спастись, ей предстоит разобраться в прошлом и понять, что же происходит в настоящем...

-
- [Наталья Калинина](#)
 -
 - [Эпилог](#)
-

Наталья Калинина

Семь сокрытых душ

С любовью – мужу

Воробей с лихой беззаботностью перескакивал с ветки на ветку до тех пор, пока вдруг не вспорхнул на подоконник. Ада подумала, что между этой пташкой и ею самой есть что-то общее: не беспечность, а та легкость, с какой воробей, перепрыгивая с одной ветви на другую, добирался до подоконника – как и она сама, без особых усилий преодолевая одно препятствие за другим, добивалась желаемого. Только воробьем двигало любопытство, а ею – целеустремленность.

– На тебя чем-то похож, – раздалось за ее спиной. Девушка вздрогнула, но не от неожиданности, а оттого что Сташков словно прочитал ее мысли.

– Чем это он на меня похож? – с неудовольствием спросила она, поворачиваясь к заму и скрещивая на груди руки. Сташкову, как ее незаменимому помощнику, позволялось многое, но сравнивать Аду с воробьем... Спасибо еще, что не при подчиненных!

– А есть в тебе что-то такое задорно-отчаянное, как у этой пташки, – кивнул Игорь на окно, из-за которого доносилось еле слышное царапанье птичьих лапок о жестяной подоконник.

«Не задорно-отчаянная не обладала бы всем этим», – мысленно ответила Ада, мельком окинув взглядом кабинет с евроремонтом, но вслух сказала совсем другое:

– На чем мы остановились?

Она слушала зама и ловила себя на том, что не может сосредоточиться. Голос Сташкова доносился до нее как-то прерывисто, будто говорил он по телефону, и на линии при этом то и дело случались помехи – Ада теряла нить разговора, отвлекаясь на собственные ощущения. Нечасто, но бывало, что ее интуиция, дававшая обычно ненавязчивые советы, вдруг начинала настойчиво «сигналить»: что что-то идет не так. Ей хорошо запомнился случай, когда они со Сташковым приехали на важные переговоры... Собственно говоря, переговоры – а до того всяческие «танцы с бубнами», как называл Игорь различные ухищрения в получении контактов и завоевании расположения нужных людей, – были проведены раньше. Оставалось лишь подписать суливший баснословную выгоду контракт. И

вот наступил долгожданный день. Сташков, с утра пребывавший на нервах, во время общего завтрака не смог сделать ни глотка кофе, хотя был законченным кофеманом и ни один его рабочий день еще никогда не начинался без чашки эспрессо. А Ада в то утро не могла отвязаться от навязчивого, как изжога, ощущения, что заключать эту сделку им никак нельзя. И вроде бы не было никаких объяснимых причин воспринимать таким образом ситуацию, но девушка чувствовала себя беспокойно. Когда они со Сташковым уже садились в машину, чтобы ехать на встречу, она вдруг выхватила из кармана мобильный и набрала номер начальника службы безопасности:

– Сереж, а ну-ка пробей мне срочно...

– Да уже пробивали по всем каналам, Ада, – сочным басом отозвался Писаренков.

– А ты, мой хороший, проверь еще раз, – ласково, но с нажимом повторила она, – и тут же мне позвони.

Как в предсказуемом кино, звонок от Писаренкова раздался в тот момент, когда Ада уже занесла было ручку над документом, собираясь поставить подпись. Сташков, помнится, еще поморщился недовольно, но, справившись с собой, вновь лучезарно заулыбался надутому, как индюк, раскрасневшемуся от июльской жары представителю высшей банковской касты.

– Ясно, Сереж, – лаконично ответила Ада. С легким щелчком захлопнула крышечку мобильного и, обведя взглядом всех присутствующих за столом, весело произнесла: – Всем спасибо за внимание, но мы отказываемся от сделки.

Ее фраза возымела тогда эффект не разорвавшейся бомбы, а внезапно обрушившегося на землю вакуума: все звуки исчезли, банкир, по-рыбьи выпучив глаза, дергал себя за галстук, словно тот душил его, Сташков, онемев, замахал на Аду руками, беззвучно раскрывая и закрывая рот. И только она, чему-то весело улыбаясь, спокойно собирала со стола свои вещи. В машине, чуть придя в себя от потрясения, Сташков чуть не сожрал начальницу вместе с чулками за подобную выходку, но потом, уже в офисе, когда Писаренков еще раз повторил, на этот раз при Игоре, ту небольшую, но такую значительную информацию, на которую они изначально не обратили внимания, благодарил Аду за предусмотрительность. Сделка, сулившая выгоду, в итоге обернулась бы для них не только большими потерями, но и подорванной репутацией.

Вот и сейчас она ощущала такое же беспокойство, как в то памятное утро. Сташков говорил о будничных, текущих делах, но тревога в ее душе

почему-то не унималась. И теряла Ада нить разговора потому, что пыталась понять, чем это неприятное ощущение вызвано.

– Ада, ты меня слышишь? – прервал себя на полуслове Игорь.

– Слышу, – машинально ответила она.

– Слышишь, но не слушаешь, – пожурил ее Сташков. Ада хотела возразить, но вдруг покладисто вздохнула:

– Ты прав. Наверное, я плохо выпалась.

– Тогда, может, по кофе? – спросил зам и, не дождавшись ответа, нажал кнопку селектора: – Лина, сделай нам два кофе.

Ада незаметно улыбнулась, подумав, что с кофеманией Игоря бесполезно бороться. Мог бы оставить без внимания реплику о том, что не выпалась, так нет, моментально обратил ее слова в свою пользу – кофе-паузу! Но именно после того, как произнесла эту фразу, Ада внезапно поняла причину своей тревоги. И, как только пришло осознание, что беспокойство вызвано привидевшимся ночью кошмаром, немного успокоилась. Смешно, ей-богу, впасть в панику из-за сна! Хотя он и оказался очень неприятным.

Ей снилось, будто лежит она голая, раскинув руки и ноги «звездой», на каменном полу в зале с высоким потолком, подпираемым растрескавшимися колоннами. По плитам разметались ее длинные волосы, какими они были в прошлом (в настоящем уже какой год Ада носит короткую стрижку). Лицо свое она увидела белым и застывшим, словно гипсовая маска. Распахнутые глаза с сильно расширенными, почти поглотившими радужную оболочку зрачками казались стеклянными, как у куклы, из-за отсутствующего в них выражения. На приоткрытых губах запеклась кровь, левую щеку от виска до уголка рта рассекал глубокий порез. Пальцы на руках были скрюченными и напоминали лапы хищной птицы. Ада видела себя словно со стороны – это лишь ее тело лежало на полу, а сама она находилась вовне. Смотреть на себя было и страшно, и неприятно. Но уйти или хотя бы отвернуться она не могла. И вдруг на живот ее распластавшегося тела упала тень, и кто-то, шагнув вперед, на какое-то мгновение загородил лежащую девушку собой. Но тут же фигура резко развернулась, и девушка вместо лица увидела страшную маску. И почувствовала, что оторвалась от пола, но не воспарила, а стремительно полетела навстречу этой увеличившейся до гигантских размеров маске, чей открытый рот превратился в воронку...

После пробуждения сон выветрился из памяти, оставив лишь ощущение паники. И вот сейчас вспомнился. Привидится же такое!

– Ада, да что с тобой сегодня? Ты себя хорошо чувствуешь?

Оказывается, она, увлеченная воспоминаниями о своем сне, не заметила принесенного Линой кофе и, будто выпав в другую реальность, сидит за столом, машинально черкая ручкой на лежащем перед ней листе бумаги. Пытается нарисовать маску, которую видела где-то еще...

– Все в порядке, Игореш. Говорю же, спала плохо.

– Ты даже когда невыспавшаяся, все равно собранная, – напомнил Сташков. Ада оставила без комментариев его замечание, подвинула к себе чашку, обхватила ее, как в детстве, обеими ладонями и, поднеся к лицу, вдохнула ароматный пар. Она любила не столько вкус кофе, сколько его запах, который ее не бодрил, а успокаивал. Одно время в ее квартире на столиках и полках были расставлены маленькие хрустальные розетки с кофейными зернами. Нет, она не кофеманка, как Игорь. Она – токсикокофеманка. Забавное словечко!

– Может, домой поедешь? – с заботой и тревогой спросил Сташков. Ада встрепенулась, совсем как недавно тот воробей за окном: неужели и правда выглядит такой рассеянной? Она поверх чашки глянула на зама. Игорь замер напротив с поднесенной ко рту чашкой, при этом его яркие и пухлые, как у юной девушки, губы были приоткрыты, словно он как раз собирался сделать глоток, но отвлекся. А из глаз цвета гречишного меда пропали обычные золотистые искорки, что означало нешуточную встревоженность Игоря. Ада давно научилась читать его истинные чувства по глазам. Сташков мог бодрым тоном вещать о том, что проблема разрулится, и дела и дальше пойдут круто, но если в его глазах не было этих золотистых искорок, Ада понимала, что все на самом деле обстоит не так радужно, как пытается расписать ей зам. И требовала от Игоря не врать. Впрочем, скрывать от нее какие-либо неприятности он пытался лишь в самом начале их сотрудничества.

– Слушай, возьми и правда выходной день. Отдохни, сходи по магазинам, как нормальная девушка, или съезди в спа-салон. Ничего не случится, если один день ты посвятишь не работе, а себе. Только выиграешь, – посоветовал Игорь и, так и не сделав ни глотка кофе, поставил чашку на стол. Ада хотела возразить – не столько ему, сколько себе, что она в порядке и день доработает до конца. Но неожиданно ответила совсем не то, что собиралась:

– Ты прав. Что-то мне нехорошо. Пожалуй, уеду. Справишься без меня?

– А то, – обиженно дернул плечом Сташков. Как она посмела в нем усомниться? Разве они вместе не два пуда соли съели?

– Я не сомневаюсь в тебе, – улыбнулась Ада и поднялась из-за стола.

Процокала каблуками к одежному шкафу и извлекла из него невесомый плащ сдержанно-бежевого цвета.

– Завтра буду как обычно, – оглянулась она уже на пороге. Игорь лишь согласно кивнул и, подняв вверх руку, сжал и разжал пальцы, демонстрируя молчаливое прощание.

– Лиана, меня сегодня уже не будет, – на ходу бросила Ада секретарше. – Все вопросы адресуй к Сташкову.

Направляясь к выходу, она поймала себя на том, что не просто покидает стены офиса, а торопится это сделать, воровато оглядываясь по сторонам и чувствуя приятно будоражащий кровь адреналин, будто была она в этот момент не хозяйкой компании, а школьницей, сбегающей с директорского урока. Вероятно, такое сравнение было связано с тем, что Ада не помнила уже, когда в последний раз уходила из офиса задолго до окончания рабочего дня «просто так», а не на переговоры. И делала ли это вообще когда-нибудь? Но когда она уже вышла на крыльцо, опомнилась. Что она и в самом деле творит? До конца рабочего дня еще уйма времени, за эти часы можно столько всего успеть сделать! Ада мысленно пролистала ежедневник: кажется, на сегодня ничего сверхважного назначено не было, но у нее каждый день был значительным и важным! Она привыкла жить так, чтобы не расходовать время зря. Даже в выходные не позволяла себе валяться в кровати до полудня, вставала так же рано, как и в офис, ехала в фитнес-клуб и два часа истязала свое тело на тренажерах. Затем заезжала в любимое кафе, где заказывала на завтрак свежавыжатый сок и тосты, и час сидела там, просматривая в Интернете новости, документы, почту и планируя уже с субботы следующую неделю. Она и собаку, о которой мечтала с детства, не заводила, потому что считала, что собака, как ребенок, внесет в слаженно работающий механизм ее жизни диссонанс. С четвероногим же другом надо гулять! Бродить час, а то и два в любую погоду по парку, бросать палку или мяч и думать при этом не о своих делах, а следить за тем, чтобы питомец не выбежал на проезжую часть, не погнался за кошкой, не сцепился с собратьями, не испачкал лапами одежду случайного прохожего. А у Ады голова всегда занята сводками, отчетами, анализами, экономическими новостями. Она, хрупкая молодая женщина, не выглядевшая на свой тридцатилетний возраст, вела совершенно не женский бизнес. Не цветочным салоном владела, не мастерской по пошиву свадебных платьев и даже не агентством по устройству детских утренников. А возглавляла столичный филиал предприятия, занимающегося поставками цветных металлов.

И вот сейчас она стоит на крыльце и рассеянно озирает двор, чувствуя

себя такой же потерянной, как заблудившаяся в лесу Маша из сказки про медведей. Просто вдруг не оказалось цели, и что делать с этими оставшимися от рабочего дня свободными часами, Ада не знала. Ею даже начало овладевать чувство, похожее на зарождающуюся панику, и, чтобы спастись от него, она решила вернуться в офис. Но в это время на залитое майским солнцем крыльцо высыпала на перекур группка сотрудников, и Ада, недовольно поморщившись, но ничего не сказав, спустилась и направилась к своей машине.

Уже выруливая со двора, она подумала, что незаменимый Сташков дал ей дельный совет. На спа-процедуры она не поедет, но прическу обновит, тем более что все равно планировала на следующей неделе сделать стрижку. Так даже лучше, если она съездит сегодня: не нужно будет выгадывать время на потом. Ада знала, что ее примут и без предварительного звонка – Светлана, к которой запись была на две недели вперед, всегда найдет для нее «окошко».

Мастера посоветовала Юлечка, жена Сташкова, когда полтора года назад ушел из салона, в который привыкла ездить Ада, стилист Павлик. Ада обращалась к услугам других мастеров, но ни один из них не нравился так, как Павлик. И тогда Юлечка решила помочь приятельнице: позвонила в салон, в котором обслуживалась сама, и добилась того, чтобы Аду взяла именно мастер Светлана и даже прямо на следующий день. Ада поехала, но только чтобы не обидеть Юлю. В том, что касалось ее внешнего вида, она была консервативна, и, возможно, излишне. А каждый мастер так и норовил внести в ее привычный облик что-то свое, и частенько такой креатив не приходился Аде по душе.

Когда мастер приблизилась к ней, Ада окинула девушку придирчивым взглядом. Она решила, что, если увидит даму с пергидрольным перманентом, плохо покрашенными корнями или просто неряшливо причесанную, тут же встанет и уйдет. Но подошла к ней красавица с длинными волосами изумительного платинового оттенка, убранными в сложного плетения косу. Кожа у красотки, чуть тронутая легким загаром, была великолепна. А синие глаза вдруг показались знакомыми. Удивительно красивая девушка! Ада едва ли не с открытым ртом рассматривала ее в зеркало. И мастер тоже почему-то не спешила расспрашивать клиентку о желаниях и приступать к работе, а, комкая в руках накидку, ответно рассматривала Аду. «Ада? – наконец-то вымолвила мастер. – Ты меня не узнаешь? Или не помнишь? Я Света Юсупова...» – «О господи, Светка!» – обрадовалась Ада и резко повернулась к девушке. И несмотря на то что Ада не любила вспоминать прошлое и рассказывать о

себе, со Светланой они разговорились. При этом мастер, поддерживая беседу, не забывала ловко орудовать инструментами. У девушек оказалось не только общее прошлое, но и обоюдное стремление как можно дальше от него отдалиться. Света Юсупова так же, как и Ада, работала на износ и от обычного парикмахера из парикмахерской-забегаловки на полтора кресла с окраины Москвы сумела подняться до высокооплачиваемого мастера в престижном салоне в центре столицы. Теперь ей доверяли свои головы не продавщицы из овощных лавок, а состоятельные капризные дамы.

Раз или два в месяц Ада приезжала в салон. Света-солнышко всегда щебетала во время работы о чем-то легком и приятном. Поначалу ее болтовня слегка раздражала, но потом Ада привыкла и даже стала слушать старую знакомую с удовольствием. В один из последних визитов Ады Светлана поделилась радостью, что скоро выходит замуж, и с тех пор все ее разговоры сводились к рассказам о женихе и обсуждению фасонов свадебных платьев. И то ли дело было в расслабляющем массаже головы, который Аде делали во время мытья волос, то ли в приятном журчащем голосе Светланы, то ли в том позитиве, которым щедро делилась счастливая девушка, но напряжение после рабочего дня спадало. За что еще была благодарна Ада Светлане, так это за то, что знакомая не поднимала тему прошлого. Видимо, ей, как и клиентке, хотелось заретушировать и забыть все, что там было.

Света и тогда была приятной девочкой, самой, пожалуй, неконфликтной, доброжелательной и оптимистичной из их спальни. И уже тогда она проявляла талант, делая всем желающим красивые прически к празднику...

Поездка в салон оказалась напрасной. К Аде с обрадованной улыбкой вышла администратор, но, услышав, что клиентка желает попасть к постоянному мастеру, замешкалась с ответом. При этом ее личико, еще секунду назад сияющее, как солнце, нахмурилось и стало пасмурным.

– Ой... А Светланы сегодня нет. И вчера не было. И не знаем, когда она выйдет.

– Заболела? – погрузилась Ада. Что ни говори, а она уже настроилась и на приятный массаж головы, и на легкую болтовню Светланы.

– Даже не знаем, что случилось. Света не вышла на работу ни вчера, ни сегодня, а почему – не знаем. На звонки не отвечает. У нее мобильный вообще отключен.

– А адрес ее вам известен? – осведомилась Ада.

– Да, конечно. Съездили уже. Дверь никто не открыл.

– Может, она куда уехала?

– С женихом?.. Могла бы, теоретически. А практически – не похоже на Свету, она к работе подходит очень ответственно. О поездке предупредила бы обязательно. Знает ведь, что у нее все часы на две недели вперед расписаны. Ой... – спохватилась, что, возможно, болтает лишнее, администратор. – Может, вас примет сейчас другой мастер?

Но Ада отрицательно покачала головой.

– Хорошо. Тогда, как только Светлана появится, я вам позвоню и запишу на ближайшее время!

Ада вышла из салона, но остановилась на крыльце и набрала номер зама.

– Все в порядке, – отрапортовал Сташков. – Ты до дома-то хоть доехала или на полпути развернулась и мчишься обратно в офис?

– Еще не дома. По магазинам пройду, – сказала Ада и усмехнулась проницательности Игоря. Впрочем, за то время, что работают вместе, они изучили друг друга вдоль и поперек. Игорь знал, что Ада живет лишь делом. То ли работа беспощадно поглотила все ее интересы и время, то ли, наоборот, Ада позволила работе заполнить все пустоты в жизни, включая и сердечные.

Игорь вырвал у Ады обещание, что она остаток дня проведет отдыхая. И даже пошутил, что сделает потом запрос у Писаренкова: точно ли начальница ходила по магазинам или дома при опущенных шторах занималась работой?

Ну что ж, отдыхать так отдыхать! И Ада сделала то, чего не делала уже давно: походила по магазинам, затем пообедала в итальянском ресторане, а под занавес отправилась в кино.

Боярышники, 1913 год

Она ведьма... Ведьма! Как мой папенька может оставаться таким глухим и слепым, не видеть очевидного, не слышать, что говорят вокруг? Не иначе, как правда околдовала она его, проклятая. Как может смотреть он такими влюбленными глазами на нее, как может не видеть меня, свою кровиночку, не чувствовать мое горе, не слышать меня?

Я решила поговорить с ним откровенно, открыть ему глаза на правду. После ужина, когда папенька имел обыкновение уединяться в своем кабинете. Привычка, которая не менялась годами. Я еле высидела до конца ужина, думая о том, как и что скажу папеньке. И еле дождалась того

момента, когда папенька уединился у себя. Выждала немного и пошла.

Идя длинным коридором к папеньке, я вспоминала, как маленькой приходила к нему в кабинет. Папа любил вечерами читать, сидя у камина в кресле. А у меня была своя игра. Я тихо приоткрывала дверь, но не входила, а останавливалась на пороге и издали любовалась папенькой. Я ласкала взглядом его профиль, мысленно трогала его бороду, вспоминая, какая она мягкая на ощупь, если касаться ее ладонями, и какая колючая, если прижаться к ней щекой. А папенька не замечал меня, сидел в кресле, закинув одну ногу на другую, и внимательно изучал написанное. Я была мала, но уже знала, что папа любит читать научные книги по естественным наукам. Он хотел, чтобы и я росла образованной, и, вместо сказок на ночь, читал мне что-нибудь из истории, химии либо физики. Мне не бывало скучно, папенька умел так рассказать, что я слушала, одинаково завороженная, о Древнем Египте, законах Ньютона и Гей-Люссака, о теории химического строения Бутлерова.

Налюбовавшись на папеньку, я входила в кабинет, подкрадывалась к отцу на цыпочках и останавливалась в двух шагах от его кресла. Игрой моей было считать про себя до тех пор, пока папенька меня не увидит. Когда он отрывался от книги и наконец-то замечал меня, я радостно вскрикивала, и отец, засмеявшись, брал меня к себе на колени. А я обнимала его за шею так крепко-крепко, как могла. А потом, отстранившись, трогала руками его бороду, заглядывала в синие глаза, видела в них любовь и, счастливая, просила почитать мне то, что он читал до моего прихода. И он никогда не говорил мне, что книга – для взрослых...

...Он выслушивал меня всегда, даже если мои просьбы казались ему невыполнимыми. Никогда не перебивал, и если вынужден был отказать, то делал это так доходчиво и мягко, что я соглашалась с ним без обид. Я надеялась, что и в этот раз он меня выслушает и поймет. Но в тот вечер, когда я решилась открыть ему правду, папенька впервые недослушал меня... Во время моего рассказа он хмурился, взгляд его становился пасмурным, как октябрьский день. И вдруг, перебив, закричал, что я наговариваю на мадемуазель и что, если он еще раз услышит от меня подобную нелепицу, велит наказать меня. Меня...

Мадемуазель папенька привез из недавнего путешествия по Европе на место старого и полуглухого мсье Николя, который в последние месяцы не столько занимался со мной языками и науками, сколько дремал в кресле у камина, пока я читала отмеченные им отрывки в книгах.

Я ожидала увидеть перед собой молодую красивую женщину, одетую

по последней парижской моде, и предвкушала эту встречу. Мне не терпелось разглядеть ее восхитительные наряды, настоящие французские, сшитые парижским портным. Но когда папенька представил мне мадемуазель Мари, я могла подумать что угодно, но только не то, что она и есть та самая французженка, предназначенная мне в гувернантки. Высокая и худая, с широкими мужскими плечами и ровной, будто у балерины, спиной, с огромными ступнями и такими же неизящными руками, она мне показалась страшилищем. Одеята мадемуазель была в темное шерстяное платье с простым лифом и юбкой, унылыми ровными складками спускавшейся до самых ботинок. Свои темные волосы мадемуазель завязала в тугий пучок на затылке, что совсем не добавляло ей красоты, напротив, такая прическа делала ее и без того малопривлекательное лицо совсем отталкивающим. Длинный нос спускался к верхней тонкой губе, левую щеку уродовало родимое пятно размером с двугривенный. «Бедняга», – подумала я, решив, что с такой внешностью мадемуазель никогда не выйти замуж. Возраст Мари подходил к тридцатилетней отметке, а она оставалась незамужней девицей. И все же, хотя я в первое мгновение и пожалела ее, симпатии она не вызывала, напротив, было в ней что-то опасное, что я почувствовала, да только не сразу придала этому значение. Ах, если бы я знала, чем это обернется...

С мадемуазель у нас сразу не сложились отношения, хотя я и очень старалась понравиться ей. Но что я получала в ответ на свои попытки завести с нею отвлеченные беседы и изящные комплименты, которыми я ее осыпала?.. Лишь едкие замечания: «Мадемуазель, вы опять неверно употребили форму глагола! И будьте добры повторить времена».

Ни ласкового слова, ни улыбки... Впрочем, кто смог бы заменить мою бедную матушку, которую я никогда не видела? Она умерла ради того, чтобы я появилась на свет, выменяла у Господа мою жизнь в обмен на свою. Папенька да кормилица Ульяна растили меня.

Ульяна первая сказала то, о чем я даже боялась подумать. «Ведьма она, прости господи... Ведьма самая настоящая! Как же он, Петр Алексеич, мог привезти ее для моей кровиночки?» – «Да что ты такое говоришь, Ульяша!» – вступилась я за мадемуазель, а сердце так и забило сильно-сильно. Моя кормилица чутье имела, как у кошки: если говорила, что мадемуазель ведьма, значит, правда то и есть. И стали вспоминаться мне те странности, которые водились за Мари: платье выбирает темные, даже в праздник, в церковь на службу ни разу не пришла. Иноземка, другой веры... Да разве оправдание это? Вера в Бога

едина, как и един Бог. Старый мсье Николая никогда не пропускал воскресной службы!

А когда она смотрит на меня в то время, когда я отвечаю урок, ее взгляд делается застывшим, как у мертвой рыбы, и лицо ее кажется неживым, как у тех кукол, что она лепит.

Да и разве это христианское дело – то, что она творит? Ульяша мне рассказала, что вошла однажды в комнату мадемуазели, думая, что та ушла в деревню, но застала хозяйку на месте. И то, чем она занималась, напугало Ульяшу до визга. В первый момент моей бедной кормилице показалось, что у Мари на столе лежит ребенок, и проклятая ведьма ощупывает его лицо. Мадемуазель тоже напугалась до крика... И как же было горько Ульяше и мне, когда папенька в том конфликте неожиданно принял сторону этой чужеземки, а не кормилицы, растившей меня, заменившей мне мать!

Ульяша сказала мне, что увидела, как мадемуазель шептала что-то над той куклой. Заклинания, проклятия. А через два дня крепко занедужил ребенок поварихи. Отомстила проклятая ведьма бедной женщине: на прошлой неделе мадемуазель вошла в кухню в тот момент, когда кухарка смеялась прилюдно над иноземкой. И хоть не понимает по-русски Мари ни слова, догадалась, что насмеваются над ней...

Ребенок кухарки болен. И это не первый случай в нашем поместье, когда по вине ведьмы случаются беды. Это не я придумала! Люди кругом шепчутся, но не говорят открыто, боятся ведьмы: кто слово против скажет, тот потом непременно больной сляжет.

И на ней женится мой папенька...

* * *

И черт дернул Аду включить телевизор и попасть на канал, по которому как раз передавали криминальные новости! Она уже собиралась было переключиться на другую программу, как вдруг услышала имя Светланы Юсуповой. Да так и замерла перед телевизором с направленным на него пультом. Мало ли Светлан Юсуповых в столице? Но сердце неприятно кольнуло, а по спине вдруг прошел холод, словно внезапно распахнулась форточка и ночной ветер ледяной ладонью приласкал Аду.

Камера вначале стыдливо скользнула по оклеенным цветочными обоями стенам небольшой комнатки, уткнулась всевидящим оком в диван-книжку, с особым вниманием отметив почему-то наполовину сдернутый с

него плед. Мельком скользнула взглядом по книжной этажерке и наконец-то остановилась на лежащем возле дивана теле девушки. Одна нога той запуталась в складках упавшего на пол пледа, на вторую была надета тапочка. Халатик на девушке некрасиво задрался, обнажив треугольник трусиков. Камера с особым сладострастием скользнула по оголенному животу девушки, затем продемонстрировала разметавшиеся по ковру светлые длинные волосы и только после этого показала лицо несчастной. И хотя Ада уже предчувствовала, что этой девушкой окажется ее знакомая, невольно вскрикнула, увидев лицо Светланы.

Когда первое потрясение прошло, Ада смогла вслушаться в слова и понять то, о чем бесстрастно вещал репортер. А говорил он странные вещи – что Светлана покончила с собой, наглотавшись таблеток...

Программа уже давно закончилась, на экране бойко мелькали рекламные ролики, а Ада все так и стояла перед телевизором с пультом в руке. «Она же замуж собиралась!» – первая мысль, которая появилась в ее опустошенном такой новостью сознании. Не могла Светлана покончить с собой! Не могла, и все тут! Она же была так счастлива! Но, может, ее бросил жених почти перед самой свадьбой?..

Ада металась по квартире, не зная, что делать, куда себя девать. И только лишь мысль, что на Светиной работе, возможно, до сих пор не знают о случившемся, вернула Аде способность действовать. Она бросилась к телефону, отыскала номер салона и позвонила. Длинные бесконечные гудки показались ей тягучими, как разогретая карамель. Ада даже не сразу отдала себе отчет в том, что считает их, а когда досчитала до четырнадцати, запоздало сообразила, что в такой поздний час в салоне просто никого нет.

Полночи она пролежала в кровати без сна, думая о Свете. Она не гадала уже, что могло послужить мотивом для такого страшного поступка, нет, она просто, чтя память умершей, перебирала в памяти картины из прошлого, в которое так не любила заглядывать.

Со Светланой на протяжении многих лет они делили одну спальню, одежду, косметику. Делили жизнь. И пусть близкими подругами они не были ни тогда, ни сейчас, не поверяли друг другу секреты, общего у них было гораздо больше, чем у душевных подружек. Их одинаково пометила жизнь, они обе изо всех сил старались выстроить свое будущее, смотреть вперед и не оглядываться назад. Ада понимала ту радость, с какой Светлана рассказывала всему миру о предстоящей свадьбе, и осознала, почему сама слушала эти разговоры с жадностью. Потому что будущая свадьба обещала Светлане то, чего у нее не было раньше, – семью. И Ада, слушая рассказы

девушки, грелась возле чужого счастья, тайно благодарная за то, что ей ненадолго позволили расположиться у теплого огонька строящегося семейного очага.

Боярышники, 1989 год

Боярышники, утратившие свое оригинальное название в советские времена, а затем вернувшие его к выпуску Ады, застенчиво прятались от населенных пунктов за неширокой полосой хвойного леса. Отгороженные от мира не только каменным забором, поверху которого вилась колючей змеей проржавевшая проволока, но и лесополосой, они казались островком, затерявшимся в сосновом океане. Но это обманчивое впечатление развеивали доносившиеся до территории Боярышников приглушенный гул электричек и ритмичный стук колес товарняков. Одноименная станция находилась от главного здания бывшей усадьбы не так уж далеко в километровом измерении, но на практике выходил достаточно приличный путь – прямой дороги не было. Сначала требовалось пересечь «зазаборную» территорию, растянувшуюся на пару километров, затем, сойдя с асфальтированной дороги, упирающейся в глухой забор, свернуть налево на утрамбованную до каменистой твердости тропу, пересекающую хвойную посадку по направлению к выходу. Ворота в те времена, когда усадьба принадлежала графу Боярышникову, не были главными и предназначались для простолюдинов. Когда-то они были деревянными, простыми, но все же куда лучше той металлической ставни, со скрипом и стономдвигающейся теперь по рельсе. Парадные же ворота для хозяев и гостей снесли еще в начале прошлого века, когда усадьба перешла в руки новых, «красных», властей, а образовавшуюся брешь заделали.

Покинув территорию, нужно было пересечь лес, а затем через поле по узкой тропе минут пятнадцать идти к станции. По ту сторону железнодорожного полотна располагался поселок, бывший когда-то двумя деревнями, постепенно слившимися благодаря новым постройкам в один большой населенный пункт. Иногда, раз-два в месяц, в него выводили на прогулку воспитанников Боярышников.

Ада историей бывшей усадьбы не интересовалась. Этот дом так и не стал ей родным, хотя она и провела в нем большую часть жизни. Девочка знала лишь то, что знали все воспитанники: бывшая усадьба после революции волей новых властей превратилась в приют для сирот. Во время

Второй мировой войны главное здание оборудовали под госпиталь, а в послевоенное время сделали детский дом. В этом статусе бывшая усадьба просуществовала еще двадцать лет. Затем, когда дом потребовал капитального ремонта, детей расформировали по другим домам, а территорию закрыли. Но по каким-то причинам ремонт отложили, и усадьба простояла в запустении пятнадцать лет. Может быть, так и разрушилась бы со временем, но сменившиеся местные власти спохватились, что Боярышники представляют собой историческую ценность. И отреставрированная усадьба, ставшая теперь интернатом, вновь приняла детей из неполных и неблагополучных семей. Вот и все, что знала Ада о том месте, в котором прошла значительная часть ее жизни.

Главный корпус, трехэтажный, где учились и жили воспитанники, напоминал Аде увиденный на открытках Смольный: подобную ассоциацию вызывали арочные окна и колонны, удерживавшие козырек над входом. Только вот институтом для благородных девиц интернат никак нельзя было назвать.

До семи лет Аду воспитывала тетка-инвалид. О своей младшей сестре, матери Ады, тетка всегда отзывалась пренебрежительно и брезгливо, не щадя чувств маленькой девочки: «Шалава!» Что стало с матерью, девочка точно не знала. По одной версии, сбежала с очередным хахалем и погибла от его побоев, по другой – что-то сама сотворила с собой на почве несчастной любви. О новорожденной дочке мать-кукушка совершенно не заботилась, подкинула ее в «гнездо» старшей незамужней сестры еще младенцем и упорхнула налаживать свою личную жизнь. Мечтала, что будет жить ярко и празднично, как райская птичка, но получила в итоге лишь болотную трясику.

Тетка Анжела, скрюченная, горбатая, с длинными, как у обезьяны, руками, с детства страдала тяжелым заболеванием, перекрутившим ее позвоночник, изуродовавшим конечности и превратившим жизнь в бесконечный ад. Дожила она в одиночестве почти до сорока лет и прожила бы так и весь остаток своей не балующей разнообразием жизни, если бы ей на шею не свалилась эта орущая, голодная, требовательная девочка. Анжела как-то рассказала Аде, что беспутная мать просто принесла завернутую в одеяло дочь к старшей сестре, положила девочку на пороге и, позвонив в дверь, преспокойно ушла. И не знали ничего о молодой женщине до тех пор, пока не пришло известие о ее кончине. «Подохла, как собака», – цедила сквозь зубы Анжела, но беззлобно, в душе жалея беспутную младшую сестру. Об отце девочки ничего не было известно,

хоть тетка и пыталась найти его: выпрашивала местных сплетниц в надежде узнать, с кем около года назад путалась ее сестра. Но когда Анжела увидела одного из тех «кавалеров», решила, что пусть уж у девочки вовсе не будет отца, чем вот такой, опустившийся ниже некуда. Разборчивостью в любовных связях младшая сестренка не отличалась.

И хотя этот крест – поднимать ребенка на нищенскую пенсию едва передвигающегося инвалида – легким никак нельзя было назвать, Анжела не жалела, что взвалила его на себя. Она и не ожидала от жизни подобного чуда: с тем, что ее судьба – коротать отведенные ей годы в одиночестве, – она смирилась еще в молодости. Сознательно запретив себе мечтать, надеяться, желать, Анжела добилась того, что превратила себя в замкнутую, ворчливую тетку с окаменевшей душой. И сама от себя не ожидала, что вдруг на камнях может прорасти молодой, но оказавшийся таким сильным росток любви.

Анжела любила девочку, но, сама не знавшая ласки и нежности, не могла выразить чувства: нескладные руки, порой тянувшиеся, чтобы обнять сиротку, опускались нерешительно, так и не коснувшись девочки. Не баловала Аду (на нищенскую пенсию особо и не разбалуешь), держала в строгости, за проступки наказывала, но за успехи и достижения не скупилась на похвалу. И по-своему учила жизни. «Смотри мне, Адка, будешь рохлей, не будешь за кусок свой драться, запинают тебя, останешься голодной. Сироту обидеть проще всего, никто не заступится! Не на доброго человека надейся и не на боженьку, а на себя, только на себя», – внушала Аде тетка. И девочка слушала, мотала наставления себе на ус. Анжела с радостью отмечала, что растет племянница смышленной и сообразительной – не оправдались опасения, что из-за плохой генетики девочка будет страдать слабоумием. Анжела, глядя на умненькую девчушку, все больше и больше подвергала сомнению версию, что родилась она от местного пьянчужки. А что, если у сестры случился роман с интеллигентным, но женатым мужчиной, может быть, каким-нибудь профессором? Анжела придумала такую историю и сама поверила в нее. И частенько приговаривала: «Адка, придет время, учись! Светлая голова тебе дана не для того, чтобы прическу носить, а чтобы думать! Умные далеко идут. Будешь учиться, станешь большим человеком, а не будешь – пойдешь в дворничихи. И будешь жить как Симка. Ты же ведь не хочешь так?» Ада не хотела. К дворничихе Симке она относилась со смесью страха и брезгливости, потому что была та вечно пьяной, горланящей непристойности, ободранной, как бездомная. Впрочем, и квартиры приличной у дворничихи не было, жила она в котельной, где спала, ела и

принимала ухаживания и ласки от таких же, как сама, перманентно нетрезвых кавалеров. Ада точно не хотела так жить.

«И шалавиться мне не вздумай!» – на будущее просвещала маленькую девочку тетка, считавшая, что нечего скрывать от крохи правду жизни. «Ты же не хочешь закончить так, как твоя мать? Хуже собаки подзаборной. Ты же ведь так не хочешь, Адка?» И маленькая Ада, хоть и не понимала значения слова, но догадывалась, что тетка предупреждает о чем-то плохом. Нет, «шалавиться» она не желала.

Когда девочке исполнилось семь лет, тетка отдала ее не в обычную школу, а в интернат. Болезнь Анжелы усугубилась, растить племянницу становилось все сложнее. «Ничего, пусть поучится жизни, пригодится», – ворчала тетка, думая о скором отъезде Ады. Утешала она таким образом не столько девочку, сколько саму себя и украдкой смахивала слезу. Выхлопотать интернат для племянницы оказалось едва ли не так же сложно, как в свое время оформить опеку. Если раньше Анжела изо всех сил старалась доказать, что она, несмотря на свою инвалидность, справится с такой серьезной обязанностью, как воспитание девочки, то теперь, ради того, чтобы племянницу определили на обеспечение в интернат, пришлось убеждать инстанции в обратном.

Ада не знала, как реагировать на подобные перемены. С одной стороны, жила она с теткой замкнуто, практически не общаясь со сверстниками, а ей хотелось, как и любому ребенку, играть и разговаривать с другими детьми. Но перемены и пугали, само слово «интернат» казалось некрасивым и настораживающим. Как ее примут в том мире, в котором правят свои законы? Тетка не была с ней ласкова, порой – сурова, но Ада чувствовала, что Анжела ее по-своему любит, да и она сама тоже любила тетку, заменившую ей мать.

В день отъезда у Ады приключилась истерика. Плакала девочка редко, даже когда ей бывало очень больно: закусит губу и дышит часто и громко, пережидая, когда отпустит боль. От обиды – не плакала тем более. Уйдет в уголок, сядет тихонько и молчит, рассматривая диковинные цветы на выцветших обоях, ждет, когда тетка первая позовет ее мириться. А в то утро, когда за Адой пришла незнакомая женщина – соцработница, раскричалась и расплакалась. Увели девочку, затаившую в душе обиду, почти силком. И не видела она, что, когда за ней захлопнулась дверь, тетка прижалась лбом к вытертой обивке и тихонько завывала. Тетка Анжела, железная до мозга костей, с эмоциональной пустыней в душе, рыдала и причитала, как профессиональная плакальщица, с трудом сдерживая порыв броситься, насколько позволяла ее немоощь, вслед за соцработницей и

вернуть девочку. Душевная боль была невыносимой: не утешало и то, что девочка будет приезжать на каникулы.

Первый месяц в интернате Ада прожила отрешенно, ничего не запомнив из того, что происходило, не обращая внимания ни на людей, ни на предметы обстановки, словно находилась она не внутри жизни, а на ее обочине. Не слышала, не чувствовала, не наблюдала, передвигалась угловато, словно механическая кукла, ела, не разбирая вкуса, на уроках не могла сосредоточиться, ни с кем из других воспитанниц подружиться не пыталась. В день приезда окружила ее группка девочек, которые стрекотали, как сороки, дергали за платье, куда-то тянули. А Ада лишь испуганно отдергивала руки, когда их касались, и молча тарасилась на незнакомых девочек, одетых в одинаковые уродливо-коричневые платья. Ни имен, ни лиц она не запомнила, соседки по комнате ей вообще в первое время виделись одинаковыми, будто высаженные на магазинную полку пупсы.

Постепенно она начала «прозревать»: окружающие перестали казаться безликими, имя воспитательницы наконец-то достигло слуха и засело в памяти – Анна Макаровна, которую за спиной называли Макароновой. Ада сидела на уроках одна: девочки быстро поняли, что с ней, букой, неинтересно находиться рядом, все равно что соседствовать со столбом. Но однажды и у Ады оказалась за партой соседка, девочка подседа к ней перед уроком и вдруг без всякого вступления сказала:

– А моя мама – актриса!

И оттого, что разговор был начат так неординарно, Ада вдруг словно проснулась и будто впервые увидела заговорившую с ней девочку. Соседка по парте была красива, как немецкая кукла, которую однажды Ада видела в магазине: с волосами цвета зрелой пшеницы и синими, как июльское небо, глазами – невероятно красива, так что Ада безоговорочно поверила в то, что у этой юной красавицы мама и вправду актриса.

– Только она постоянно на гастролях, моя мамочка, вот я и живу тут, – вздохнула собеседница.

– Да нет у тебя никакой мамочки! – оглянулась на их парту сидевшая впереди девочка. Ада впервые рассмотрела лицо и той – широкое и плоское, как блюдо для пирогов, с приплюснутой переносицей и узкими «длинными» глазами с приподнятыми к вискам наружными уголками. Внешность у девочки была необычной – Ада никогда не видела подобных лиц и поэтому не сразу смогла для себя решить, красива та или, наоборот, безобразна. Все дни до этого Аде было достаточно одного вида широкой спины впередисидящей девочки – за ней так удобно было прятаться от

взгляда учительницы, – теперь наконец-то «увидела» и ее лицо.

– Есть! Есть! – занервничала соседка Ады. – Ты ее не видела, потому не веришь! А я фотографию покажу! Моя мама – известная актриса!

– Ну да, а папа – летчик! – засмеялась круглолицая девочка и отвернулась.

– Ничего он не летчик, – пробормотала себе под нос девочка-кукла. – Противная Райка, вечно она...

– Как тебя зовут? – спросила Ада, увидев, как страдальчески искривилось личико девочки, собирающейся вот-вот заплакать. Ада тогда еще не знала, что на самом деле всех этих пап-моряков, летчиков и военных, а мам-актрис не существует. Нет, родители у всех, конечно, были, но они имели далеко не такие интересные и романтические профессии.

– Света, – ответила девочка и в ответ полубопытствовала: – А почему у тебя глаза разные?

У Ады глаза и вправду были разноцветными: один – синий, другой – зеленый. Она знала об этом с детства, но, пока была маленькой девочкой, ее это совершенно не заботило. Это уже потом, в подростковый период, когда переживания по поводу не той формы носа, ног, количества веснушек, худобы или полноты соперничают с любовными и занимают едва ли не самое важное место в жизни, Ада стала комплексовать по поводу «неудавшихся» глаз. А в семилетнем возрасте ей даже казалось интересным иметь такую особенность. Но что ответить любопытной соседке? Сказать, что такой родилась – скучно. Хотелось поразить воображение девочки, у которой мама – «актриса».

– А у меня глаза волшебные, – на ходу придумала Ада. – Я могу видеть ночью, как кошка.

Так одно время соседки по комнате и верили, что она обладает зорким ночным зрением, пока однажды впотьмах Ада позорно не споткнулась об ведро с водой, поставленное у ее кровати. Это девочки, наущенные Зинаидой, решили проверить, правда ли Ада видит ночью...

Ее годы в интернате похожи на мозаику: черно-белые, а временами – цветные. Десять лет, третья часть прожитого, а как будто – вся жизнь...

* * *

Спать Ада легла раньше обычного. Репортаж о гибели Светланы выбил ее из привычной колеи настолько, что не смогли увлечь ни рабочая переписка, ни присланный Сташковым мейл с сообщением о

намечающейся сделке, ни брошенный на самом интересном месте роман, который Ада начала читать три дня назад. Она выпила на ночь липового чаю и уснула на удивление быстро, но спала беспокойно: то просыпаясь, то мучаясь кошмарами.

Наутро чувствовала себя неважно, словно после похмелья: голова была тяжелой, туманилось сознание, болезненно пересохло горло. Рассеянно собиралась на работу: бродила по квартире, натываясь на стены и предметы, забывая, что необходимо сделать или взять. Вместо сахара всыпала в чашку с чаем две ложки кофе, почистила зубы кремом для рук, пиком же рассеянности стало то, что вышла Ада из дома в домашних тапочках и заметила это только в машине. Чертыхнувшись про себя, она вновь поднялась в квартиру, чтобы переобуться. Не зная, на кого спихнуть вину за то, что день с самого утра пошел наперекосяк, Ада сваливала ее на Сташкова, потому что тому вчера пришло в голову отправить ее домой раньше обычного времени. Если бы она не уехала так рано, не включила бы телевизор и не увидела репортаж о гибели Светланы, нарушивший ее душевное равновесие и сбивший привычный ритм жизни, то не провела бы еще одну ночь в кошмарах, а проснулась бодрой и собранной, как всегда.

– Очнись! – сердито оборвала себя Ада. Ну что она, в самом деле, выдумывает! О гибели Светланы она и без того узнала бы рано или поздно. Так при чем тут Сташков? И вообще он лишь предложил ей отправиться домой пораньше, а она с радостью ухватилась за этот подарок.

День, в которыйходишь с левой ноги, чаще всего и дальше идет вкривь и вкось. Не успела Ада завести двигатель, как на ее мобильный раздался звонок с неизвестного номера.

– Ада? – уточнил приятный мужской голос. Такие голоса – низкие, сочные, глубокие – ей всегда нравились, поэтому и ответила неожиданно для себя с ноткой кокетства:

– Она самая.

– Доброе утро! Владимир Сухих тебя беспокоит.

И незнакомый собеседник замолк, будто ожидая выражения бурной радости, но имя не вызвало у Ады никаких воспоминаний. Мужчина молчал. Длительная тишина усугубляла нервозность девушки: не получалось вспомнить, где она могла слышать имя позвонившего, где, при каких обстоятельствах они встречались (а ведь наверняка где-то виделись, если он звонит ей так просто и ждет ее реакции).

– Ада, вспомнить, что ли, меня не можешь? – угадал мужчина и тихо засмеялся в трубку. И от его смеха – приятного – Ада сконфузилась еще больше.

– Э-э... – протянула она. – Мы с вами встречались месяц назад на банкете в честь...

– Нет, не на банкете, – перебил собеседник, уже не смеясь, но с веселыми нотками в голосе. – Ладно уж, не буду тебя мучить. Не маленькие, чтобы в угадалки играть, хотя, если бы ты вспомнила детские игры, вспомнила бы и меня.

Смутное, зыбкое ощущение, которое все еще не удавалось ухватить за ускользающий край, шевельнулось в душе: когда-то раньше она действительно встречалась с этим Владимиром... И не на деловых ланчах и ужинах, а в обстановке, не имеющей никакого отношения к ее настоящему. Этот человек из ее прошлого. Но едва воспоминание, подобно изображению на фотобумаге, начало проявляться в памяти, как мужчина не утерпел:

– Адка, вспомни интернат!

– Вовчик! – воскликнула Ада, в последний момент едва сдержав уже готовую сорваться с языка намертво прилипшую в те годы к мальчишке кличку, идущую вразрез с его фамилией – Мокрый. И в памяти визуализировался образ белобрысого, плохо стриженного мальчишки в неопрятной одежде, висящей на его нескладной костлявой фигуре подобно рубищу на огородном пугале. Вовчик получил свою кличку за то, что у него из носа вечно текло – зимой и летом. Жестокие дети изначально дали ему куда более прямое прозвище – Сопливый, и отказывались с ним водиться, но благодаря чьей-то доброй душе, имевшей авторитет, кличку смягчили до Мокрого.

– Он самый! – обрадовался Владимир, что Ада его вспомнила.

– Как ты меня нашел?

– Не так просто, как хотелось бы, но нашел, – лаконично ответил Сухих.

Ада слушала его голос и не могла отделаться от ощущения, что это какая-то шутка, потому что этот обволакивающий, глубокий низкий голос никак не мог принадлежать писклявому Вовчику.

– Ада, мне нужно с тобой поговорить, – перешел к делу Владимир. – Это очень срочно и важно.

– О чем? – с тоской в голосе вяло отозвалась Ада. Ей подумалось, что Вовчик нашел ее ради того, чтобы воспользоваться «связями» в личных целях: либо попросить денег, либо устроить его на работу. Год назад в ее офис завалилась полупьяная бомжиха, которая устроила настоящий переполох. Как пьянчужке удалось пробраться сквозь доблестно сторожащих вход в офис двух охранников, осталось загадкой. Похоже,

непрощенная гостья воспользовалась мгновением, когда оба охранника на что-то отвлеклись, и успела ужом проскользнуть мимо них. Но, однако, незамеченной далеко не ушла: аромат, совсем не шанелевский, густым шлейфом тянувшийся за ней, мигом привел охранников в чувство боевой готовности, и те ринулись следом за уже деловито семенящей по коридору пьянчужкой.

Возможно, ту бы тут же выдворили обратно на улицу быстро и без шума, если бы в тот момент Ада не вышла из своего кабинета. «Ого!» – обрадованно-удивленно провозгласила бомжиха, останавливаясь перед Адой. Уперев грязные руки в бока и широко, по-матросски, расставив ноги, пьянчужка расплылась в улыбке, продемонстрировав прореженную в драках челюсть, и заорала: «А вот она какая стала, наша Адуся! Ну что, подруга, дай-ка мне тебя обнять! Да встречу-то и отметить не мешает...» Ада брезгливо поморщилась и отступила назад, а затем бросила красноречивый взгляд на охранников. «Уволю!» – прочиталось тем во взгляде начальницы, и brave молодцы, не сговариваясь, бросились к бомжихе, скрутили ей руки за спиной. «Да вы что?!» – искренне возмутилась «гостья», явно настроившаяся не на такой прием. После витиеватой тирады, в которой подробно народными словами объяснялось, куда стоит пойти невежливым охранникам, пьянчужка выкрикнула: «Да я ж бывшая подружница вашей барыни! Зинаида я! Адка, ты что, ох...» – полетели теперь «эпитеты» уже в адрес Ады. «Зинку не помнишь, гадина такая? А кто тебе на Новый год платье синее одолжил, забыла?» – «Ты ко мне за платьем пришла?» – холодно осведомилась Ада, стараясь не показать брезгливости. «Ну, можно и за платьем, – согласилась Зина. – А вообще-то денюжат неплохо... Ты вон у нас какая богатенькая стала, а я...» В это время, не дожидаясь ответа хозяйки, охранники потащили завизжавшую и вновь разразившуюся народным сленгом Зинку к выходу. А Ада в заминке осталась стоять на месте, но, когда одна из дверей приоткрылась и в коридор высунулось удивленное и любопытное лицо одного из служащих, поспешно ретировалась к себе. Уже попав на свою территорию, Ада подумала, что надо было дать Зинке денег. За прошлое. Хотя бы в качестве запоздалой благодарности за то синее платье, сыгравшее в ее судьбе важную роль. Впрочем, эта встреча оказалась не последней. Зинаида подкараулила Аду вечером, когда та выходила из офиса. Шагнула навстречу из тени призраком прошлого и угрожающе провила: «Компенсацию, барыня, за твоих холопов не желаешь выдать? А не то...» Дослушивать про «не то» Ада не стала, подхватила, преодолевая тошноту, бомжиху под локоть и быстро повела за собой. Отойдя за здание,

она торопливо щелкнула замком сумочки и вытащила кошелек, не считая, вынула из него почти все купюры, оставив лишь пару банкнот на всякий случай, и сунула в грязную руку бомжихи деньги. «Трать с умом, чтобы надолго хватило!» – «Вот спасибо!» – заулыбалась щербато Зинка. – Вот почувствовала я, что ты, Адка, в говно не превратилась. Спасибо!» – «И больше тут не показывайся, а не то...» И Ада стремительно ушла. Однако угроза не подействовала – Зинка появлялась возле офиса еще не раз, и не одна, а со своими помоечными приятелями. Устраивали дебоши, выли и орала под окнами, пугая прохожих, один раз разбили бутылкой стекло, а однажды чуть не подожгли офис. Закончилось это светопреставление через две недели мучений: говорили, что Зинку зарезали в пьяной драке. Ее дружки дерзнули было сунуться к офису и самостоятельно, но были быстро отшиты, а без своей боевой атаманши в повторную атаку ринуться не рискнули.

Поэтому, услышав, что бывшему однокашнику нужно с ней поговорить, Ада загрустила.

– О чем, Вовчик? – повторила она, машинально назвав его тем уменьшительным именем, каким раньше его звали в интернате.

– О прошлом, – вбил мужчина одним ударом гвоздь. – О том, Ада, что случилось пятнадцать лет назад.

– Пятнадцать! – воскликнула она нарочито легкомысленным и беззаботным тоном, за которым неумело постаралась скрыть возникший страх. – Это много лет, Володя. Я уже не помню, что...

– Помнишь, – резко прервал он ее, и бархатные нотки в его голосе неожиданно сменились режущей сталью, – и понимаешь, что я имею в виду.

– Зачем тебе это? – сдалась Ада. Уж лучше бы он денег просил!

– Встретимся, объясню. Не телефонный разговор. Но, уверяю, иметь он будет для тебя жизненно важный интерес. Да, именно так – жизненно важный...

– Ты как будто мне угрожаешь...

– Угрожаю? – рассмеялся «призрак из прошлого». – Нет, Ада, я тебе не угрожаю. Хотя опасность над тобой действительно нависла. А я лишь предостеречь хочу. Так что, встречаемся?

– Где и когда?

Лучше уж поскорее покончить с этим неприятным разговором, который положила руку на сердце затевать совершенно не хотелось. Как и встречаться с кем-либо, с кем прошли годы ее детства и юности. Только Светлана стала исключением. И не только потому, что между ней и Адой

установилось полное взаимопонимание мастера и клиента, но и потому, что со Светланой Аду роднило отчаянное стремление создать как можно больше «перекладин», чтобы по этой «лестнице» выбраться из ямы прошлого в благополучное будущее. Это слово «благополучное» для них, проживших детство под ярлыком «из неблагополучных семей», казалось ключевым. «Неблагополучные» – стало клеймом, выжженным не на коже, а в душе.

Ада ничего не знала об остальных девочках, с кем делила интернатовскую спальню с выкрашенными в больничный зеленый цвет стенами, которые они своими силами пытались «одомашнить» постерами. Плакаты висели каждый раз недолго, их сдирали с ругательствами и проклятиями уборщица Нюра, но на их месте неизменно появлялись новые.

Картинка с теми постерами возникла в памяти так ярко, что Ада на мгновение выключилась из реальности и вздрогнула, когда в трубке раздался голос Вовчика:

– На Маяковке через сорок минут? Позавтракаем вместе в кафе, там такие вкусные блины подают!

Ада хотела возразить, что не привыкла завтракать блинами. Да и вообще уже позавтракала – апельсиновым соком и мюсли. Но... воображение тут же нарисовало стопочку ароматных ажурных блинов и блюдечко с густой сметаной. Она записала координаты кафе и сказала, что придет, а затем без душевного трепета и угрызений совести набрала номер Сташкова и сообщила, что задержится, подъедет в офис позже. Игорь не удивился, так, словно это было в привычке Ады опаздывать на работу.

Боярышники, 1914 год

Жизнь с мачехой – горше полынной настойки. Папенька ходит счастливый, с не сходящей с его губ улыбкой и мягким светом в глазах. Но улыбка и нежный взгляд не принадлежат более мне, всем его вниманием завладела эта чужеземка, пакостная ведьма.

Со мной она обращается по-прежнему с холодной учтивостью, ничего, казалось бы, не поменялось в наших отношениях... для тех, кто видит это со стороны. Но я чувствую всю ее нелюбовь и... боюсь. Боюсь, что в один день слягу с ужасной болезнью и умру, и виновата в этом будет она, чужеземка, – ненавистная теперь уже мадам, отнявшая у меня папеньку.

А мой бедный отец, безумный слепец, отравившийся в почтенном

возрасте, как юнец, ядом любви, для обожжаемой Мари готов звезды с неба снимать руками. Сделал ей рядом со своим кабинетом мастерскую, и теперь эта ведьма лепит ужасные куклы, так похожие на живых людей, не скрываясь. Отец даже отдал одну из зал под выставку, которая пополняется этими уродцами. А какой свадебный подарок сделала Мари отцу?.. Две куклы, похожие, как близнецы, на моего папеньку и на нее саму! Я пришла в ужас, отец – в восторг. После этого он и велел оборудовать для Мари мастерскую, чтобы могла та вволюшку тешиться любимым делом... Да если бы знал он, что за «любимое дело» у его женушки! Ульяша по секрету, крестясь и испуганно озираясь, рассказала, что ведьма берет с покойников волосы для кукол! Христианское ли это дело! Когда я поведала об этом папеньке, он и слушать меня не захотел, засмеялся, потом рассердился. И строго сказал, чтобы я не слушала сказки необразованного народа. Я расплакалась, а потом всю ночь мне снились ужасные сны о том, как покойные, сверкая в лунном свете голыми черепами, поднимаются по парадной лестнице нашего дома, бредут по коридору, скалясь в страшных ухмылках. Рыщут по комнатам, врываются в спальни, воют, распространяя вокруг себя гнилостный смрад, – ищут, где ведьма Мари прячет свои ужасные куклы. А я, бедная сиротка, сижу, боясь вздохнуть от страха, в самом темном уголке своей комнаты и молюсь, чтобы ужасные «гости» не ворвались ко мне. И вот до моего слуха доносится радостный вой: это покойные нашли залу с куклами. И я наконец-то перевозжу дух. Но тут чья-то рука, царапая кожу головы когтями, цепляется мне в волосы – и я с ужасным криком просыпаюсь. После того страшного сна я целый день была больна.

В один из вечеров Ульяша тихо постучала в мою комнату и, когда я разрешила ей войти, шмыгнула торопливо, словно мышка.

– Я слышала... – сказала кормилица, прижимая ладонь к часто вздымавшейся груди, будто бежала ко мне, а не шла. – Лизавета увидела...

– Что увидела, Ульяша? – нетерпеливо поторопила я кормилицу, так как, не договорив, она в нерешительности замолчала.

– Эта Мари... Куклу она лепит с твоим лицом! – выпалила Ульяша разом.

Наверное, я побледнела, потому что кормилица вдруг бросилась ко мне и, прижав к могучей груди, испуганно забормотала:

– Девочка, девочка моя, тебе нехорошо? Воды дать? Сейчас, погоди...

– Не надо воды, Ульяша, – слабо сказала я, на самом деле чувствуя дурноту. Новость, которую принесла мне кормилица, могла означать лишь

одно...

– Никак извести она тебя задумала, окаянная! – с гневом и горечью воскликнула Ульяна и, спохватившись, уже зашептала: – Лизавета убиралась в комнате мадам, в той, которую ваш папенька отдал для мастерства. И увидела куклу, похожую лицом на моего ангела... Душа моя, Асенька...

На глазах кормилицы показались слезы.

– Нашепчет, на кладбище снесет куклу. А там...

– Замолчи, Ульяша! – рассердилась я. Мне и без того страшно, так зачем она пуще страху нагоняет?

– Прости, прости дуру старую... – смутилась кормилица. – Лизавета сразу ко мне бросилась, предупредить. А я – к тебе. Папеньке бы вашему сказать!

– Папенька не поверит, – с горечью ответила я. – Он восхитится и обрадуется. Решит, что мадам мастерит мне подарок.

– Я украду эту куклу! – с живой горячностью воскликнула Ульяна. Но я покачала головой:

– Мадам новую сделает.

От страха дурнота накатила новой волной, и я схватилась за стену, чтобы не упасть.

– Душа моя, Асенька... – запричитала Ульяна. – Приляг, приляг, милая. Я воды принесу.

– Ульяна, придумай что-нибудь! – прошептала я, складывая ладони у груди, как в молитве. – Придумай! Папенька мне не помощник. Только ты одна у меня осталась!

– Придумаю, мой ангел. Придумаю! – пообещала верная кормилица. И я обняла ее так крепко, как могла. И стало мне покойно-покойно. С любой бедой я могла прийти к ней, и Ульяна умела меня утешить.

* * *

Кафе, со слов Владимира, находилось рядом с метро, и Ада рассудила, что в утренних пробках потеряет куда больше времени, чем если будет добираться своим ходом. К тому же найти место для парковки в центре сложно, поэтому она оставила машину и направилась к метро пешком. Погода благоволила утренней прогулке: теплый ветер игриво раздувал полы плаща и по-матерински ласково ерошил стриженные на затылке волосы. Деревья в маленьких молодых листочках казались ажурными, и

солнечный свет, создавая легкие тени, ложился на асфальт кружевными рисунками. Тяжелые мысли уносились свежим весенним ветром, бесследно таяли, растворяясь в чудесных запахах пробудившейся природы. Пятнадцатиминутная прогулка по улицам, на которых царствует поздняя весна, может оказаться самым лучшим средством от плохого настроения – в какой-то момент Ада поймала себя на том, что улыбается.

Возле метро она увидела старушку, раскладывающую на картонке свое добро – шерстяные носки ручной вязки. Проходя мимо, Ада замедлила шаг. Пожилая женщина вдруг подняла голову и посмотрела на девушку с такой надеждой, что у нее сжалось сердце. «Сколько же ей лет?» – подумала Ада, окидывая взглядом вязаный берет, старомодный тулупчик и валенки, в которые, несмотря на тепло, была обута бабушка. На вид ей было не меньше восьмидесяти лет.

– Дочка, возьми носочки, – прошелестела старушка бескровными губами. – Сама вяжу. Шерсть покупаю. Смотри, какие мягонькие!

Бабуля торопливо схватила плохо гнущимися, с опухшими суставами пальцами носок и протянула его Аде. Девушка машинально пощупала его, и к горлу подкатил комок. Ей представилось, как эта бабушка, сидя у окна и щуря подслеповатые глаза, вывязывает непослушными пальцами рядки, считает петли и думает о том, что на выручку купит продуктов и новой шерсти. Но прохожие, не зная о том, как важно для нее продать свой товар, бегут равнодушно мимо. А старушка каждое утро рано поднимается и идет к метро...

А еще подумалось Аде, что она никогда не носила носков домашней вязки – некому было их ей вязать: бабушек у нее не было, как и у многих детей в интернате. Ей вспомнилось, что шерстяные носки были у Марины, потому что у той как раз бабушка и была – единственная родственница. И девочки завидовали Марине из-за этих носков: не потому, что те были такими уж красивыми, а потому, что были с заботой связаны родным человеком.

– Сколько? – хрипловатым от накатившего волнения голосом спросила Ада, не выпуская из пальцев носок из серой шерсти.

– Да недорого возьму! – обрадовалась бабушка. – Возьми, возьми, дочка, парочку! Будут греть тебя. Я бабка старая, но вязала их с любовью.

Старушка назвала цену, и Ада мысленно застонала: свой труд вязальщица оценила в копейки.

– Я беру все, – решила девушка. Бабушка удивленно охнула и засуетилась, торопясь собрать носки в обычный пластиковый пакет. Ада тем временем достала из кошелька самую крупную купюру, превышающую

стоимость всего товара едва ли не в десять раз, и протянула ее бабушке.

– Вот спасибо тебе, дочка! Дай бог тебе здоровья!

Старая женщина даже не глянула на купюру, уверенная в том, что ее не обманули. И лишь когда Ада отошла на значительное расстояние, вдруг охнула и закричала:

– Дочка! Дочка, вернись! Ты мне много дала! У меня сдачи-то нет!

Ада обернулась и, увидев, что старушка, согнувшись, торопливо пытается ее догнать, с улыбкой замахала руками, а затем потрясла пакетом с носками:

– Не надо сдачи! Спасибо!

Ей подумалось, что она будто поблагодарила родную бабушку, которую никогда не знала.

Старушка лишь развела руками, а когда девушка повернулась спиной, перекрестила ее на прощание. Как родную внучку.

Ада пришла в кафе ровно в назначенное время и, застыв на пороге, огляделась. Подсознательно она искала взглядом худощавого невысокого мужчину со светлым непослушным вихром и влажной оттопыренной нижней губой, но не увидела никого, кто бы подпадал под это описание. За ближайшим к выходу столиком сидела молодая женщина, задумчиво потягивающая чай из белой чашки. Дальше, у окна, расположилась парочка, занятая не столько завтраком, сколько друг другом. Молодой человек кормил из рук рыжую веснушчатую спутницу круассаном, и девушка, откусывая маленькими кусочками, весело смеялась. Ада на какой-то момент вдруг испытала легкий приступ зависти к этой незнакомке: такую девушку-веснушку сложно представить себе хмурой и пасмурной, она, как солнце, слепит глаза и дразнит. И Аде вдруг тоже захотелось иметь такую россыпь ржанных веснушек на курносом носу, смеяться заразительно и искренне, чуть запрокидывая голову и не беспокоясь о том, что при этом подумают окружающие. И чтобы кто-то, близкий и любимый, так же кормил ее из рук круассаном. Задержавшись взглядом на этой паре, Ада забыла на какое-то мгновение, зачем пришла в кафе. Очнувшись от оклика девушки в белой блузке и в длинном, в пол, бордовом фартуке, повязанном на поясе.

– Вы одна? – с приветливой улыбкой гостеприимной хозяйки осведомилась официантка. Ада по привычке кивнула, но тут же поправилась:

– Нет. Меня должны ждать.

– Ада! – окликнул ее знакомый по телефонному разговору сочный

мужской голос. Она повернулась на зов и увидела приподнявшегося со своего места мужчину: неудивительно, что она не сразу его заметила. Во-первых, Владимир занял столик в самом укромном уголке зала – в нише у последнего окна. Во-вторых, в этом импозантном мужчине Ада ни за что не признала бы того щуплого цыпленка Вовчика: роста он оставался невысокого, но успел располнеть.

Ада махнула рукой и направилась к столику.

– Привет! – весело и радостно поприветствовал ее Владимир, которого язык теперь не поворачивался называть Вовчиком. – Какая же ты красавица! И тогда была, а сейчас вообще...

Он сделал неопределенный жест и покрутил аккуратно причесанной головой, подбирая нужное слово. И наконец с восхищением выдохнул:

– Шик!

Ада мягко улыбнулась, видя, что Владимир искренне, не преувеличивая, именно так и считает – она знала, что выглядит хорошо, а Вовчик, влюбленный в нее в детстве, и без того всегда воспринимал ее красавицей.

– Если бы встретил тебя на улице, не узнал, – признался он, вглядываясь в ее глаза так внимательно, что Ада почувствовала неловкость: наверняка вспомнит вслух, что у нее в детстве глаза были разного цвета, и отметит, что почему-то теперь они оба стали синими. И хотя сейчас изменившимся цветом глаз, как и цветом волос, мало уже кого удивишь, Аде все равно стало слегка неприятно от перспективы услышать от Вовчика изумленные возгласы. Но он ничего не сказал: видимо, понял, что все дело в линзах, и тактично промолчал.

– Ты тоже... Совсем не узнаваем! – воскликнула она, с удовольствием отмечая дорогой костюм благородной темно-синей расцветки и накрахмаленный до жестяной твердости белоснежный воротничок рубашки.

Подошла официантка, чтобы принять заказ, и Ада, быстро пролистав меню, попросила принести ей тарелку блинов со сладким соусом и чайник цейлонского чая.

– Должность обязывает, – горделиво дернул себя за уголок воротничка Владимир, когда официантка отошла. – Впрочем, не заблуждайся, не такая уж я важная птица. Так, карабкаюсь потихонечку...

«Еще один». Что она знала о Вовчике? Пока он торопливо рассказывал о себе, не без самодовольства упомянув вскользь, что «выбился в люди», Ада вспоминала все то небольшое, что осталось о нем в памяти. По правде говоря, Вовчик в те времена мало ее интересовал, даже наоборот, его тихое

обожание, манера следовать за ней тенью куда угодно и неожиданно выныривать из-за шкафа, столба или угла раздражали ее. Она гнала его от себя, говорила обидные слова, лишь бы он отстал, но Вовчик только шмыгал носом, еще больше оттопыривал нижнюю губу и молчал, потупив глаза, словно отчитываемый директором школьник. Мальчишка был круглой сиротой, в интернате жил постоянно, не уезжал ни на выходные, ни на каникулы. И свято верил в легенду про то, что его родители погибли в автокатастрофе, тогда как ни для кого не было секретом, что они «сгорели» от беспробудного пьянства.

Владимир повествовал ей о своей жизни с теми же интонациями, с какими не так давно Светлана рассказывала о предстоящем замужестве: они, Вовчик и Света, словно оправдывались за то прошлое, которое у них было. И Ада вдруг подумала, что и она сама, наверное, таким же образом стала бы рассказывать о своей жизни: только о достижениях, заштриховывая тщательно промахи и провалы.

– Да, собственно, не потому я попросил встречи с тобой, чтобы разглагольствовать о себе, – спохватился Владимир. – Как ты? Вижу, что живешь и процветаешь.

– Не жалуясь, – лаконично ответила Ада, не расположенная к рассказам о себе. – Давай, Володя, перейдем сразу к тому, зачем ты меня позвал. У меня не так уж много времени.

Она постаралась смягчить улыбкой последнюю фразу. Почему-то этот образ «железной леди», в котором она жила все последние годы и который сдавливал грудь и не давал дышать в полную силу легких, как старомодный корсет, сейчас показался ей наиболее тесным и дискомфортным. И захотелось вдруг избавиться от него, как от неудобной одежды. Ада всерьез пожалела о том, что приехала на встречу в деловом костюме, который был очень уместен на переговорах, но в котором сейчас она чувствовала себя деревянной. Если бы звонок Владимира застал ее дома, она, быть может, переделалась бы в обычные джинсы и сменила узкие лодочки на удобные замшевые мокасины. А ему, похоже, в его костюме было очень удобно. И чем занимается, так и не сказал... Отделался расплывчатыми фразами. Впрочем, какое ей дело до того, чем он зарабатывает на жизнь? Главное, «выбился в люди», и все.

– Да, ты права! – спохватился Владимир и, нырнув под стол, выложил на столешницу картонную папку на завязках.

– Это я покажу тебе потом, – пощелкал он ногтем по твердой корке.

– Уж не собираешься ли ты со мной бизнес вместе строить? – усмехнулась Ада.

– Нет, у нас не деловые переговоры, – без улыбки ответил мужчина и после недолгой паузы попросил: – Ада, пожалуйста, прими то, что я тебе расскажу, серьезно. Хотя я и сам понимаю, что кое-что может показаться необъяснимым и диким.

– Что ж такое ты собираешься мне поведать? – без особого интереса спросила Ада, которой как раз принесли порцию блинчиков, и она с куда большим удовольствием отдалась бы сейчас наслаждению от еды.

– Это касается нашего интернатского прошлого, а если быть точнее, той странной истории, которая случилась там с тобой и той девочкой. Как ее звали?

– Рая, – мрачно выдавила Ада, у которой сразу пропал аппетит. – Зачем, Володя, ворошить то, что уже давно прошло? Да я и не смогу рассказать ни тебе, ни кому-либо еще о том, что тогда произошло, потому что не помню. Не помнила тогда, не помню и сейчас.

– А должна вспомнить! – неожиданно вскрикнул Владимир и неистово рванул застегнутый до последней пуговки воротничок, будто тот внезапно превратился в удавку. Ада подскочила на месте и чуть не уронила нож, которым отрезала от блина кусочек.

– Это жизненно важно, Ада! То, что случилось тогда, имеет отношение к настоящему – нашему настоящему! И будущему, которого, если ты не вспомнишь прошлое, может не быть!

– Не говори, пожалуйста, такими загадками, ты меня пугаешь, – прошипела она, не напуганная, но разозленная тем, что Владимир испортил ей аппетит неприятной для нее темой, да еще пытается оказать давление, чего она совершенно не выносила!

– Светлана Юсупова, – произнес Владимир, и Ада вздрогнула. – Помнишь ее?

Девушка отложила столовые приборы и молча кивнула.

– Умерла на днях, а точнее – позавчера. При довольно странных обстоятельствах. Отравилась. Хотя на первый взгляд мотивов для самоубийства у нее не было: Светлана была счастлива, собиралась замуж.

– Мне очень жаль... ее, – выдавила Ада, которая не знала, что еще сказать. А Владимир продолжал официальным тоном:

– Зинаида Рогозина. Ее ты помнишь?

– И даже видела не так давно, – хрипло произнесла Ада.

– Умерла несколько ранее Светланы, в начале этого года, – бросилась в метро под поезд.

– Ее разве не зарезали в драке? Я слышала, что она закончила вот так плачевно.

– Нет. Несчастный случай в метро. Вот в этой папке есть заметка, – постучал пальцем по картонной корке Вовчик. Ада перевела взгляд на папку и подумала, что ей не хочется в нее заглядывать. Да что там «не хочется» – страшно! А Владимир тем временем продолжал:

– Или самоубийство? Сложно сказать. Темная история. У Зинаиды не было своего дома, а комнату, которую ей выделили после выпуска из интерната, она давно профукала: ввязалась в какую-то сомнительную сделку, доверилась аферистам и оказалась на улице. Неблагополучная судьба – у нее могли быть мотивы для самоубийства.

– Но случай мог быть и несчастным, – заметила Ада. – Спустилась в метро погреться, была нетрезвой, покачнулась, упала под поезд...

– Может, все так и было, – не стал спорить Вовчик. – Но в свете других историй заставляет призадуматься... Марина Столбова, ее помнишь? Хорошая девушка... была. Скончалась месяцем раньше Зинаиды. Ее тело обнаружил муж, вернувшийся с работы. Марина нигде не работала, занималась домом и, надо сказать, была просто образцовой домохозяйкой: пирожки-супы, чистота на грани стерильности, в общем, она тоже нашла себя в этой, увы, ставшей для нее короткой жизни.

– Она всегда любила порядок, – с тоской произнесла Ада. Хотя она и не поддерживала отношений ни с кем из вышеперечисленных, кроме Светланы, каждую историю сейчас пропустила через себя: ей будто за шиворот щедро насыпали колотого льда – стало холодно и больно. Ада даже машинально повела плечами и поежилась, словно пыталась избавиться от ледяной крошки.

– Муж обнаружил ее повешенной. Мотивов для самоубийства на первый взгляд не было. Записки не оставила, как и Светлана. Три смерти. Не находишь это подозрительным? – официальным тоном, будто следователь, которому поручили расследование серии преступлений, спросил Владимир. – А самой первой жертвой в этом списке стала Оксана Новинская. Жизнь ее была не такой благополучной, как у Марины или Светланы, но Оксана ее выбрала и... что тут уж говорить. В общем, была она девочкой по вызову в одном из этих сервисов, предоставляющих услуги на дому. И считала, что сделала карьеру, уйдя с улицы.

– Бедная, – покачала головой Ада, вспоминая бывшую соседку по комнате. Оксана, физически развившись раньше своих сверстниц, в свои четырнадцать-пятнадцать выглядела уже как молодая женщина в соку – парни, переживающие период гормональных бурь и первых сексуальных фантазий, не давали ей прохода. Рано возникшие естественные желания, помноженные на изобилие мужского внимания, привели к тому, что Оксана

рано начала активную половую жизнь.

– Нашли ее на съемной квартире, которую Оксана делила с одной из напарниц, – продолжал Владимир. – В ванной, с перерезанными венами. Соседка предположила, что Оксана решила себя убить из-за несчастной любви, вроде как в последнее время у нее появился постоянный мужчина. Но этого таинственного незнакомца не нашли, записки Оксана не оставила. Четыре девушки, которые разными способами покончили с собой. У двух из них жизнь была вполне себе благополучной, и видимых мотивов для суицида не было, обе другие вели беспорядочный образ жизни. И все же... Улавливаешь связь?

– Слишком уж подозрительно выглядят эти самоубийства, – хмуро промолвила Ада, которой не нравилось, что Владимир теперь не просто рассказывает, но всячески пытается включить в обсуждение и ее. Как бы эгоистично это ни звучало, но девушки уже погибли, и Ада бы предпочла не обсуждать подробности их гибели. Разве Вовчик вызвал ее за этим – посудачить о трагических судьбах ее бывших соседок по комнате?

– Подозрительно! – согласился он. – Я вообще не верю в их самоубийства: или их убили таким способом, или довели до этого шага.

– Почему ты так считаешь? – вскинула она взгляд на собеседника.

– А тебя связь между этими девушками не наводит на подобные мысли? Все они жили в одной комнате в интернате. Что это, такой вирус самоубийства, который поразил их, или простая случайность? В случайности я не верю, в «вирус» – тоже. Но я чувствую, что эти смерти связаны с тем, что случилось пятнадцать лет назад с нами.

Он выделил «с нами», и Ада невольно отшатнулась, словно желая выйти из этого круга, в который обобщающим местоимением ее включил Владимир.

– А что случилось с «нами»? – не без ехидства осведомилась она.

– Ну... Та странная история. Хорошо, не с нами, а с тобой. Ты-то знаешь, что произошло.

– Уверен? Я знаю о той трагедии не больше твоего!

– Хорошо, хорошо, – пошел на попятную Владимир. – Я прошу лишь вспомнить те события... Если хочешь жить.

– Жить я хочу, даже очень. Но не понимаю, с чего ты решил, что к смерти моих бывших соседок по комнате имеет отношение та история! – Ада незаметно для себя повысила голос так, что на нее оглянулась и официантка, принимающая заказ у нового клиента, и парочка у окна.

– Тише ты, тише...

– Я не понимаю твоей логики, – добавила она, понизив голос.

Вовчик ответил не сразу. Отвернувшись к окну, он посидел так какое-то время, молча рассматривая важно расхаживающего по асфальту голубя. Ада не торопила его, догадываясь, что он собирается с духом для того, чтобы поведать ей что-то еще.

– Не знаю, поверишь ли ты мне...

– Рассказывай уже!

Мужчина расслабил узел галстука, видимо, дышать ему в такой «удавке» было нелегко, расстегнул верхнюю пуговичку воротника и повертел шеей. Затем допил из чашки чай и после таких долгих приготовлений наконец-то начал:

– Вряд ли ты примешь мои слова всерьез. Но я расскажу. Вначале это был сон... Я очень редко вижу сны и не запоминаю их. А уж тем более не пытаюсь разгадать. Но этот сон был слишком навязчивым – я видел его ночь за ночью, и мне с каждым разом становилось все тревожнее. Причин для тревог и беспокойств у меня не было, в жизни все шло как обычно. Но тем не менее... Я думал об этих сновидениях постоянно, на работе был рассеянным, все валилось из рук. Начал совершать какие-то поступки, которые мне несвойственны, – так, по мелочам.

– Что за сон? – спросила Ада, припоминая свой кошмар.

– Я видел помещение, узкое, напоминающее каменный «мешок». Это было всегда одно и то же помещение, повторяющееся в разных снах. И сюжеты тоже были схожи. Отличие состояло лишь в том, что в каждом сне все происходило уже с другой девушкой.

Ада невольно стиснула в кулаке черенок вилки. И так же крепко, до боли, невольно сжала челюсти. А Вовчик, не замечая ее напряжения, продолжал:

– Как я уже сказал, сюжет всегда был один и тот же. Обнаженная девушка лежала на каменном полу. Вокруг нее кружили какие-то тени. Я не видел людей, лишь хоровод из отбрасываемых на пол темных контуров. А сам наблюдал все это будто со стороны. В какое-то мгновение тени сходились к центру, и фигура девушки «тонула» в их мраке. Когда тени опять расходились, я видел, что девушка умирает, бросался к ней на помощь, но... просыпался. Последнее, что успевал увидеть, так это разворачивающуюся ко мне страшную рожу.

– Маску? – машинально переспросила Ада.

– Что?

– Ты сказал «рожу». Может быть, маску?

– Не знаю. Может быть. Но... откуда ты... знаешь?

Ада, не ответив, пожалала плечами и попросила продолжить.

– А недавно во сне я увидел уже себя. Этот сон отличался от других еще и тем, что вокруг меня не плясали тени. Я просто увидел себя лежащим на полу в неестественной позе, будто у меня были переломаны все кости. Но, проснувшись, понял, что это видение определенно связано с предыдущими. Скажешь, что сны – это ничего особенного, так, ерунда. Я бы тоже так думал, если бы потом со мной не произошло нечто странное. Я возвращался домой поздно вечером, уже подходил к подъезду – мне оставалось пересечь двор. И вдруг стало так тихо, словно я оглох: вот еще доносился шум машин с автострады, в чьей-то квартире лаяла собака, кто-то громко выяснял отношения. И внезапно все эти звуки и голоса исчезли – их поглотило абсолютное, непроницаемое безмолвие. Но не успел я удивиться, как ощутил сильный озноб. Ночь была морозной, не спорю, как и все зимние ночи. Но холод, который я ощутил, был другим: словно мне под одежду забрался ледяной ветер, выстудил до кишок. Понимаешь?

Ада в замешательстве кивнула. Где была правда, а где художественный вымысел Вовчика – разобраться сложно, да и не это было главным, а сон, о котором он ей рассказал! Он был так похож на ее собственный!.. Ада мало верила в мистику, но верила своей интуиции и своим ощущениям. А сейчас ей было нехорошо. Съеденный легкий, воздушный блинчик будто превратился в тяжелый огромный булыжник, который давил не только на желудок, но и стеснял диафрагму, затрудняя дыхание. Ада незаметно погладила ладошкой себя по животу и постаралась сделать глубокий вдох. Не помогло, наоборот, «булыжник» увеличился в размерах, и у него к тому же оказались острыми грани.

– Я решил, что заболел. Озноб, «глухота»... Но вот что случилось дальше. Возле дома стоит фонарь, который освещает двор; когда я поравнялся с ним, лампочка заморгала. Я подумал, что она перегорела и сейчас погаснет. Но нет. Из темноты в светлый круг под фонарем вдруг выплыла фигура. Это была девушка, одетая совсем не по-зимнему. Я так обомлел, что не сразу понял, что платье на ней – вообще лишь ночная сорочка. Сумасшедшая? А девушка подняла лицо, и я увидел, что она совсем молоденькая. Подросток. И ее лицо мне показалось знакомым: круглое, с узким разрезом глаз и плоской переносицей. Знакомых девушек с азиатским типом лица у меня нет, но возникло ощущение, что я ее знаю. Девушка приблизилась ко мне и сказала лишь одно слово: «Семь». И в этот момент лампочка опять моргнула и на этот раз совсем погасла. «Эй?» – окликнул я девушку в темноте, но мне никто не ответил. Я вытянул руку, но передо мной никого не оказалось. Уже дома я вспомнил, кто была та девушка... А ты догадалась? Думаю, ее ты вряд ли забыла.

Ада зажмурилась так, будто ей вдруг стало очень больно. Зачем, зачем он появился, этот мальчишка из прошлого? Зачем ворошит то, что уже прожито? Вся ее новая жизнь была направлена на то, чтобы извести из памяти остатки того, что помнила! И главной ее целью было одно: не столько идти вперед «в светлое будущее», сколько отдалиться как можно дальше от прошлого!

...Они никогда не ладили с Раей. И сложно было объяснить, с чего возникла та неприязнь. Рая просто почему-то сразу невзлюбила Аду – почти с первых дней их знакомства. Поначалу пакостила по мелочам, а когда увидела, что Ада не реагирует на гадости так, как бы того «врагине» хотелось: не плачет, не жалуется воспитателям, не переживает, – стала творить вещи похуже. Однажды ночью Рая подкараулила Аду в туалете. Девочка, не ожидавшая нападения, не успела защититься – Рая навалилась на нее сзади, одной рукой крепко обхватила за шею, лишив Аду возможности пошевелиться, другой вцепилась в волосы и далеко назад запрокинула голову. Что она шипела на ухо, Ада не разобрала, но до сих пор помнила, как потом Рая изо всех сил приложила ее лицом о край умывальника. Кровь из разбитого носа залила белый фаянс, гранатовыми брызгами застыла на кафельной стене. Рая, злобно пригрозив, что, если Ада кому скажет о происшествии, с ней и не то случится, сбежала, оставив слабеющую от потери крови девочку одну в туалете. Ада и не собиралась жаловаться, у них это не было принято: жалобщиков подвергали изгнанию, издевкам и устраивали темные. Да и не в ее характере было плакаться. Из туалета ее тогда вызволила зашедшая позже добросердечная Светлана, которая, надо отдать ей должное, не завизжала от испуга, а стремительно сбежала в комнату за полотенцами. И пока Ада, запрокинув лицо и приложив к носу смоченное в холодной воде полотенце, сидела на крышке унитаза, Света туалетной бумагой вытирала кровавые пятна. Кто ее так отделал, спрашивать не стала, знала, что Ада не проговорится.

Сейчас, оглядываясь назад, Ада понимала, что это была война не из-за неприязни, а битва характеров: они с Раей были похожи. Но вместо того чтобы стать подругами, стали врагами. Просто потому, что обе по натуре являлись одиночками. А два сильных характера на одном поле – это бой.

...Ада машинально коснулась переносицы, будто проверяя, не сломана ли она. А Вовчик после эффектной паузы продолжил:

– Я понимаю, что эти истории сложно принять на веру: сны какие-то, призрак погибшей пятнадцать лет назад девушки... Но вскоре после того

странного случая у подъезда я попал на одну телепрограмму, в которой показали погибшую женщину, домохозяйку.

– Марину?

– Ее самую. Я бы не узнал ее, но в том репортаже соседка охотно делилась всем, что знала о жизни Марины. Она и упомянула, что погибшая – сирота из интерната. И меня будто кипятком ошпарило. Я вспомнил Марину Столбову. И это натолкнуло меня на мысль связать вместе мои кошмары, явление призрака Раи, ее загадочное слово «семь» и нас... Семерых детей, которые пятнадцать лет назад в интернате отправились в закрытое крыло здания за приключениями и, к сожалению, нашли их. Я решил проследить судьбу остальных, кто был с нами в ту ночь. И обнаружил, что Оксана и Зина погибли раньше, а теперь вот узнал о смерти Светланы. Воспользовавшись знакомствами, я проверил выборочно судьбы других выпускников нашего года, но случаев самоубийств среди них не было. Конечно, не все бывшие интернатовцы благополучно дожили до этого дня, но те истории – не из этой серии. Ада, пять человек уже погибли. Остались двое – ты и я. Сечешь? Боюсь, тебе и мне осталось топтать землю совсем недолго. Не знаю, кто или что стоит за этими смертями. Но чувствую, дело табак – веришь ты мне или нет. Ты, в отличие от меня, была там. С Раей. И должна была видеть, как она погибла. Она тоже умерла при таких странных обстоятельствах...

– Но я не помню! Не помню ничего из того, что случилось! Ты забыл, какой меня нашли?! Вспомни!

– Я помню, – так спокойно сказал Владимир, что стало ясно, что о прошлом он не забывает ни на минуту.

– Черт... Мне кажется, ты стараешься меня запугать, – проворчала Ада.

– Не запугать, а предупредить. Ну и чтобы ты помогла нам спастись – для этого тебя и нашел.

– Как ты на меня вышел?

– Связи, – туманно ответил Владимир и с намеком постучал по папке пальцем. – Я в детективном агентстве работаю.

– Мне кажется, не в детективном агентстве работаешь, а в детективы играешь! – буркнула Ада.

– Ну вот, – обиделся Владимир не столько на последние слова девушки, сколько на то, что его признание о роде своих занятий не произвело на Аду должного впечатления. У любой бы дамы загорелись любопытством глаза, а у нее не глаза, а две синие льдины, холодные, чужие.

– Кстати, что у тебя с глазами? Они у тебя другого цвета были.

– Линзы, – недовольно пояснила Ада.

– Красиво. Но с разными глазами ты другая. словно Снежная королева.

Ада не успела ответить, так как у Владимира зазвонил телефон. Мужчина суетливо полез в карман пиджака и извлек из него мобильный. Ада мимоходом отметила, что телефон у него – старой и самой простой модели, никакой тебе не навороченный айфон. Владимир послушал, что ему говорили, и раздраженно бросил:

– Буду, скоро буду!

Сунув мобильный в карман так поспешно, будто стесняясь его «раритетности» перед старой знакомой, Вовчик виновато развел руками:

– Ада, мне нужно бежать. Срочное дело. Я тебе оставлю папку. Вот мой номер телефона, – он торопливо написал прямо на папке крупным размашистым почерком несколько цифр. – Позвони мне. Мы – ты и я – действительно в опасности.

Скомканно попрощавшись, Владимир ушел. И Ада осталась одна – наедине с папкой, к которой не хотелось прикасаться, которая вызывала отвращение и страх, как червяки, которых девушка всю жизнь боялась. Черенком ложки, словно папка вдруг превратилась в мерзкое существо, Ада отодвинула ее подальше от себя и отвернулась к окну.

Голова гудела, наполненная обрывками мыслей, которые были похожи на то и дело сменяющиеся радиочастоты. Такой же коктейль из противоречивых, разнообразных чувств овладевал ею: неверие, страх, приближающийся к панике (а вдруг рассказанное Вовчиком – правда?), отрицание, слабая надежда, что Вовчик, возможно, эту историю нафантазировал. Он, помнится, отличался бурным и богатым воображением: любил истории про призраков, инопланетян и прочее. Уверял всех и каждого, что не раз видел в небе летающие тарелки и что однажды ночью столкнулся в коридоре интерната с призраком бывшей хозяйки, о котором так любила рассказывать уборщица Нюра.

Так, может, он и сейчас все придумал? Ошибся или преувеличил? Вон, пресловутый конец света сколько раз обещали, а потом то переносили, то вовсе отменяли!

Как-то сложно поверить в то, что над тобой нависла какая-то реальная угроза и, возможно, жить-то тебе осталось совсем немного. Как это так – живет себе Ада, живет, жизнь свою по кирпичику строит, фитнесом занимается и питается правильно... Ведет практически здоровый образ жизни, разве что работает много, а тут тебе говорят, что все это полная

чепуха – здоровый образ жизни: не поможет он прожить долго-долго, потому что есть другие опасности, помимо смертельных болезней.

– Ерунда какая-то, – вслух сказала Ада, не заметив, что своим громким высказыванием опять привлекла внимание посетителей. – Фигня все это и неправда...

Боярышники, 1997 год

Лиса получила свою кличку из-за острой мордочки и рыжеватого окраса шерсти. Во всем остальном на свою лесную красавицу собака походила мало: вместо шикарного пушистого хвоста – почти безволосый «прутик», ушки-конвертики не стоят настороженно торчком, а болтаются треугольными «тряпочками», вместо хитрости – простодушие и полная доверчивость. Любопытство и неосторожность не раз играли с Лисой злую шутку: сколько раз приходилось вызволять дуреху то из выгребной ямы, то из погреба, то из колючих густых кустов, в которых она умудрялась запутаться, как в силках. Совала свой любопытный острый нос в любую щель и платилась за это. И никакие «приключения» не учили ее жизни: то ли память у Лисы была короче зимнего дня, то ли, наоборот, святая вера в то, что ничего плохого с ней случиться не может, превышала все разумные лимиты, но собака, едва отойдя от пережитого, вновь попадала в ловушку.

Появилась Лиса в Боярышниках весной. Как она проникла на закрытую территорию – оставалось загадкой, видимо, для собаки, управляемой не разумом, а любопытством, не существовало ни закрытых ворот, ни высокого глухого забора. А может, кто-то и пронес ее тайно. В интернате животных не было, если не считать залетающих на хозяйственный двор в поисках корма голубей и воробьев, да еще аквариума с золотой рыбкой в кабинете директрисы. Ни бродячих кошек, ни живого уголка с черепахами и хомяками – изолированная территория не только от людей, но и от животных.

Лису выгоняли, один раз сторож даже отнес ее в мешке в поселок за железнодорожным полотном, но собака каждый раз мистическим образом возвращалась. И в конце концов оставили ее «официально». Даже строгая директриса, страшившаяся различных проверок от санэпидемстанции и потому наложившая табу на появление животных на территории Боярышников (как носителей паразитов), закрыла глаза на такое, как она называла, «безобразие» и разрешила Лисе жить при интернате. Правда, с тем условием, чтобы собаку периодически купали (поручено это было

делать сторожу, в чьем домике поселилась Лиса, и ради этого завхозом со склада даже были выписаны таз, кусок хозяйственного мыла и махровое полотенце) и не разрешали ей заходить в здание.

Днем Лиса носилась свободно по территории, играла с воспитанниками, крутилась на хозяйственном дворе, с залиvistым лаем распугивая голубей, периодически то куда-либо сваливалась, то где-нибудь оказывалась запертой. Это было еще одним из талантов Лисы – незаметно и в считанные секунды проникать куда угодно и, замешкавшись, оказываться в ловушке. Заглянет завхоз на склад совсем ненадолго, оставив дверь за собой просто прикрытой, выйдет, навесив замок, а через пару минут из-за запертой двери уже доносится жалобный скулеж оставшейся в темноте Лисы. Или спустится в погреб за квашеной капустой повариха Марья Ивановна, выйдет наружу с банкой, захлопнет крышку, уйдет, а спустя мгновение из-под земли раздастся вой Лисы.

А главным талантом собаки было влюблять в себя всех вокруг. И не красавица вовсе: тело длинное, как у таксы, лапки короткие и кривые, хвост крысиный, а на мордочке застывшее глуповато-добродушное выражение. Но обаяния – бездна. Как у шаловливого ребенка. Впрочем, Лиса и была никогда не взрослевшим ребенком и в это мрачное царство привносила немало света.

...В ту ночь Оксана ворвалась в спальню уже после отбоя. Но не прошла к кровати, а, остановившись в дверях, закричала:

– Ой, девочки, наша Лиса-то опять в ловушку попала! Визжит, бедненькая! Надо ее вытащить!

– А до утра подождать не может? – раздраженно отозвалась со своей кровати Раиса. Была в тот день девушка сильно не в духе.

– Как это – до утра?! – изумилась Оксана, к животным относящаяся с куда большей сердобольностью, чем к людям, – жалела даже тараканов, которых метко лупила тапкой Зина. А уж в Лисе она и вовсе души не чаяла.

– Вот так – до утра, – буркнула Рая. – Сама дура, раз куда-то опять свалилась. Пусть посидит повоет, может, поумнеет, хотя мозгов у этой собачонки меньше, чем у курицы.

– Это ты о Лисе?! – угрожающе повысила голос Оксана и зажгла свет.

– Выруби, а не то...

– Где воет Лиса? – перебила Раису Ада, которая терпеть не могла разборки. Оксана с Райкой как пить дать сейчас сцепятся – в темпераментной ругани совершенно забудут о собаке. В их спор активно вклинится Зинаида, которая свои выкрики обязательно подкрепит тумаками тем, кто окажется поблизости. И закончится все массовым скандалом, а то

и дракой. На шум примчатся воспитатели и без разбирательств: кто виноват, а кто нет – накажут всех. Ночь проведут без сна, а собака так и останется забытой в ловушке.

– В старом крыле, – ответила, поворачиваясь к Аде, Оксана. – Даже не представляю, как она туда попала!

После ответа в комнате повисла тишина, даже Ада, уже севшая на кровати, с тем чтобы пойти на помощь несчастной животине, в нерешительности замешкалась.

Спальни воспитанников и воспитателей, а также учебные классы располагались в главном усадебном доме. Мастерские и спортзал находились уже в других, небольших зданиях: западном и восточном флигелях и павильоне. Этот бывший господский дом не видел капитального ремонта с конца восьмидесятых годов, да и при последней реставрации недобросовестно халтурили, где-то замазывая торопливо, где-то латая на скорую руку – сделали не на совесть, и в итоге в стенах одного крыла образовались трещины. Состояние этой части здания признали аварийным и закрыли, а в другом крыле и центральной части продолжали как ни в чем не бывало обитать. А куда деваться? Переезжать некуда, вот и оставалось надеяться на чудо, что найдутся в дальнейшем деньги на реставрацию, а если нет, то, может, протянут Боярышники на авось еще сколько-то лет. Воспитатели строго следили за тем, чтобы любопытные дети и подростки не забирались на запрещенную территорию, и усердно множили слухи о том, что в закрытом крыле не только трещины на стенах, но и потолок угрожающе осыпается, и пол местами провалился. Перегородки, отрезающие три этажа левого крыла, были установлены так, что за ними оставались и лестницы. И попасть в закрытую часть можно было лишь через дверь на первом этаже, на которой висел огромный замок. Всех любопытных, кто в обход запретов пытался сунуть нос куда не следует, строго наказывали.

И вот любимица всего интерната Лиса каким-то образом проникла в аварийную часть здания и оказалась в ловушке.

– Надо ждать утра. И сказать воспитателям, – произнесла Марина, для которой нарушение правил и запретов было сродни свершению тяжкого греха.

– Но как же она там, маленькая? – возразила жалостливая Светлана и поежилась, видимо, живо представила себе бедную собаку, полумертвую от страха.

– А нечего было лезть куда не следует! Райка права, сама виновата, –

поддержала соседку по комнате Зинаида.

– Так, понятно, – сказала Ада, вставая с кровати. – Разговоры и споры будем вести долго, но так ни к чему и не придем. Оксана, пошли, покажешь, откуда доносится вой Лисы.

– Куда это вы собрались? – встрепелась Зина.

– Куда-куда, за Лисой!

– Погодите, я с вами! – спустила с кровати босые ноги Зинаида, торопливо пригладила руками кудлатые, как у нечесаного пуделя, волосы и подтянула сползающие пижамные штаны.

– Вас поймают и накажут! – злорадно провозгласила Марина, но ее реплику проигнорировали.

– А как же мы туда попадем? – засомневалась Светлана.

– Ты тоже, что ли, с нами, неженка? – недоверчиво прищурилась Зинаида. Между девочками всегда была неприязнь. Зинаида не отличалась привлекательной внешностью: одежда на ее худой, мальчишеского сложения фигурке висела как на вешалке, а смуглая кожа и кудрявые черные волосы делали девочку похожей на цыганенка. И, видимо, из зависти к кукольной внешности Светланы Зина всячески пыталась уязвить соседку: насмеялась, толкала, портила вещи. Света по возможности старалась терпеливо сносить обиды. Но если Зинаида хватала ее за длинную толстую косу – главный предмет своей зависти, – не оставалась в долгу и ответно вцеплялась Зинаиде, любительнице подражаться, в кудри. Свои волосы Светлана холила и лелеяла и не прощала тех, кто дергал ее за косу.

Света не удостоила задиру Зину ответом – встала с кровати, накинула на застиранную ночнушку халатик и сунула босые ноги в тапочки.

– Молодец! – похвалила девочку Ада.

– Не слишком ли вас много на одну шавку? – съязвила Рая и тоже села на кровати. Ее раззадорило то, что почти вся группа собралась в ночной поход в запрещенное крыло здания, в которое она сама уже дважды пыталась проникнуть, но ее ловили и наказывали. И ведь обидно, что засекали на месте «преступления» как раз в тот момент, когда уже удавалось открыть дверь! Для Райки не существовало ни одного замка, с которым бы она не могла справиться. И брала она чужие вещи без спросу не столько потому, что нуждалась в них, а из спортивного интереса, как говорила сама. Да еще, возможно, желая подражать отцу: родитель Раи был домушником, жизнь его состояла из чередования долгих периодов отсидки с короткими промежутками свободы, в которые он успевал обчистить не одну квартиру. У девочки, растущей в атмосфере рассказов отца и его друзей о ходках, шальных деньгах, удачно провернутых «делах»,

складывалось ложное понятие тюремной романтики: жизнь, лишенная духа авантюрных приключений, головокружительного риска и протестов обществу, казалась ей неправильной, скучной, серой. С горящими глазами рассказывала она об отце, который опять мотал срок за квартирную кражу, и о том, как обучал он ее некоторым премудростям своего «ремесла». И частенько Рая эти навыки и демонстрировала, то вскрывая замки ящиков письменного стола директрисы, то – шкафчиков с личными вещами воспитанников и воспитателей. «Тюрьма по тебе плачет!» – гневно ругала девчонку старшая воспитательница Мымра Гусаровна, получившая прозвище за длинные, свисающие, как у гусара, по бокам рта усы, – Рая лишь гордо вскидывала голову и криво усмехалась.

– Не много, – отрезала Ада и развернулась идти к двери, чтобы прекратить все разговоры.

– А как вы в закрытое крыло попадете? – ехидно раздалось ей в спину.

– А с твоей помощью! – опередила Аду Зина.

– Еще чего! – фыркнула Рая, но так, что стало понятно, что она в первых рядах готова отправиться в запретное крыло, да только гордость ей не позволяет в этом признаться.

– Раечка, нам без тебя и правда не справиться! – ласково заговорила Светлана, быстро смекнувшая, что Рае нужны уговоры. – Хочешь, я тебе дам зеленое платье поносить?

– Если захочу, то и так его возьму, – расхохоталась Рая. – Мне твое разрешение не нужно. Ладно уж, пошли. Уговорили!

Она проворно соскочила с кровати, отодвинула тумбочку и приподняла край линолеума.

– Отмычки! – важно объявила девочка, продемонстрировав всем тонкую связку металлических пластинок. – Самые настоящие! Папаня подарил. Тсс, если кто проговорится воспитулькам, где я их храню, той не жить! Зарежу!

Рая со зверским выражением лица провела ребром ладони по горлу красноречивым жестом, исключаящим всякие сомнения, что угрозу она выполнит.

– А ты чего разлеглась? – ткнула Зина кулаком в бок лежащую Марину.

– А чего? – огрызнулась та и попыталась ударить девочку по руке, но промахнулась.

– «А чего», – передразнила Зина. – Если идем, то идем все. Никто не остается! Тем более – ты. Знаем: едва мы за порог, ты побежишь и настучишь!

– Ничего не настучу!

– Да ладно, – недобро усмехнулась Зина. – Настучишь, настучишь! Если не сама побежишь, так первой же заглянувшей сюда воспитульке выдашь, куда мы пошли. Вставай давай, потопали!

– Отстань от меня! – заверещала Марина, стараясь отвоевать одеяло, которое бойкая соседка уже пыталась стащить с нее.

– Не отстану! Девочки, а ну-ка помогите! А то ведь выдаст нас!

Раю и Оксану уговаривать долго не пришлось, и в ту же секунду Марина осталась без одеяла, которое бросили прямо на пол.

– Пустите! Я сама! – запротестовала Марина, когда три боевые соседки попытались стащить с кровати, как одеяло, и ее саму, но рот ей тут же закрыла смуглая ладошка Зины:

– Тише ты, дур-ра, чего разоралась! Молча вставай и топай! Если хай поднимешь, я за себя не ручаюсь.

Зинаида все не могла простить Марине того, что та однажды честно сказала Мымре Гусаровне, кто накурил в туалете.

Гусяком выскользнули из спальни и так же цепочкой, шаг в шаг, затылок в затылок, почти не дыша, миновали коридор. Когда проходили мимо комнаты, в которой отдыхал дежурный воспитатель, совсем затаили дыхание, боясь даже тихим вздохом выдать себя. Уже не столько доброе побуждение выручить собаку двигало ими, сколько любопытство и разыгравшийся азарт: куда интересней, чем в кровати, провести часть ночи, исследуя запрещенную территорию! Только Марина была недовольна тем, что ее вытащили из постели и прямо в ночнушке и тапочках заставили идти туда, куда она вовсе не горела желанием заглядывать. Ее никогда не интересовали, как других подростков, заброшенные здания, пустыри, стройки, аварийные объекты, наоборот, она тяготела к тихому уюту, комфорту. Марина мечтала о собственном доме, в котором будет вкусно пахнуть выпечкой, в котором не будет серо-зеленых стен с трещинами, не будет вытертого до дыр линолеума на полу, не будет паутины в углах и осыпающейся побелки. Все в ее доме будет чисто, красиво, подобрано со вкусом, будет много цветов и света. Когда-нибудь, когда-нибудь у нее будет такой дом!..

Марина плелась предпоследней в строю. Нервировала ее и Зинка, которая специально встала за ней – на тот случай, если Марине придет в голову дать обратный ход – от этой цыганской оторвы всего можно было ожидать, отдавленные пятки – самое меньшее зло. Марина чувствовала себя так, словно ее вели под конвоем, и невольно ежилась в ожидании, что в ее спину, будто дуло винтовки, вот-вот воткнется кулак Зинки. Боялась и того, что дежурный воспитатель неожиданно выйдет в коридор и застанет

их тут всех, накажут ли их в таком случае или просто ограничатся выговором – Марине было без разницы, ей просто страшно было нарушать правила.

Таким строем, который возглавляла Ада, девочки прошли половину коридора. Спальни занимали третий этаж: правое крыло и центральную часть, под ними – на втором – находились учебные классы, на первом этаже – кабинеты администрации.

Лестница не была освещена, и темнота, густая, как чернильная паста, обязывала спускаться маленькими осторожными шагами. Шли, натываясь друг на друга, но не издавали ни звука – лишняя предосторожность не помешает.

Они спустились на второй этаж, когда Зина вдруг дернула Марину за подол ночной рубашки и шепотом скомандовала:

– Стойте!

– Чего ты?! – мгновенно оцетинилась девочка, уже привыкшая в каждом «знаке внимания» Зины видеть подвох.

– Тш-ш, – шикнула соседка, но беззлобно и тревожно. – Тут кто-то есть еще!

– Кто? – испугалась Марина и завертела головой, силясь в темноте разглядеть того, кого почуяла – а иначе и не скажешь – Зина.

– А я что, знаю? Ни фи́га не видно! Но кто-то тут есть, зуб даю!

Зина шумно зашмыгала носом, словно пытаясь по запаху, как зверь, определить, кто еще находился в коридоре, помимо них.

– Нет тут никого! – буркнула Рая, которой хотелось как можно скорее покинуть наводящую на нее уныние учебную часть здания и оказаться в закрытом крыле.

– Эй! – на всякий случай позвала Зина, обеспокоенная шорохом, услышанным ранее лишь ею одной.

– Говорят тебе, нет тут никого! – раздраженно повторила Рая. – Идем! Чего разоралась? Щас и правда кто-нибудь сюда примчится на твои вопли!

– И все же кто-то тут есть, – упрямо повторила девочка.

– Ну, есть и есть! Воспитатель не стал бы в темноте прятаться! Сразу бы разорался и погнал нас в спальню! Мышь, может, шмыгнула, а ты уже хай подняла!

– Мышь? – испуганно пискнула Света и прижалась к ближайшей к ней соседке.

– Чего ты ко мне льнешь, как мужик? – раздался голос Оксаны.

– Мышей боюсь!

– А чего их бояться? Миленькие такие серенькие зверюшки...

– Миленькие, пока не сгрызут туфли, – буркнула Марина, которой однажды пробравшаяся в ее шкафчик мышь на самом деле испортила обувь.

– Куда страшней мышек призраки! У-у-у! – утробно завывала Зина и, когда не ожидавшая такого воя Светлана пронзительно завизжала, громко расхохоталась.

– Да тише вы! – рассердилась на этот раз Ада. – Зинка, сдурела? Сейчас твое вытье и правда кто-нибудь услышит!

Вот так всегда – мало дела, много шума! Пойдешь с такими напарницами в разведку, дальше третьего столба не уйдешь. Ада не любила слов, она любила действия и предпочитала что-то делать в одиночку, а не в команде именно потому, что часть энергии и времени в последнем случае неизбежно тратилась на пустые разговоры и споры. Эх, надо было идти за собакой одной! Ну взять, может, кого-нибудь из девочек, но не тащиться всей гурьбой. Ада задумалась, с кем бы она пошла за Лисой, и, как ни крутила, выходило, что из всей компании пришлось бы идти с Раисой, с которой они постоянно были на ножах. Просто от Раи в этом случае было бы больше пользы: кто бы еще мог так ловко справиться с замками? А если бы на самом деле нужно было идти на какое-нибудь важное секретное задание, на кого бы Ада могла абсолютно уверенно положиться? На Марину? Нет, та была бы обеспокоена тем, не идет ли кто из воспитателей, и то и дело норовила бы повернуть назад в спальню. Светлана – милая девушка, но очень уж пугливая, любой шорох провоцирует ее на пронзительный визг. Оксана – болтушка, да еще постоянно пребывает в романтических мечтах: всю дорогу бы потчевала рассказами о свиданиях, а когда дело дошло бы до действий, например, вскрыть тот же замок, взлезть в коридор через окно, испугалась бы испортить маникюр, платье или прическу. Зина храбрая и отчаянная, ее никакие запреты и воспитатели не остановят, никакие шорохи и мыши не напугают, но она вспыльчива, как порох, и там, где дела решаются дипломатичными переговорами, пускает в ход кулаки. Ада пригорюнилась: выходит, что ни на кого из этих девочек, с кем жила бок о бок, она не могла бы положиться в трудный час. А может, «дефекты» вовсе не в ее соседках, а в ней самой: слишком уж строго подходит она к выбору тех, с кем хотела бы общаться?

– Чего встала? Уснула? – раздался в самое ухо сердитый шепот. Ада от неожиданности вздрогнула. Хороша же она! Решает, с кем пошла бы на секретное дело, а сама так задумалась, что выпала из реальности! Спасибо Рае – вернула на землю.

Пожалуй, Рая была бы ей отличной напарницей: они во многом

похожи. Рая так же, как и Ада, щепетильна в выборе приятелей, если за что-то берется, доводит дело до конца, каким бы сложным оно ни было. Умна, изворотлива, смела. Как жаль, что они – враги, а ведь могли бы стать подругами.

Когда им оставалось спуститься на один пролет, Светлана вдруг испуганно прошептала:

– Девочки, вы слышали шум?

– Слышали! – живо откликнулась Зина, которую так и не смогли разубедить в том, что, помимо них, тут никого нет.

– Нет, сейчас...

– Ничего не слышно!

– Боже мой, какие вы мнительные! Одна и вторая!

– Райка, захлопни клюв и послушай! – оборвала девочку Зинаида. – Тут кто-то и правда сопит, не слышишь разве?

– Поворачиваем назад! – скомандовала Марина, не сумевшая скрыть радости в голосе.

– Какое назад! А Лиса?! – возмутилась Оксана и ласково забормотала, надеясь, что собака откликнется: – Лисочка, Лисочка!

– Думаешь, это собака сопит? – скептически хмыкнула Зина. – Тут, рядом с нами? Ты же говорила, что слышала ее в закрытом крыле!

– Ну да... – ответила Оксана, но уже как-то неуверенно.

– А что ты там делала так поздно? – любопытствовала Марина.

– Тебе скажи, еще побежишь и расскажешь! – съязвила Зинка.

– Ничего не расскажу...

– Свидание у меня было! – важно объявила Оксана. И на девушку тут же обрушился целый град вопросов:

– С кем?

– Где? В закрытом крыле? А как ты туда попала?

– А вы просто целовались или... того?

– Да тише же вы! – раздраженно перебила соседок Ада. Ну в самом деле, куда это годится, детский сад, и только! – Оксана, откуда ты слышала вой Лисы? Отсюда, из здания?

– Нет, с улицы. Я стояла у стены, и вдруг из окна раздался вой Лисы. Она, наверное, почувствовала, что кто-то есть рядом.

Окна находились высоко над землей, запрыгнуть в него собака никак не могла. Но Лиса обладала талантом просачиваться в любую щель, так что наверняка нашла какую-то лазейку.

– И все же кто-то тут рядом со мной сопел, – упрямо повторила Зина, когда девочки после заминки вновь отправились в путь.

– Призрак хозяйки, – буркнула Марина, которой идущая сзади Зина больно наступила на пятку. Светлана испуганно пискнула, и Раиса сердито отрезала:

– Нет тут никаких призраков! Я здесь бывала.

– В самом крыле?

– Нет, не в самом. Но призраков тут все равно нет, – разозлилась девочка, которая так же, как и Ада, не любила ненужных разговоров. – Это все байки Нюры, и точка!

Рассказами о живущем в закрытом крыле призраке любила страшить уборщица Нюра. Родом она была из этих мест, всю жизнь прожила в поселке, в котором родилась. А бабка по материнской линии так и вовсе прислуживала в доме у господ. Истории, которые Нюра любила рассказывать, были отчасти выдумкой, в которую рассказчица сама свято верила, отчасти основаны на воспоминаниях бабки о жизни в усадьбе. Где была правда, где – вымысел, сама Нюра не могла бы сказать, но слушать ее было интересно и порой жутко. Особенно полюбился воспитанникам рассказ о призраке последней хозяйки, якобы обитающем в закрытом крыле здания. Этот сказ стал даже чем-то вроде местной легенды. Воспитатели и начальство поначалу одобряли то, что байка путешествует в стенах интерната, потому что страх умерил любопытство, и желающих сунуться в запрещенное место поубавилось. Но по мере того как Нюрина легенда набирала популярность, эффект становился прямо противоположным: теперь добрая часть воспитанников желала проверить, на самом ли деле существует призрак хозяйки. Ссылаясь на рассказы своей бабки-очевидицы, Нюра повествовала, что жену последнего владельца усадьбы считали ведьмой. Граф Боярышников привез ее из поездки по Европе. Молодую графиню невзлюбила как дочь графа, так и местные жители. «Привез такую страхолюдину. Нос крючком, глазки маленькие и во-о-от такие узкие», – описывая бывшую хозяйку усадьбы, Нюра грубыми, в заусеницах, пальцами оттягивала к вискам для пущей наглядности уголки собственных невыразительных глаз. «Бабка рассказывала, что по-нашему эта графиня ни «му» не говорила. Зыркнет щелками своими, губы в гузку сведет и молчит. А сама про себя проклятия шлет. Как привез ее граф сюда, так и начались всякие беды: то неурожай, то пожары. Когда смекнули, что к чему, попытались раскрыть глаза графу на его женушку. Куда там! Его глаза, видимо, такими же щелками, как у нее, стали – ничего не видел! А беды так и сыпали: то от мора весь скот поляжет, то еще что».

Возможно, рассказы Нюры были полны фантазий, домыслов и

людских предрассудков, но хозяин усадьбы действительно взял в жены иностранку. Графу Боярышникову было за сорок, когда он женился во второй раз. И чужеземку, ни слова не говорящую по-русски, местное население и вправду приняло настороженно. Незнание и непонимание порождают страхи и предрассудки, а те, в свою очередь, – враждебность и агрессию. Слухи гуляли по деревням свободно, как ветер, множили ненависть.

Что случилось потом, мало кто знал. Нюра рассказывала, ссылаясь на слова своей бабушки, что молодая хозяйка погибла из-за несчастного случая. А может, и устроил кто так... «А призрак ее живет тут до сих пор! Бродит неуспокоенная душа, отмщения желает!» – свистящим шепотом заканчивала свое повествование Нюра. «Вот почему, думаете, здание рушится? А потому-то! Умерла хозяйка аккуратно в том крыле, которое закрытым стоит!»

В призраков Ада не верила, но эта история, так некстати вспомнившаяся сейчас, вызвала неприятные ощущения. Тишина, в которой раздавались шуршащие звуки шагов, перешептывания девочек, неосвещенная лестница, которая вела, казалось, в пропасть без дна, отлично «декорировали» воспоминания о Нюриных рассказах. И очень хотелось повернуть назад, разумно дожидаться в спальне утра и сказать воспитателям о попавшей в западню Лисе. Похоже, такие мысли блуждали в голове каждой девочки, потому что, когда спустились на первый этаж, перестали перешептываться и пошли на цыпочках. Свет от дворового фонаря падал на пол неровным пятном как раз перед кабинетом директрисы, и Аде показалось, что освещен кабинет изнутри. И не только ей, потому что разом две девочки, Марина и Светлана, ахнули. У каждого свои страхи: кто-то боится призраков, кто-то – быть застуканной директрисой, но дело оказалось в другом.

– А ты что здесь делаешь?! – разорвал тишину резкий крик Зинаиды. Ада оглянулась и увидела, что все девочки, кроме нее, остановились в желтом пятне света, будто в ритуальном кругу, обступив кого-то или что-то со всех сторон.

– Это ты шел за нами и сопел? – накинулась на кого-то теперь уже Рая. Ада вернулась к своим спутницам и, приподнявшись на цыпочках, заглянула поверх голов в центр круга. Там, ссутулив плечи и повесив голову, словно нашкодивший первоклассник перед грозной директрисой, стоял невысокий щуплый мальчик, в котором Ада узнала Вовчика. «А он что тут делает?!» – с раздражением подумала она.

– Ну, я шел, – буркнул, громко шмыгнув носом, Вовчик.

– И чего не отзывался, когда мы спрашивали, кто шумит?

– Ну... – начал Вовчик и замолчал – разговорчивостью он не отличался.

– Щас как дам тебе хорошенько, заговоришь мигом! – пригрозила Зина.

– Я это... из туалета шел. А тут вы – по лестнице, ну я и пошел за вами.

– А зачем ты за нами пошел? – злым шепотом спросила Рая.

– Ну... – вновь замялся Вовчик. – Интересно стало! Куда идете и все такое...

– Шпионишь, чтобы потом наябедничать? – угрожающе надвинулась на парня Зина. Вовчик испуганно втянул голову в плечи, будто приготовился к удару. И Ада, подумав, что с Зинаиды станется влечь мальчишке пару хороших затрещин, поспешила вмешаться:

– Оставь его, Зина. Не станет он стучать.

– А ты уверена?

Вместо ответа Ада вошла в круг и положила мальчишке ладонь на плечо. Почему-то в тот момент она вдруг почувствовала, что должна это сделать – взять парня под свою защиту, хотя и не испытывала к нему симпатии, напротив, сплошное раздражение.

– Ого! – одновременно воскликнули несколько девочек. Ада запоздало подумала, что теперь не отвязаться ей от обидных кличек, насмешек и прочего – уже завтра разлетится среди воспитанников новость, что Ада ответила взаимностью сохнувшему по ней Вовчику. Мальчишка хоть и не выражал своей влюбленности открыто и ни разу еще не заговорил с Адой, но слонялся за ней тенью, так что его чувства ни для кого уже не были секретом. Ада старательно Вовчика игнорировала, как и любые подколки в свой и его адрес. А теперь вот сама дала новую пищу для сплетен: ее невинный жест, которым она лишь желала приободрить мальчишку, превратится благодаря молве в целую историю с подробностями. Ходить им с Вовчиком популярными, как пить дать, недели две. Ну ничего, потом обязательно произойдет что-то, что переключит внимание обитателей интерната. Главное, перетерпеть первую «волну» насмешек и подколок. А терпеть Ада умела.

– Небось Адку увидел и увязался за ней, – съязвила Рая. Но Вовчик, обалдевший от свалившегося на него счастья – внимания пассии, – расправил плечи и гаркнул в ответ неожиданным баском:

– А если и так, то что?

– Что-что, ничего, – ответила ошеломленная отпором Раиса. –

Женишок!

– Так мы идем или как? – нетерпеливо спросила Ада, которой надоела эта заминка. – Можете тут оставаться, если вам хочется трепаться. А я пошла за Лисой.

– Там же призраки! – вдруг раздалось ей в спину. И Ада едва сдержала желание развернуться и дать как следует этому трусу Вовчику. Раздражение на него сейчас, после того, как она сама дала повод для дальнейших насмешек, достигло пика. Ну что же он так ее позорит-то? Вот если бы за ней по пятам следовал какой-нибудь отважный мальчик, пусть даже отпетый хулиган Бугров, а не этот забитый, трусливый, жалкий недотепа, и то легче было бы. Вот уж счастье-то привалило...

– Тогда отправляйся в кроватку бай-бай, – бросила она презрительно и направилась к закрытому крылу. За ней следом отправилась Рая. А остальные девочки так и остались стоять, обступив Вовчика.

– Ждите нас здесь, идти всей толпой нет смысла, – приказала, оглянувшись, Рая. И Ада мысленно поблагодарила ее. Как жаль, что они враги, как жаль...

Рая быстро справилась с замком: знала, какая из отмычек подходит. Дверь скрипнула, и обе девочки, чуть поколебавшись, вошли в коридор.

– Фонарик бы, – прошептала Рая, на которую, видимо, как и на Аду, гнетущее впечатление произвела темнота, слегка разбавленная светом от дворового фонаря, но помноженная на тишину. Ада представила себе усадьбу в сумерках: половина здания глядит на центральную аллею освещенными окнами, другая, лишённая жизни, – пустыми черными «глазницами». Здание похоже на слепую на один глаз и с парализованной половиной лица старуху.

Обе девочки, чуть замешкавшись на пороге, двинулись вперед маленькими шагами.

– Что-то не слышно собаки, – заметила Ада после того, как Рая позвала Лису.

– Оксанка наврала, – фыркнула девочка.

– Повернем назад?

– Еще чего! Давно мечтала тут побывать. Если ты трусишь, возвращайся.

Ада промолчала, но то, что она продолжила идти вперед, оказалось куда красноречивее слов. Она не видела Раи, но слышала впереди себя ее шаги, и продолжала как загипнотизированная двигаться за ней. В какой-то момент Аде подумалось, что это место – отличная ловушка не только для любопытной собаки, но и для нее самой: Рая вполне может

воспользоваться случаем и устроить ей западню. И все же в порыве то ли внезапно возникшего доверия, то ли, наоборот, не желая показать «врагине» страха, следовала вперед.

Свет от дворового фонаря падал неровными пятнами на стены, во всей неприглядности выставляя отстающую целыми пластами краску, из-за чего они казались покрытыми чешуей боками гигантского животного. Кое-где на стенах остались висеть плакаты еще с советских времен, и оптимистично воодушевляющие улыбки пионеров, изображенных на них, в этом мертвом свете искажались до зловещих оскалов. Ада, случайно взглянув на один из плакатов, поспешно опустила глаза, потому что ей показалось, что пионеры следят за ними пристальными, недобрыми взглядами. Возможно, Рае этот обманчиво мертвый коридор тоже показался наполненным призрачной жизнью, потому что девочка вдруг приостановилась и резко оглянулась на Аду, будто опасаясь, что та ушла и оставила ее одну. «Я здесь», – едва не вырвалось у Ады, но промолчать ее заставила послышавшаяся сзади возня: остальные девочки тоже вошли в коридор, но заспорили опять на пороге.

– Приперлись, – недовольно прошептала Рая так, чтобы услышала ее лишь Ада. – Сказала же, чтобы ждали там! Не выношу ходить куда-то таким стадом.

«Стадом не так уж и страшно», – мысленно сказала Ада, которой стало недоставать перешептывания и перепалок соседок, когда они шли вот так – гурьбой, смелости было в разы больше.

– Лиса! Лиса! – позвала Ада, чтобы приободрить себя, но в голосе предательски прозвучали встревоженные нотки. Куда эта собака подевалась? Найти бы ее поскорей да вернуться в спальню.

– Ну что там? – нетерпеливо крикнула Зинаида.

– Ничего! – отозвалась Рая. – Пока ничего. Ждите нас там!

– Не проще ли нам всем войти и поискать в разных углах этажа? – предложила Ада и приготовилась услышать от Раисы насмешки и обвинения в трусости. Но соседка неожиданно ответила вполне дружелюбным тоном:

– Не лучше. Располземся, как тараканы, по всем этажам и комнатам, собираться потом в кучу будем куда дольше, кто-то еще обязательно заблудится. Лучше уж вдвоем туда и обратно.

Они дошли до противоположной стены с обнажившейся кирпичной кладкой, по пути заглянув в две комнаты, стоявшие с распахнутыми дверями. Помещения были пустыми, не считая валявшихся на полу обрывков газет и шпагата. Собаки тут не оказалось.

– Говорю же, наврала Оксанка. Или что-то не так услышала, – сказала Рая, выходя следом за Адой из комнаты, расположенной ближе всех к лестнице. – Вряд ли собака сюда забралась, может, выла за углом, а Оксанке показалось, что отсюда.

И тут же, опровергая ее предположения, откуда-то сверху раздался шорох и звук, похожий на всхлипывание, которое Ада приняла за скулеж.

– Лиса! – обрадованно воскликнула она и первой бросилась к лестнице. Собака такая любопытная, что наверняка забралась на другой этаж. Рая кинулась за Адой следом, успев на ходу крикнуть остальным, чтобы ожидали внизу.

Лестница полностью оказалась погруженной во тьму, но девочки, подстегнутые плачем Лисы, бежали, забыв о предосторожностях. Это уже потом, вспоминая ту ночь, Ада понимала, что лестница могла таить смертельные ловушки: обвалившиеся ступени, разрушенное ограждение. Но тогда об этом не думалось.

Второй этаж тоже слабо освещал дворовый фонарь, но только конечную часть коридора. И из-за того, что середина была погружена в темноту – казалось, что половина этажа обвалилась, – Ада замешкалась, но Рая уверенно пошла дальше.

– Давно мечтала здесь погулять, – донеслось восхищенное бормотание девочки. – Какая красота! Тишина, никого нет!

Одиночество в интернате было дефицитом: не так просто в населенном, будто муравейник, здании найти время и место для уединения. Даже в лесу обязательно на кого-нибудь наткнешься. Жизнь под контролем, почти как в тюрьме, даже мысли, похоже, угадывались без труда. Ада никогда не писала тетке, хоть и скучала, из-за того, что письма перед отправкой вскрывались и прочитывались.

А если попросить Раю не закрывать замок после того, как они выйдут отсюда? Можно неплотно вставить дужку в гнездо так, чтобы потом снимать замок без проблем и проникать в крыло, когда захочется уединения. И пусть находиться здесь жутковато – это лишь ночь, накидывая плащи-тени на предметы, искажает их реальные очертания, а в солнечном свете страхи растворяются без следа. Днем все тут будет выглядеть по-другому, и пионеры с осками монстров окажутся добрыми мальчишками и девчонками, такими, каких изобразил на плакатах художник.

И все же, хоть Ада внушала себе не бояться, здесь, на втором этаже, страх, будто саундтрек к фильму ужасов, зазвучал леденящим кровь крещендо. Ей активно здесь не нравилось. Что-то тут было не так. Что-то

смертельно опасное, как угарный газ, было разлито в атмосфере. От этого нарастающего чувства опасности холодела спина и потели ладони, а ноги делались ватными, как в тревожных снах с преследователями.

А Рая тем временем, остановившись на пороге одной из комнат, оглядывала с любопытством помещение – глаза уже привыкли к темноте, и можно было рассмотреть обстановку. В отличие от остальных комнат крыла эта не была пустой: ровными рядами, словно солдаты в карауле, здесь стояли шесть кроватей без матрасов с проржавевшими сетками и «шишечками» на спинках.

Ада задержалась на пороге, тогда как Рая вошла в комнату, обошла ее, ловко лавируя между металлическими «скелетами», присела перед ближайшей к выходу тумбочкой и приоткрыла висевшую на одной петле дверцу.

– Забавно! – сказала она, обнаружив на единственной полочке детскую сандалию, и помахала ей в воздухе. Ада припомнила, что, когда она была маленькой, у нее были похожие сандалии: с желтой пупырчатой подошвой, с нарисованным на стельке логотипом фабрики, с мелкими дырочками на носке и простой металлической пряжкой на кожаной перемычке. Крыло стояло закрытым уже давно, и хозяйка потерянной обуви наверняка выросла и окунулась во взрослую жизнь.

Рая в хулиганском порыве зашвырнула сандалию так далеко, как могла, и вышла из комнаты.

– Пойдем посмотрим, что тут еще есть, – позвала она за собой Аду.

– Мы сюда не на экскурсию, а за Лисой пришли, – напомнила та.

– Да нет ее здесь. Или Оксанка ошиблась, или собака уже давно нашла, как отсюда выбраться. А когда еще мы сможем прогуляться по этажу?

– Ничего интересного в этой прогулке не нахожу, – заметила Ада, и Рая насмешливо отозвалась:

– Да ну? Испугалась? Стр-рашно?! У-у-у, а вдруг тут и правда пр-ризраки водятся-а-а!

– Не придуривайся, не хуже меня знаешь, что никаких призраков нет, – оборвала Раю Ада. Но внутренне содрогнулась: страх и тревога уже вовсю били в набат, приказывая развернуться. И все же, как крыса за дудкой крысолова, она продолжала идти за спутницей. Девочки нырнули в темную часть коридора, когда до светлой полосы оставалось пару шагов, Ада вдруг наступила на что-то жесткое и чуть не подвернула ногу.

– Гадство! – выругалась она, присела и машинально протянула руку к предмету, о который запнулась. Пальцы погрузились во что-то волосатое, и Ада от неожиданности вскрикнула.

– Чего ты?! – испугалась ее вскрику уже Рая.

– Наступила вот...

Предметом оказалась безглазая голова куклы с растрепанными волосами-кудельками.

– Жуть какая! – сказала Рая, глянув на «сокровище» в руке девочки. – Зачем ты ее подняла?

И правда, зачем... Ада с силой, как недавно ее напарница – сандалию, отшвырнула находку. Послышался глухой звук, видимо, голова стукнулась о стену, и следом за этим раздался жалобный плач «ма-ам-ма-а».

– Ай! – заорала Рая. И подпрыгнула так высоко, словно пыталась перескочить препятствие. – Черт! Части этой уродской куклы по всему коридору разбросаны!

Оказывается, она наступила на туловище, которое и издало плач.

– Пошли назад, – уже прямо, отбросив все опасения быть высмеянной, сказала Ада. Но Рая куда-то исчезла.

– Эй? – позвала девочку Ада и встревоженно оглянулась. Поблизости находилась открытая дверь еще одной комнаты, и Ада поняла, что ее любопытная напарница успела скрыться там.

– У-у-у! – выскочила перед ней, как черт из табакерки, Райка, едва Ада сунулась в комнату. От неожиданности девочка взвизгнула, совсем как напуганная мышью Светлана, и Раиса довольно захохотала. – А-а, испугалась!

– Дура! – зло бросила Ада.

– За дуру ответишь! – мгновенно оцетинилась Раиса и угрожающе надвинулась на Аду. Но та вдруг выставила руку вперед и тихо прошептала:

– Тш-ш.

– Что такое? – настороженно спросила Рая, ожидая подвоха.

Но Ада, положив в предупреждении ладонь на плечо девочки, глядела куда-то за ее спину.

– Что там?

– Не знаю, – все так же шепотом ответила Ада.

– Если ты меня разводишь, пеняй на себя! – пригрозила Рая и быстро оглянулась назад.

В глубине комнаты стоял то ли низкий шкаф, то ли высокий комод, на котором восседали фигуры, очертаниями напоминающие человеческие, но размерами с карликов. Они не шевелились, но Аде вдруг стало так жутко, будто фигуры застыли в обманчивом спокойствии, как затаившиеся охотники, караулившие жертву. Почему в тот момент ей на ум пришло

такое сравнение?.. Она, сама не отдавая себе отчета, взяла Раю за руку и прошептала:

– Чувствуешь?

– Что? – громко спросила девочка. И, вырвав руку из ладони Ады, направилась к фигурам.

– Рая!

– Ну чего ты как перепуганная мышь? Хуже Светки! О бо-оже, с кем ни свяжешься, одна фигня выходит. Куклы это! Обыкновенные куклы. Смотри!

Рая взяла одну из фигур за волосы и подняла. И Ада, приглядевшись, увидела, что на комод действительно сидели куклы.

– Уродины какие! – брезгливо сказала Рая и разжала кулак, выпуская волосы. Кукла с тяжелым стуком упала обратно на комод. Ада же не испытывала ни малейшего желания рассматривать находку. Надеюсь, что Раиса последует за ней, она развернулась и вышла в коридор, но на пороге замерла: послышалось ей или нет, что раздался тоненький стон?

Конечно, послышалось! С ее живым воображением, подпитываемым страхом, и не такое надумаешь!

И только когда она уже дошла до середины коридора, вдруг поняла, что идет одна. Ну какая же любопытная эта Рая! Чего задержалась?

Ада замешкалась, не зная, как поступить: идти ли вперед, и пусть Райка сама ее догоняет, или повернуть назад и поторопить девочку. Впереди послышались голоса и шум – это остальные, уставшие так долго ждать, решили подняться на этаж. В хоре голосов солировал Зинкин, то подбадривающий пугливых соседок, то сыпавший ругательствами.

– Райка, пошли уж! – оглянувшись, крикнула в темноту Ада. Что там делает Рая, заигралась в куклы? Закипая от раздражения на напарницу, Ада повернула назад и вошла в комнату, в которой они только что были.

И очнулась потом уже совсем в другом помещении – в больничной палате...

Воспоминания о той ночи, жестокие, мучительные, воскресли в памяти так ясно, как будто все случилось вчера. И воздух кафе, пропитанный вкусными ароматами кофе и выпечки, вдруг показался затхлым, как в давно не проветриваемом помещении, с примесью запахов пыли, отсыревшей побелки и гнили. Но, увы, Ада все помнила ясно лишь до того момента, как решила вернуться за Раей, а что случилось дальше, так и осталось загадкой. И сколько ни пытались ее «разговорить» потом, сколько ни расспрашивали, она не могла дать ответа. Аду, с широко

открытыми глазами, обнаружили сидящей на пороге комнаты, но она не реагировала ни на слова, ни на свет – в подобной странной прострации она пробыла еще сколько-то дней. Тот период остался в ее памяти неясным, размытым, как вид из окна во время дождя. Спустя время, когда она более-менее пришла в себя, ей сообщили, что Раю обнаружили в той же комнате мертвой, но тайну ее загадочной смерти раскрыть так и не смогли. Объяснения пытались добиться от Ады. Но кто бы помог ей самой...

И чего добивается от нее Вовчик спустя пятнадцать лет, если она так ничего и не смогла вспомнить ни тогда, ни потом? Ада придвинула к себе папку, но, так и не решившись ее открыть, достала вместо этого телефон и набрала номер начальника службы безопасности.

– Серж, мне срочно нужна информация по одному человеку – все, что сможешь нарыть.

И сообщила Писаренкову все, что знала о Владимире. Сделала она так по укоренившейся привычке: предпочитала всегда прощупывать почву перед тем, как начинать сотрудничество с кем-либо. Как ей повезло в том, что в ее ближайшем окружении есть люди, которым она может полностью доверять! Незаменимый Сташков и Писаренков, мимо которого даже мошка не пролетит не идентифицированной, но, надо признать, не ее личная заслуга – знакомство с этими людьми. «Знакомься, Адочка... Это – твои ангелы-хранители», так сказал ей он, когда представлял ей Сергея и Игоря.

Ада подняла руку, подзывая официантку, расплатилась по счету, не забыв оставить щедрые чаевые, и, захватив папку, направилась к выходу. Решила внимательно посмотреть материалы не здесь, в незнакомом месте, а в родном кабинете, где само молчаливое присутствие за одной стенкой – Сташкова, а за другой – Писаренкова вселит в нее спокойствие и уверенность. Чего уж скрывать, рассказ Вовчика если не напугал, то встревожил не на шутку, а в офисе она чувствовала себя как в надежной крепости.

Ада не стала возвращаться к машине, села в метро и поехала с двумя пересадками на работу. Папка, которую она держала под мышкой, жгла раскаленным железом, и девушка сунула ее в пакет к купленному у старушки рукоделию. «И зачем мне теперь все эти носки? – пронеслось вдруг в голове. – Столько и за всю жизнь не сносишь, а мне, возможно, осталось совсем немного – подарить часть Сташкову и Писаренкову, и секретарше тоже?..» Но мысль эта категорически не понравилась: неужели она так быстро сдалась? Нет. Предупреждения Вовчика она примет к сведению, но впадать в панику не станет. А будет действовать, бороться за

то, чтобы жизнь ее оказалась такой долгой, что пригодились бы ей все эти носки. Почему-то все другие важные вещи, за которые она цеплялась раньше, ушли на задний план, уступив первое место рукоделию незнакомой бабушки. Впрочем, спроси Аду, что она имеет в виду под таким обобщающим и пафосным определением, как «важные вещи в ее жизни», она не смогла бы назвать ничего, кроме работы. Ею она заменила все, что могло бы стать для нее первостепенным, и сделала это осознанно, и только сейчас, когда возникла угроза ее жизни, впервые засомневалась в правильности сделанного ею выбора. И тревожно стало не только от нависшей опасности, но и от осознания того, что живет она как-то неправильно: как робот, лишенный человеческих желаний и стремлений.

Правду говорят: родные стены помогают – едва она переступила порог офиса, как тревоги и страхи, атаковавшие ее дорогой, остались за дверью. Ада поздоровалась с поднявшейся ей навстречу секретаршей и попросила ту никого не пускать к ней и все звонки переводить на Сташкова.

В кабинете Ада решительно бросила папку на стол и, с удобством расположившись в кожаном кресле, приступила к чтению собранного Вовчиком материала.

Ей понадобилось двадцать минут, чтобы просмотреть содержимое. Читать ксерокопии газетных вырезок и распечатки из Интернета было неприятно, но не из-за подробностей, которые как раз отсутствовали (информация о гибели той или иной девушки преподносилась скупой сводкой), а потому, что видеть подтверждение гибели тех, с кем она когда-то делила жизнь, было тяжело, да и с каждой прочитанной заметкой осознание нависшей опасности становилось все весомее. Перебирая бумаги, Ада то и дело ежилась, как от сырого холода, и не могла отделаться от ощущения, что спускается по разрушенным ступеням, касаясь ладонями осклизлых стен, в глубокий темный подвал.

Помимо этих заметок, была распечатана история интерната, но Вовчик взял ее из Википедии. Сводка изобиловала описаниями достопримечательностей усадьбы, фамилиями архитекторов, приложивших руку к ее созданию и украшению, – но все эти сведения не содержали ничего такого, о чем бы Ада не знала.

Просматривая содержимое папки, девушка с трудом сдерживала раздражение на Вовчика, который к сбору материала подошел так непродуманно. Распечаток было много, но они копировали друг друга, словно Сухих задался целью не собрать в одно целое всю необходимую картину, тщательно отбирая нужные пазлы, а накидал в одну коробку как можно больше фрагментов, не просмотрев их, не выкинув

повторяющиеся, – количеством подменил качество. Ада осталась с ощущением, будто ей дали прочитать не статьи целиком, а лишь их заголовки – ничего ясней не стало, по-прежнему больше вопросов, чем ответов. Непрофессионально Вовчик подошел к делу, непрофессионально. А еще работает в детективном агентстве! Или он специально так сделал ради того, чтобы поймать Аду на крючок любопытства? Раззадорил, напугал, заинтриговал.

Ада сняла трубку внутреннего телефона и, минуя секретаря, набрала номер Писаренкова.

– Сереж, ну что у тебя? Нашел что-нибудь?

– Обижаете, босс, – в голосе начальника службы безопасности послышалась шутливая снисходительность. Ада живо представила его себе: тонкие губы, не привыкшие улыбаться, растянулись в усмешке, делающей Писаренкова похожим на злодея из американских блокбастеров. «Сережа, я тебя боюсь, когда ты так усмехаешься», – как-то в шутку заметила Ада, на что Писаренков отреагировал удовлетворенным хмыканьем. Но на самом деле в той шутке была своя доля истины: начальника службы безопасности Ада побаивалась, даже робела перед ним, хотя и старалась не показывать виду. А как можно не бояться человека, у которого наверняка на тебя собрано полное досье, включающее даже точную дату, когда у тебя вылез первый зуб? Ну и что, что она начальница! Наверняка, прежде чем поставить Аду в управление филиалом, ББ отдал указание Писаренкову просканировать ее вдоль и поперек.

ББ – Большой Босс. Борис Борисович. Или – ее личная Большая Беда. Безумная Боль. Кому как больше нравится...

– Ада, ты меня слушаешь? – раздалось в трубке.

– Прости, отвлеклась. Задумалась.

– Во время разговора? – недоуменно спросил Писаренков, и в воздухе повисло недоговоренное вслух, но четко услышанное в интонациях «со мной?». Как можно задумываться о чем-то постороннем в разговоре с *ним*, таким незаменимым, способным достать любую информацию хоть на Сатану, хоть на Бога?

– Давай, Сереж, зачитывай! – скомандовала она, и Писаренков вмиг посуровевшим тоном, «прокурорским», как называла его про себя Ада, начал:

– Сухих Владимир Петрович, родился в селе Путиловка в 1982 году...

«Не женат, не привлекался, высших учебных заведений не оканчивал...» Много в биографии Вовчика было этих «не», игравших как в его плюсы, так и в минусы. «Если я поручу Писаренкову раскопать

историю интерната, он сделает это, в отличие от Вовчика, на «пять с плюсом».

– Стоп, Сереж, – прервала она на полуслове Писаренкова, когда тот от общей характеристики перешел к перечислению хронических заболеваний Сухих. – Мне достаточно пока и того, что ты рассказал. Продиктуй еще раз адрес его работы.

Вовчику, конечно, можно и позвонить, но Ада решила, что разговор не по телефону, а лично, окажется продуктивнее. Да и хотелось ей нагряться так, врасплох: непредупрежденные люди хотя бы на секунду, но оказываются самими собой. Во время разговора с Владимиром ее не оставляло чувство, что он играет хорошо заученную роль, отрепетировал даже мимику и интонации. И это ощущение после прочтения содержимого папки лишь усугубилось.

Она записала адрес, по которому находилось детективное агентство (все же не обманул Сухих насчет места работы!), посмотрела по карте и пожалела о том, что не приехала в офис на машине: агентство располагалось на конечной остановке метро одной из дальних веток, ехать нужно было с двумя пересадками. Но раз решила ехать, отменять поездку не будет. Ада набрала номер зама.

– Игорь, привет!

– О, ты тут? Я заходил раньше, но не застал тебя на месте.

– Была незапланированная встреча, личная.

– Ого!

– Совсем не то, что ты подумал, – остудила Ада его воображение. Сташков знал о ней многое, в том числе и то, что личная жизнь у нее зашла в тупик. Но беспокойств больше по этому поводу выказывала Юлечка, а не сам Сташков, считавший, что всю нерастрченную на любовные переживания энергию Ада обращает в работу.

– Игорь, мне нужно отлучиться. Не знаю, вернусь ли я сегодня в офис или уеду с концами...

– С концом, – вдруг гоготнул Сташков.

– Что?

– Ничего, – смутился он. – Так, дурацкая шутка. Езжай, куда тебе надо и на сколько надо. Справлюсь.

– Ты мне звони, если что, – я на связи.

– Ну, это понятно! Только мой совет тебе: отключай мобильник хотя бы на ночь! Наверное, ты с ним в руке так и спишь.

– Нет, под подушку кладу, – ответила она самым серьезным тоном. Положив трубку на рычаг, крутанулась в кресле, как девчонка, и, остановив

взгляд на папке, задумчиво закусила нижнюю губу. Может, и в самом деле стоит поручить собрать информацию об интернате Писаренкову? Это была мысль уже не напуганной мнительной Ады, которую в панику ввергли ничем практически не обоснованные «версии» старого знакомого, всегда отличавшегося бурной фантазией и страстью ко всему мистическому и непознанному, – это была мысль как раз таки настоящей Ады – привыкшей держать все под контролем, не терпящей недостатка информации, доверяющей своей интуиции. Силен тот, кто знает: слабость – в невежестве. Еще она знала, что случайностей не бывает – цепь совпадений заставляет призадуматься.

С чего начать, Ада не решила. Возможно, гибель бывших соседок по спальне и не имела никакого отношения к интернату и тем более к той ночи, о которой Ада мало что помнила. Но сбрасывать со счетов ту трагедию тоже нельзя, как бы тяжело ей ни было вспоминать об этом.

– А вдруг Вовчик прав? – Ада даже не заметила, что размышляет вслух. И когда в кабинете вдруг раздался голос секретаря, чуть не подскочила на месте от неожиданности.

– Лина!

– Я постучала, – смущенно ответила девушка.

– Что там у тебя?

– Вас искали.

И по тем признакам, что личико девушки приняло серьезно-торжественное выражение, а сама она вытянулась, как новобранец, в струнку и что не сразу выпалила имя спрашивавшего начальницу человека, а сделала многозначительную паузу, Ада сделала вывод, что, наверное, искал ее кто-то особый. Впрочем, иногда секретарь преувеличивала важность ситуаций и каждому третьему, искавшему Аду, в своей личной табели о рангах по одной лишь ей ведомой причине присваивала высшие позиции. Однажды Лина таким образом приняла за «очень важное лицо» и проводила со всеми почестями в кабинет к начальнице... коммивояжера, торгующего поддельной косметикой. Что уж сбило с толку девушку – костюм ли и прическа «волосок к волоску» ушлого молодого человека, его ли сладко-назойливые речи или, наконец, поддельная «Шанель» – неизвестно. Но Ада и глазом не успела моргнуть, как на ее столе прямо перед носом оказался ворох коробочек, пузырьков и тюбиков, а нахально развалившийся в кресле напротив нее коммивояжер уже брызгал удушливым одеколоном на бумажку и быстро-быстро размахивал ею перед носом оторопевшей хозяйки кабинета.

И сейчас Ада тоже не была уверена, что секретарь опять не приняла за

важного посетителя какого-нибудь проходимца, но Лина назвала имя, от которого сердце по старой привычке сжалось в комок, а затем забилось в лихорадочном ритме.

– Борис Борисович.

– Когда? – спросила Ада после некоторой заминки. Спокойно: не должно быть подобной – на одно лишь имя – болезненно-беспокойной реакции сердца – все в прошлом. Она сама поставила точку. Рубанула по живому, разделив две сросшихся, глубоко проникших друг в друга души, оставив рваные, кровоточащие раны, необработанные – они еще долго заживали сами по себе. Но... они оба выжили и справились. Кажется. Звонки от ББ в последние два года были редки, как государственные праздники. А сама Ада ему никогда не звонила.

– Утром, когда вас не было.

– Странно, но он мне не перезвонил, – пробормотала вслух Ада не столько Лине, сколько самой себе.

– А он не звонил, он приезжал.

– Борис Борисович в Москве?! – вырвалось слишком уж горячо.

В последний свой приезд он нагрянул так же неожиданно, без предупреждения. Аду тогда, помнится, все же обидно задело, что Борис, пробыв в Москве целых три дня, к ней заглянул за час до отъезда в аэропорт. Хотя и понимала, что так и надо.

Это он, кстати, сказал как-то Аде, что люди, пойманные врасплох неожиданной встречей, частенько проявляют свое истинное лицо.

– Да. В Москве.

– Спасибо, Лина, – сухо поблагодарила Ада, стараясь скрыть нарастающее неприятное чувство, что Борис, как и в прошлый раз, решил увидеться с ней лишь перед отъездом. – Меня сегодня, скорее всего, уже не будет – переводы всех на Сташкова.

– Поняла, – кивнула девушка и наконец-то ушла. А Ада, едва за секретаршей закрылась дверь, обхватила голову руками и устало вздохнула, затем, спохватившись, в надежде схватила мобильный, но пропущенных звонков на нем не оказалось.

Если бы это происходило до того, как она поставила точку в их личных отношениях, Ада не стала бы звонить Борису из упрямого чувства гордости, но сейчас набрала его номер и поднесла трубку к уху. Слушая длинные, тягучие гудки, она рассматривала в окно ветку березы, по которой так же, как и накануне, прыгал воробей. Времени с того момента прошло не так уж много, а ей казалось, что по меньшей мере – неделя. Вряд ли это тот же самый воробей, но Аде почему-то хотелось думать, что

наведался «старый знакомый», с которым ее сравнил Сташков. Отвлечшись мыслями на пташку, она не нервничала, ожидая ответа, но и не заметила, что слушает гудки уже неприлично долгое время. Спыхватилась лишь тогда, когда воробей вспорхнул и улетел, и тогда поспешно оборвала вызов, понадеявшись на то, что Борис просто отключил звук звонка и потому не взял трубку, а не оставил где-то телефон. В последнем случае тот, кто слышал такое долгое треньканье, наверняка разрядился раздраженной тирадой в адрес назойливого звонящего.

Ну что ж... Если надо, перезвонит. Ада решила, не меняя своих планов, поехать к Вовчику на работу. В сумку папка не влезала, нести под мышкой было неудобно, поэтому Ада убрала ее в пакет с носками, суеверно решив, что носки послужат для нее оберегом. И улыбнулась, подумав, что было бы неплохо подарить парочку и Борису, если они встретятся. И добавить, что между решением важных вопросов и подписанием документов она вяжет носки. А на особо скучных собраниях так и вовсе не расстается с вязанием, сидит себе с внимательным лицом, а сама под столом считает петли. Новое хобби... А что? Борис сам говорил, что она свою жизнь превратила в сплошную работу, не оставив ни малейшей лазейки для своих интересов, – даже походы в спортклуб являлись прежде всего предусмотрительными инвестициями в здоровье, чтобы без помех посвящать себя делу.

Боярышники, 1914 год

Ульяша не обманула: она нашла средство, как мне помочь, да только я отвергла ее совет с негодованием. Страшно! Хотя и знала я, что ходит народ к Захарихе, да боязно мне стало. Папенька частенько ворчит, что только темный, необразованный народ может верить в чудеса заговоров. Ох, как гневался он раз на конюха Антипку за то, что запустил тот серьезную болячку: лечил свой недуг не у земского врача, а прикладывал по совету знающей бабки травы да землю.

Но Ульяша, видя мои сомнения, принялась уговаривать. Мол, с ведьмой справиться сможет лишь знающий человек, а мне не под силу будет: пока папенька находится под чарами иноземки, не услышит моих слов, что бы я ему ни говорила о Мари.

– Не бойся, ангел мой Асенька, – шептала Ульяна. – Захариха вреда не причинит: пошепчет, травяной настой сделает, чтобы отворотить ведьму от нашего Петра Алексеевича. Уедет к себе чужестранка так

скоро, что ты и глазом моргнуть не успеешь. Захариха, сказывают, сильна в наговорах на остуду.

– Даже с ведьмой справиться может? – засомневалась я. Не почувет ли Мари, что против нее затевается что-то нехорошее? Если она и вправду с дьяволом связана, как народ судачит, то как с ней совладеет обычная деревенская бабка?

– Одолеет ведьму Захариха! Ей под силу, вот те крест! – воскликнула кормилица с такой убежденностью, что я начала колебаться. А ну-ка и правда Уляша верное решение подсказывает? Разве будет моя кормилица желать мне плохого?

Да только выполнить задуманное не кажется мне простым делом: Захариха живет далеко, между деревнями Огаркино и Пичужкино, а это самые дальние от нас деревни, разделенные между собой широкой полосой леса. Ведунья как раз в том лесу и обитает. И меня пугает не столько расстояние, сколько уединение, которое избрала знахарка: не попаду ли я из огня да в полымя – от одной ведьмы к другой? Затея видится мне и тревожной, и опасной. Но вечернее происшествие развеяло все сомнения и придало мне решимости.

Два дня подряд мадам была больна, отменила занятия со мной и не спускалась ни к обеду, ни к ужину. И когда наконец-то вышла на третий день к столу, я увидела, как она бледна, под глазами залегли тени, а лицо исхудало так, что щеки ввалились и нос казался еще длиннее. Признаться, я позлорадствовала в душе: теперь папенька, увидев, как подурнела Мари, разлюбит ее. Но мой бедный отец, казалось, вовсе не заметил, какой некрасивой стала его жена. Он глядел на нее с таким обожанием, словно на первую светскую красавицу, и, с почтением усаживая ее на стул, заботливо спросил о самочувствии. Я знала, что Мари отказалась от услуг нашего семейного доктора, и папенька эти два дня места себе не находил от беспокойства. «Не волнуйтесь, мой дорогой. Я почти здорова. Небольшое несварение желудка», – ответила Мари. «Как же, несварение... – пробормотала себе под нос подававшая на стол Прасковья, так, что услышала лишь я. – Беременна она, как пить дать! Вон как с лица спала...»

Беременна? Я от ужаса выронила вилку. А что, если у Мари и папеньки родится ребенок? Беда какая... Не будет для меня жизни! Сживет меня мачеха со свету ради того, чтобы вся любовь, все богатство папеньки достались не мне, а ее ребенку. Не потому ли и куклу с моим лицом лепит?

– Что с тобой, Ася? – встревожился за меня отец, заметив, что я

почти не притронулась к еде. – Ты не заболела?

Что я ему ответила, не помню, пробормотала какие-то оправдания и выбежала из-за стола.

– Ульяша, Ульяша!.. – с отчаянным криком ворвалась я к своей верной кормилице.

– Ай, Асенька, – всполошилась она, – чай, пожар приключился?

– Хуже! – плача, я рассказала ей о том, что узнала за обедом. Ульяна, слушая меня, охала и качала головой.

– Сведи меня с Захарихой! – потребовала я. Но кормилица, никогда до того мне не перечившая, вдруг отступила назад и вытянула вперед руки, словно желала отгородиться от меня.

– Да ведь грех-то какой, Асенька! – жалобно промолвила она. – А ежели мадам Мари и правда ребяточка ждет? Не по-божески зло против нее затевать.

– А по-божески меня изводить? – воскликнула я. – Ульяна, боюсь я ее! Сживет она меня со свету! Или про куклу ты неправду сказала?

– Правду, – вздохнула Ульяна и перекрестилась. – Ей-богу, правду! Ну, так и быть, Асенька... Возьму грех на душу ради тебя, моя кровиночка. Скажу мужу моему, Силантию Валентиновичу, пуцай тебя завтра спозаранку отвезет к Захарихе, он знает куда. Никому про то не скажем! А ежели тебя кто спросит, я найду, что ответить.

Я робко топталась у порога, потому что неприветливая Захариха не пригласила пройти и присесть. Ей было безразлично, что крестьянка, что графская дочка, для нее не существовало чинов и классов. «А мне что царевна, что нищенка, все едино, – пробормотала она, глянув на меня так недобро, что «рыбий» взгляд мадам мне показался даже ласковым. – Просьбы у вас одни. Все вы грешницы».

Вот так вот.

Захариха смотрела на меня немигающим змеиным взглядом, ожидая, что я начну рассказывать, но я молчала: язык у меня словно присох к гортани. Повернуть бы назад, да ноги словно тряпичными сделались. Так и стояла я перед ней, испуганная и со стыда сгорающая, будто публично обнаженная.

В избе сильно и горько пахло травами, так, что дурманилась голова. Я украдкой скользнула взглядом по сторонам и увидела развешанные под бревенчатым потолком пучки трав, какие-то я смогла опознать: зверобой, мать-и-мачеху и крапиву.

Сама же знахарка внешне не внушала страха: деревенская баба, да и

только. Но и доверия тоже не вызывала. Она не была похожа на ведьму. Не сгорбленная, напротив, спина ее была прямой, как доска, не согнутой ни возрастом, ни тяжестью жизни. Нос – обычный нос простолюдники, с широкой переносицей и мясистым кончиком. Никаких бородавок, пятен и других «ведьминских» меток на лице. Только, пожалуй, взгляд казался излишне суровым из-за сросшихся на переносице бровей. Волосы у ведуньи были убраны под синюю косынку, концы которой, обернутые вокруг головы, были завязаны надо лбом «рожками».

– С чем пожаловала? – поторопила меня Захариха, не дождавшись от меня ответа. И я, испуганно оглянувшись на дверь, словно проверяя, не подслушивает ли оставленный во дворе караулить лошадь Силантий, робко принялась рассказывать.

– Куклы, значит? – усмехнулась как-то нехорошо знахарка. Но больше не перебивала. Закончила я и глянула на хозяйку со страхом: что скажет? Прогонит или поможет, или вдруг цену запросит такую, что мне вовек не рассчитаться? Но Захариха обошла меня кругом, внимательно рассматривая, привстала на цыпочки, заглядывая в глаза, и, приблизив лицо к моему так, что я еле сдержалась от того, чтобы не отшатнуться, проговорила:

– А грех на себя возьмешь?

Я испуганно кивнула. Не столько от согласия, сколько от страха.

– Хорошо, – засмеялась вдруг недобро хозяйка. – И выполнишь то, что скажу?

И я опять согласилась. Некуда отступить, раз уж сама пришла за этим.

– Не испугаешься?

На этот раз я уже отрицательно покачала головой.

– Ну вот что... Вижу, пойдешь до конца – так ты мачеху не любишь.

– Она меня не любит! – в запальчивости воскликнула я.

– Ой ли? – усомнилась неожиданно Захариха. – Ты за своей нелюбовью ее любви не видишь.

– Не любит она меня! – упрямо повторила я.

– Черствая избалованная девчонка, – вдруг выругалась знахарка. – Сколько годков-то тебе?

– Пятнадцать.

– Мала еще, дурна. Прогнала бы тебя... – Захариха сделала паузу, задумчиво собрала губы в гузку.

И я вдруг с неожиданной радостью подумала, что и вправду прогонит, пусть так и будет! Но только не успела что-либо сказать.

– Сделаешь все так, как велю. Если ошибешься или испугаешься, пеняй на себя. Ежели что пойдет не так, тебе плохо будет. Принеси мне две вещи, что твоему отцу и мачехе принадлежат. А потом я скажу, как дальше быть.

* * *

Час пик уже давно миновал, и в вагоне оказались свободные места. Ада присела между двумя пассажирами: полной женщиной с двумя авоськами, зажатыми между плотных икр, и интеллигентного вида мужчиной, который держал завернутую в газетную бумагу книгу. Надо же, как в советские времена, когда книги были дефицитом, и их для лучшей сохранности оборачивали газетой! Мужчина был полностью погружен в чтение и, судя по внимательному выражению лица, сосредоточенно нахмуренному лбу и то и дело шевелящимся губам, словно он повторял про себя особо понравившиеся фразы, читал он что-то серьезное и глубокое. Ада не сдержала любопытства и украдкой заглянула в раскрытую книгу, ожидая увидеть философский труд, но, пробежав глазами диалог, в котором некто в незатейливой форме изъяснялся в любви, а затем рассмотрев колонтитул с именем автора, едва не расхохоталась. Мужчина читал с таким сосредоточенным выражением любовный роман одной из популярных писательниц и книгу в газету завернул не ради того, чтобы лучше ее сохранить, а боясь косых взглядов. А вот соседка Ады совершенно не стеснялась привлечь к себе внимание, извлекая из авоськи опус с названием «1001 способ доставить ему удовольствие» и фотографией мужских плавков на обложке. Помусолив палец, женщина погрузилась в изучение секретов мужской физиологии. Студенческая парочка, сидевшая напротив, тоже обратила внимание на книгу: девушка прыснула со смеху и уткнулась в плечо своему молодому человеку, тогда как тот посмотрел на тетку с большой долей уважения.

Ада невольно улыбнулась и, вставая с места – нужно было выходить, – подумала, что эти двое рядышком, со своими книгами, смотрятся довольно интересно. Если бы только интеллигентного вида мужчина не был таким стеснительным и снял с романа газетную обложку...

Переход, еще один, другой вагон метро, длинная ветка, конечная остановка. И Ада наконец-то добралась до нужного места.

Детективное агентство с названием «Фемида» располагалось, судя по карте, недалеко от станции, но Ада потратила добрых полчаса, кружа по

переулкам и читая указатели в поисках нужного здания. Даже навигатор в телефоне не мог помочь: он упрямо указывал, что нужное строение должно быть в данном месте, а Ада видела лишь сплошную стену другого здания. Дом пятнадцать присутствовал, семнадцать – следующий, на противоположной улице, как и полагается, – четные номера, четырнадцать и шестнадцать. А где прячется здание с номером пятнадцать, строение один?.. Стрелка в навигаторе телефона настойчиво указывала на дом пятнадцать. Возможно, строение один находится за этим зданием, во внутреннем дворе, но как туда попасть?

И только уже изрядно устав от поисков, она по наитию решила войти в средний подъезд дома и увидела, что он проходной. Нужное ей строение, представляющее собой одноэтажное здание, выкрашенное в ядрено-розовый цвет, действительно находилось во внутреннем дворе. Вот тебе и детективчики! Спрятались так, что и вражеская разведка не обнаружит.

Ада пересекла двор, похожий на палубу парусника из-за хаотично расположенных деревянных столбов (один из них кем-то особо креативным был вкопан прямо посреди детской песочницы), натянутых между ними веревок и трепыхающихся на ветру простыней. И в растерянности остановилась перед металлической черной дверью без единой опознавательной таблички, без ручки и звонка. Бункер, етить! Повозмущавшись про себя на этих сыщиков-креативщиков, она уже пожалела о том, что приехала – нужно было поговорить с Вовчиком по телефону. Так нет ведь, захотелось «очной ставки»! Раздражения добавила запоздалая мысль, что в то время, когда она тут охотится на детективов, ББ опять мог посетить офис – и так и уедет снова на год, не повидавшись с Адой. А все потому, что она дважды за этот странный день тратит драгоценное время на сомнительного и вовсе не интересного ей субъекта Вовчика.

Она занесла уже руку для того, чтобы постучать, но ее остановил насмешливый голос:

– А вы, дамочка, ногой стучите! Маникюр обломаете, а толку не добьетесь. Они там все глухие, как беззубые старухи. Тут все ногой стучат.

Ада машинально перевела взгляд вниз и увидела, что дверь щедро испачкана следами от чьей-то обуви.

– Неужели не проще звонок провести? – проворчала она и лишь после этого поискала взглядом того, кто подсказал ей решение. Не сразу, но удалось разглядеть меж колышущихся на ветру простыней-парусов «капитана» этого двора-«корабля», показавшегося ей словно сошедшим с экрана Джеком Воробьем. «Пират», одетый в шаровары и пестрой

расцветки рубаху, художественно распахнутую на смуглой груди, сидел на лавочке, по-турецки скрестив босые ноги. На голове его темнела косынка, повязанная на пиратский манер, из-под нее свешивались до плеч то ли заплетенные в многочисленные косички, то ли спутанные в дреды волосы. На лице выделялись подведенные черным глаза, под полоской тонких усиков изгибались в усмешке губы, обнажая белоснежные зубы. В одной руке «фрик», как тут же окрестила Ада про себя незнакомца, держал толстую сигару, в другой – веер, которым лениво обмахивался.

– Что так смотришь? Веера не видела?

Ада не ответила, отвернулась к двери и робко ударила по ней ногой.

– Громче стучи! – не оставил без внимания ее действие «Джек». – Не услышат. Или боишься тувельки хрустальные разбить?

Но не успела разозлившаяся Ада ответить что-то резкое, как «пират» уже заорал во всю глотку:

– Вован! Открой, дама пришла!

Свой крик он усилил еще и разбойничьим свистом, таким пронзительно-звонким, что Ада невольно зажала уши руками.

– Ты что, охр... офигел? – вырвалось у нее под довольный хохот фрика.

– Понравилось? – не без доли хвастовства осведомился тот.

– Сумасшедший... Теперь понимаю, почему эти на звонке экономят: ты у них вместо него.

– Угадала, детка. Я колокольчиком на полставки подрабатываю. Но хочу, звоню, хочу – не звоню.

– Не все у тебя фейсконтроль проходят? – насмешливо осведомилась Ада. И собралась уже было повернуться и уйти, как дверь распахнулась, и на пороге предстал Вовчик собственной персоной.

– Ада? – изумился он.

Девушка в свою очередь тоже удивилась: в этот раз на Вовчике был уже не представительный костюм, рубашка и галстук, а черные брюки, заправленные в высокие ботинки на шнуровке и из той же ткани, что и брюки, рубашка-куртка с желтой нашивкой на рукаве «ЧОП «Ураган». Вот тебе и сыщик! Самый обыкновенный охранник в сомнительного вида конторе – вот почему и мобильный у Вовчика был такой непрезентабельный, и «материал», им собранный, отнюдь не соответствовал работе профессионала.

Ада, раскрыв обман, заулыбалась медовой улыбкой, но не от радости, что Вован оказался таким простым парнем, а потому, что наслаждалась неловкой ситуацией, в которую он попал: она ненавидела, когда ей врал и

пускали пыль в глаза. Хотя, зная, что у них с Вовчиком общее, такое непростое прошлое, могла бы сделать скидку – но принципы, черт их побери, принципы!

– Не чертыхайся, – раздалось вдруг за спиной.

Ада удивленно оглянулась и увидела «Джека», который продолжал неторопливо обмахиваться веером.

– Я не чертыхаюсь, – не нашлась она, что сказать.

– Чертыхаешься. Я же слышу.

– Я ничего не говорила вслух!

– Ага, призналась, что чертыхнулась! Хоть и не вслух.

– Эй... послушай... Как там тебя?

– Это неважно, – фрик сложил веер и, вытянув губы трубочкой, засвистел какой-то мотивчик. При этом на его лице, запрокинутом к небу, разлилось такое выражение блаженства, будто находился он сейчас не в этом дворе среди развешанного на веревках белья, а на теплом тропическом пляже, где наслаждался ласковым шепотом прибоя.

– Ада, как ты меня нашла? – вернул ее внимание к своей персоне Вовчик, придя в себя после удивления, но так и не справившись с охватившим его смущением.

– Свои люди помогли, – уклончиво ответила она. Прав был Борис, когда говорил ей, что неожиданные визиты открывают истинное положение дел – вот и Вовчиков «секрет» так скоро раскрылся.

– Ты что-то вспомнила? – с надеждой спросил парень. – И потому приехала?

– Нет. Захотелось на тебя поглядеть да папочку вернуть. Изучила ее содержимое, но ничего для себя интересного не нашла. Впрочем, понятно уже почему, – усмехнулась она, красноречивым взглядом окидывая его униформу.

– Я тебе не говорил, кем работаю! Сказал где, но не кем! – как мальчишка бросился оправдываться Вовчик. – А это на самом деле детективное агентство! Ну и что такого, что я работаю в нем охранником?

– Он не врет! – подал реплику фрик, но Ада даже не оглянулась.

– Ладно, чего уж там. Скажем, я сама сделала ошибочные выводы, – примирительно проворчала она. – Забирай папку.

Она протянула пакет Вовчику.

– Сама соберу необходимую мне информацию.

– Зайдешь? – заискивающе спросил Вовчик, принимая пакет. – Чаем напою. Поговорим...

– О чем?

– О том, что нам дальше делать.

– А что делать, Вова? – пожалала она плечами. – Жить, как раньше, ни больше, ни меньше.

– Но ведь...

– Я поняла, – оборвала она его. Не хватало еще при наострившем уши «пирате» обсуждать щекотливую тему возникшей угрозы. – Я тебе позвоню, не волнуйся. У меня свои каналы, разберемся с этим делом.

– Пожалуйста, не откладывай, – попросил Вовчик и жалобно улыбнулся.

– Я не откладываю важные дела. А ты, Володя, тоже думай. Вечером созвонимся, и ты мне расскажешь свою версию того, что произошло пятнадцать лет назад. Я же не помню, – развела она руками. Приободренный ее словами парень кивнул, а Ада развернулась, чтобы уйти. Странного, колоритной внешности молодого человека на лавочке уже не оказалось – исчез так бесшумно и быстро, будто растворился в воздухе. А может, его и не было?..

Уже спускаясь в метро, Ада спохватилась, что отдала Вовчику пакет не только с папкой, но и носками, и пожалела об этом так сильно, что даже повернула назад. Но в этот момент в сумочке зазвонил мобильный.

– Привет.

И все, он мог больше ничего не говорить. Просто молчать в трубку, и она бы наслаждалась этой тишиной, зная, что по ту сторону «провода» – он. Готова была слушать это безмолвие, где есть он, бесконечно. Слушать и дышать. Дышать и замирать.

– Ты где?

– В метро, – честно ответила Ада, приходя в себя.

– Встретимся?

– Где?

– Где скажешь, – усмехнулся он в трубку.

– Как обычно.

– Давай.

Их привычный диалог, в котором все им было понятно, который обманчиво носил налет прежних чувств и интимности, но которому не стоило придавать прежнего значения. Ада выбрала то кафе, в которое они частенько ходили с Борисом, чтобы убедиться, что это место больше не вызывает у нее прежних чувств. А он, возможно, воспринял ее предложение наоборот: что жалеет она о своих словах, произнесенных два года назад, и пытается все вернуть. Сам же Борис никогда не жалел о сказанном, просто потому, что каждая его фраза, каждый поступок были

взвешены, наперед просчитаны. И только Ада стала из всего исключением. Его грехом. Его болью. И одновременно счастьем. Его самым большим достижением. И самым большим провалом. Его безграничной Вселенной и его камерой заключения. Всем. И одновременно ничем.

Как и он для нее.

Боярышники, 1998 год

К Новому году готовились со всей тщательностью: на этот раз в интернате ожидалось не просто празднество, а настоящее событие. «Настоящее событие» – это были слова воспитательницы Макароновны, повторенные следом за директрисой. Обычно новогоднее празднование представляло собой концерт самодеятельности в актовом зале, в котором собирались все воспитанники и персонал, а затем следовал праздничный ужин, на который подавали холодец, запеченную курицу с гарниром и пирог. Малышей укладывали спать сразу после боя курантов. А для старших в актовом зале устраивали дискотеку, к которой девочки готовились со всей тщательностью: неумелыми руками вырисовывали жирные «стрелки» в уголках глаз, щедро покрывали веки блестящими тенями, подводили губы яркой помадой. Частенько макияж воспитанниц напоминал боевую раскраску индейцев, а лица казались копией друг друга, потому что использовалась одна и та же косметика «на всех», да и способы ее нанесения не отличались разнообразием и тонким вкусом. Этот вечер был, пожалуй, единственным в году, когда щедро обменивались нарядами, аксессуарами и даже обувью, – претензии за испорченные юбки и блузки «товаркам» выдвигали уже в следующем году. Мальчишки же на дискотеку приходили в том виде, в каком обычно посещали занятия. Они толпились у стен и глупо ухмылялись, глядя на раскрашенных девчонок, выписывающих такие горячие движения бедрами, что позавидовали бы танцовщицы с бразильских карнавалов. А если кто-то из видных мальчишек в итоге отважился пригласить на медленный танец одну из девочек, это становилось событием, которое долго еще обсуждалось. Хотя бывало по-всякому, и на танец мог пригласить не парень, по которому вздыхали большинство девчонок, а какой-нибудь аутсайдер, и тогда «даме сердца» не избежать было страданий от насмешек. Но в большинстве своем наряжались и красились не ради завоевания мужского внимания, а ради того, чтобы стать на пару недель героиней завистливых перешептываний.

В тот год к празднеству готовились с особым старанием и

тщательностью, потому что ожидался приезд спонсоров, на средства которых закупили новую мебель, одежду, игрушки, а сын директрисы обзавелся новенькой «Ладой». Ходили слухи, что пожалует на скромный праздник сам директор предприятия, взявшего под шефское крыло интернат. И директриса пребывала в сомнениях, каким показать дорогому гостю опекаемое им детское учреждение. Без прикрас, так как есть, чтобы выбить еще финансовой помощи? Или, наоборот, встретить по мере возможности щедро? И в итоге решила, что одно другому не мешает, поэтому поварам были отданы особые распоряжения насчет праздничного ужина, воспитателям – свои наставления, а с воспитанниками ежевечерне проводились беседы на тему, как вести себя при гостях, участвующие же в концерте репетировали свои номера до изнеможения.

Ада талантами не блистала: певческого голоса у нее не было, достаточной пластики для сложных танцев – тоже, поэтому от репетиций она была свободна, тогда как Марину обязали спеть сочиненные воспитателями частушки об интернатовской жизни, Зинаида, имевшая хорошую спортивную подготовку, разучивала трудный танец, а красавице Светлане отвели роль ведущей. Эти вечера, когда соседки по комнате в большинстве своем расходились на репетиции, Ада проводила сидя на подоконнике в спальне и разглядывая в сумеречном свете торчащие из снега голые ветви кустов в палисаднике. Событие, случившееся полгода назад, что-то сломало в ней, будто тогда с Раей погибла и частичка ее самой. И хотя на нее не давили, не угрожали, не запугивали в стремлении выведать правду о гибели девочки, Аде каждый раз от тех разговоров становилось физически больно.

Отношение к ней соседок, после того как ее нашли в отрешенном, полубессознательном состоянии возле тела Раи, тоже изменилось: сочувствовали, но тем не менее еле скрывали жадное, нездоровое любопытство. Произшедшее списали на несчастный случай, и с Ады были сняты подозрения в виновности гибели Раи, но все равно та трагедия так и оставалась окутанной мрачной тайной. А все тайное, как известно, манит. Всем хотелось знать, почему и как погибла Рая, но задавать Аде вопросы врачи и воспитатели строго-настрого запретили. Поэтому девочки частенько «подлизывались», стараясь завоевать ее дружбу в надежде, что Ада в порыве доверия сама расскажет о загадочных событиях той ночи. Да только девочка сама ничего не помнила.

Когда к ней в предпоследний вечер перед Новым годом с многозначительной улыбкой подошла Зина, Ада даже не удивилась.

– Хочешь надеть это платье? – спросила соседка и протянула синюю

«тряпку». Такая щедрость не была присуща Зинаиде: вещами она никогда не делилась, и стоило кому-то хотя бы даже притронуться к чему-то ее личному, как тут же набрасывалась с руганью. Ада молча и непонимающе смотрела на подошедшую к ней девочку.

А соседка тем временем развернула платье и потрясла им перед Адой. Сшито оно было самой Зиной, но по виду не уступало магазинному и даже было красивее, потому что Зина вложила в платье свою душу. Цвет берлинской лазури интересно оттенял смуглую Зинину кожу и подчеркивал выразительность ее черных глаз. Девочка выбрала удачный фасон, который должен был скрыть угловатость и худобу и придать немного женственности ее мальчишеской фигуре. Ада как замороженная рассматривала кружевные оборки на лифе и пышную юбку. И даже мысленно представила себе, как кружится в платье по паркетному полу, ловя свое отражение во множестве зеркал.

– Нравится? Бери! Даю тебе надеть на Новый год.

– С чего такая щедрость? – подозрительно спросила Ада, предполагая какой-то подвох. Зинка в последнее время со своим шитьем не расставалась, пропадала в мастерской все часы отдыха – торопилась закончить платье к празднику.

– Я другое надену, – уклончиво ответила девочка, – в этом я по-дурацки выгляжу. Особенно когда ноги в танце задираю. Если бы Макарониха не поставила меня танцевать...

– Так на дискотеку бы переоделась.

– На дискотеку? В этом? – засмеялась Зина и вдруг, понизив голос, призналась: – Мне хотелось иметь такое платье... понимаешь? У меня никогда такого не было и вряд ли будет. Я просто хотела его иметь. Мерить. Трогать. Знать, что оно у меня есть. Это платье – моя мечта. Но носить я его не смогу. Меня засмеют! Задира Зинка – и в таком прикиде.

– А мне, значит, оно пойдет? – насмешливо спросила Ада. И тут же одернула себя: соседка, чего доброго, обидится – рассердить ее у Ады и в мыслях не было.

– А ты померяй! – подмигнула Зина.

Ада прыгнула с подоконника. Не то чтобы ей хотелось наряжаться на Новый год, напротив, она собиралась высидеть лишь торжественную часть и ужин, а потом улизнуть в спальню и лечь спать. Но в угоду Зине, которой очень хотелось явить свой шедевр свету, взяла платье и удалилась за шкаф.

– Ну как? – спросила Ада, появляясь через минуту перед соседкой.

– Шик! – восхищенно присвистнула та, то ли любуясь своим творением, то ли тем, как оно сидит на Аде. – Словно на тебя сшито! И,

кстати, оба глаза у тебя теперь кажутся синими!

Последний аргумент, оказавшись самым весомым, достиг своего результата.

Это синее платье сыграло в ее жизни судьбоносную роль, как бы пафосно это ни звучало. Но Ада, сама не любящая напыщенности, так и звала про себя то Зинино платье судьбоносным...

На того мужчину она обратила внимание, едва лишь он вошел в актовый зал. И сразу же, еще до того, как его представили публике, поняла, кто он: тот самый владелец предприятия, название которого Ада не запомнила за ненадобностью – спонсор, почтивший милостью забытый богом уголок. Ада подумала, что мужчине уже хорошо за сорок, судя по щедро посеребрившей его виски седине, и что по возрасту он годится ей в отцы. Под торжественно-восторженную речь директрисы, представлявшей гостя публике, Ада успела немного помечтать о том, как здорово было бы, если бы этот мужчина оказался ее отцом. Она даже придумала себе, чем вызван его интерес к их интернату – тем, что он узнал спустя годы о том, что у него есть дочь, разыскал ее и... Тут фантазия Ады иссякла, потому что дальше надлежало придумать свою реакцию на встречу, но она не смогла. Как и многие интернатовские, девочка мечтала о настоящей полной семье и, чего уж греха таить, частенько перед сном размышляла о том, кто ее отец и где он сейчас. Придумывала различные истории, но только свои возникшие чувства, если бы такая встреча на самом деле произошла, представить не могла.

А мужчину тем временем усадили со всеми почестями в передний ряд, Ада заняла скромное место в углу, откуда ей было видно и сцену, и зрителей. Перед публикой появилась Светлана и объявила первый номер. Ада с неожиданно кольнувшей сердце ревностью отметила, что мужчина хлопает девушке с большим удовольствием. Наверное, если бы у него на самом деле была такая «потерянная дочь», то на эту роль больше всего подошла бы красавица Светлана.

Во время концерта смотрела Ада не столько на сцену, сколько на передний ряд, следя за реакцией мужчины на выступления, ловя украдкой его улыбки, адресованные не ей, представляя, что это она кружится на сцене и гость аплодирует именно ей, Аде. Она впитывала жадно каждый его жест: как он покачал головой, как провел ладонью по волосам, как наклонился к собеседнице – директрисе. Ей нравилось смотреть на него, разглядывать профиль, который она для себя окрестила орлиным, хотя на самом деле нос у мужчины был самый обыкновенный, прямой, без горбинки, не особо большой, не особо маленький. Но такое определение ей

вдруг пришло на ум и показалось интересным. Нравилось смотреть на его подбородок – чуть загнутый кверху, так, что между ним и нижней губой образовывалась уютная ямочка. Любовалась круто изогнутой и будто углем вычерченной бровью. И вдруг мужчина, словно почувствовав взгляд, повернулся. И подмигнул. Подмигнул ей – Аде, мгновенно покрасневшей. Как хорошо, что в полумраке не видно румянца! Спрятаться за чью-либо спину она не могла, потому что стояла одна. И вот, пожалуйста, сама оказалась как на ладони. Уйти? А вдруг гость поймет, что она смутилась и ушла именно из-за него? И она осталась. А мужчина, потеряв интерес к происходящему на сцене, то и дело бросал взгляды в сторону Ады: то улыбался, то в шутку хмурил брови-дуги, то качал головой. Девушка смущенно комкала руками подол платья, казавшегося ей теперь слишком расфуфыренным, и металась от желания провалиться сквозь землю до вызывавшего щекотку в животе стремления подойти к этому мужчине и заговорить с ним.

Он сам нашел ее в тот вечер после ужина. Нагнал Аду по дороге в актовый зал, остановил и немного поговорил о чем-то совсем незначительном. Об учебе, соседках по комнате, распорядке дня. Ада отвечала, как послушное дитя. И все ждала, что он скажет что-то важное, что-то такое... судьбоносное, способное в одно мгновение перевернуть всю ее жизнь. Но ничего такого он не говорил. Но в то же время что-то происходило. Какая-то магия – невидимая, но ощущаемая. Объяснение этому волшебству девочка дать не могла, но чувствовала, что картина ее мира будто заиграла новыми красками, так, словно всю жизнь Ада смотрела сквозь затемненные очки, а теперь их сняла. Магия скрывалась в жестах, мимике, интонациях гостя. Увы, их беседу прервала подошедшая директриса:

– Борис Борисович, пойдёмте, я вам покажу еще, как мы оборудовали компьютерный класс.

Ада, как ни странно, не рассердилась на директрису за то, что она под локоток увела гостя смотреть мало кому интересное оборудование, а удивилась, как можно в новогоднюю ночь чудес думать о работе и делах. И еще подумала: почему этот мужчина проводит самый важный в году праздник не с семьей, а в их интернате? Это уже потом, спустя время, Борис рассказал ей, что в тот раз, будучи в командировке в Москве, задержался в столице, а приглашение директрисы принял скорее потому, что в ту ночь ему не хотелось идти с партнерами в ресторан. Детский праздник показался ему привлекательнее.

Он зачастил к ним в интернат. Каждый свой приезд в столицу (а в то

время он ездил в Москву часто, налаживал бизнес и там) обязательно завершал поездкой в область, в Боярышники. И привозил подарки – детям и директрисе, которая помогала организовывать встречи Бориса с Адой: вызывала девушку с уроков, предоставляла для их общения свой кабинет и тщательно оберегала чужую тайну, боясь, что если вскроется эта связь (пусть на тот момент и целомудренная, близкими они стали уже после совершеннолетия Ады), не поздоровится и ей.

Их беседы могли длиться часами. Так интересно Аде не было ни с кем. Так интересно, волнительно, грустно и одновременно радостно. Она уже не представляла этого мужчину в роли своего отца, но все чаще и чаще представляла себя в наряде невесты... Хотя и знала (с самого начала Борис не скрывал от нее правды), что есть у него семья, что его сын – старше самой Ады лишь на два года – учится в престижном университете. И что жена у Бориса – не холодная стерва, как хотелось бы думать, а мягкая и домашняя женщина, обеспечивающая мужу стопроцентный уют. И все же не прекращала мечтать о несбыточном. А Борис говорил ей о серьезных вещах: о том, что в жизни нужно искать свое место и что без хорошего образования ей не подняться высоко. Он обещал взять ее под свое покровительство, помочь поступить в университет. Ада соглашалась с планами Бориса не столько умом, сколько влюбленным сердцем.

Борис сам выбрал для нее университет: просчитал все так удачно, что и образование девушка получала нужное, и учиться ей было легко и интересно. Сложил свои ожидания с ее возможностями и получил результат, на который рассчитывал: молодого, хорошо подкованного специалиста. Во время учебы Борис снимал Аде скромную однокомнатную квартиру на окраине Москвы. А после окончания вуза увез девушку на два года в свой город, перед этим четко объяснив ей, что их личным отношениям наступает конец, но начинается новый этап в жизни Ады – карьерный. Сказать, что его решение оказалось для нее ударом, – значит ничего не сказать. Но Ада нашла в себе силы зашить эмоции в мешочек с камнями и утопить. Борис сказал ехать, значит, надо ехать – важно то, что они будут вместе... пусть и просто работать. Но ее надежды на то, что находиться они будут под одной крышей, бок о бок, не оправдались: Борис для начала отправил Аду знакомиться с самим производством, а не «перебирать бумаги» в офисе. «Как ты сможешь управлять, если не знаешь самого производства?» – так сказал он, когда она устроила истерику, узнав, что ее отправляют «на рудники». И она замолчала, поняв, что готовит он ей место не на нижней ветке, а на самой верхушке.

О своем родном сыне Борис так не пекся, как о ней, что служило

лишним поводом для упреков и ссор со стороны жены. В семье о связи Бориса с Адой стало известно давно, но буря отшумела, и все как-то улеглось. Он не развелся, не бросил жену с сыном, и Ада в тот момент поняла, что ее мечтам о подвенечном платье не суждено сбыться. Странно, но она успокоилась. И набиралась опыта, вкладывая в работу всю страсть и любовь, которую могла бы отдать Борису. Он же радовался тому, что не ошибся в ней.

А потом он вновь привез Аду в Москву и устроил вначале начальником отдела, а затем – сделал управляющей московским филиалом. «На разговоры внимания не обращай, они будут, не всем понравится твое назначение, потому что на это место метили другие. Но ты знай делай свое дело. Сташков и Писаренков тебе помогут, им можешь во всем доверять», – такими словами напутствовал ее Борис перед первым рабочим днем на новой должности.

Их любовные отношения возобновились и тянулись еще сколько-то лет. Пока два года назад Ада сама не приняла решение поставить точку.

* * *

Вся лента истории их отношений пронеслась в памяти скоростным поездом, пока Ада ехала в метро. Все взлеты и падения пережила она вновь, вспоминая этот даже не фильм, а составленный из самых важных моментов триллер. И когда вошла в кафе, в котором ожидал ее Борис, ее сердце уже стучало в своем обычном ритме.

– Рассказывай! – сказал он, после того как им принесли заказы. Сказал тем спокойным тоном, каким обычно вел любые разговоры – деловые или личные. За все годы знакомства с Борисом Ада ни разу не слышала, чтобы он повысил голос. Даже тогда, когда однажды, бледный от гнева, при ней отчитывал сына за какую-то крупную провинность, не изменил себе. Напротив, его голос тогда звучал на полтона ниже и тише, но казался раскатами грома, такими сильными и страшными, что хотелось втянуть голову в плечи, потупить взгляд и лепетать испуганно извинения. В тот раз Ада поняла, почему о Большом Боссе говорят с уважением, страхом и трепетом.

– Что рассказывать? – улыбнулась она, поднося к губам чашку с зеленым чаем. – Все как всегда: в работе порядок, но ты это и без меня знаешь.

– Я не о работе, – поморщился Борис и оттянул двумя пальцами ворот

свитера, будто тот душил его или натирал кожу.

– А если не о работе, то и рассказывать нечего.

– Плохо!

Она задумчиво посмотрела на него, окинула взглядом светло-серый свитер, который удивительно шел к его смуглой коже, светлым глазам, что в молодости были насыщенного голубого цвета, а с возрастом поблекли и посерели до оттенка пасмурного мартовского неба, к ровной седине во все еще очень густых волосах. Борис смотрел на Аду, чуть склонив голову набок и прищурившись. Сложно было понять, осуждает ли он ее или, наоборот, рад тому, что рассказывать ей нечего: в его глазах мелькнули смешинки, губы же оставались плотно сжатыми так, как если бы Борис был недоволен, а голос прозвучал ровно, без дающих подсказки интонаций.

– Отсутствие новостей иногда само по себе уже хорошая новость.

– Плохо то, что ты мне соврала, – сказал вдруг он. – Рассказывай, что случилось.

– Ничего, – пожала она плечами, удивляясь не столько его пронизательности, сколько тому, что упустила из виду: Борис обладает удивительной способностью «сканировать» настроения по ему лишь видимым признакам, улавливать малейшие интонации и мгновенно анализировать их, не ошибаясь в выводах.

– Ладно, не хочешь рассказывать сейчас, потом расскажешь, когда будешь готова, – мягко отступил он. По опыту Ада знала, что это обманчивый ход: потом ББ вернется к теме в самый неожиданный момент.

– Не выспалась, да еще сон кошмарный привиделся, – отговорила она без особой надежды на то, что он ей поверит.

Рядом с ним невозможно расслабиться из-за ощущения, что видит он насквозь, читает даже неродившиеся мысли. И в то же время в его обществе Ада обретала спокойствие.

Ей стоило нервов, слез, многих лет, чтобы наконец-то осознать, что он такой и есть, таким и будет. И ей его не исправить. Напротив, это он, получив ее податливой, как мягкая глина, лепил из нее другую Аду: по своему подобию и на свой вкус. Вначале она не сопротивлялась, потом – бунтовала. Потом, поняв, что бунтовать бесполезно, смирилась. Она любила его с такой же силой, с какой периодами ненавидела – до выгорающего дочерна сердца. И вновь возрождалась фениксом от его звонка, от его голоса, взгляда: собирала себя из пепла ради того, чтобы вновь умереть. На него она потратила – умирая и воскресая – все отведенные ее душе жизни. А потом просто ушла. И тогда впервые увидела, как он потерял самообладание. Закрывая за собой дверь,

оглянулась: некрасиво ссутулив плечи, он сидел на кровати и беззвучно плакал – разом постаревший, потерявший свою привлекательность. И все же от возвращения ее остановило понимание того, что плачет он не из-за ухода любимой женщины. А потому, что понял: его девочка выросла. Не выпала из гнезда, как неоперившийся птенец, а вылетела, гордо расправив крылья. Об этом он сказал ей позже, год спустя, между обсуждениями какой-то важной сделки, мимоходом, обронил, как замечание о погоде. Сказал – и избавил душу от камня сентиментальности и сожаления о проявленной слабости.

И все же она поняла, что еще стояло за тем его проявлением эмоций. Страх.

Она была его поздней, осенней любовью, с дождями, порывами ветра, краткими улыбками-обманами бабьего лета. Когда она ушла, он осознал, что за осенью придет зима, вымораживающая сердце стужа, колкость льда, ранние сумерки и почти полное отсутствие солнца. Его зима, которую ему уже не перезимовать. А у нее еще будет весна.

– О чем задумался? – спросила Ада, заметив, что Борис уже долгое время сидит молча, с отсутствующим видом.

– Так. О разных глупостях, – улыбнулся он и вновь оттянул двумя пальцами воротник свитера. – О том, что у меня наступает зима. А у тебя еще будет весна, и не одна.

Он словно прочитал ее мысли.

– А может, и не будет, – вырвалось у нее.

– Почему?

Ада не ответила, опустила глаза на пустую чашку, которую вертела в руках. Разговора не получалось. Просто они уже очень долгий период не говорили о чем-нибудь другом, кроме работы.

– Я сегодня вечером улетаю.

– А когда приедешь?

– Сложно загадывать, Ада. Я уже не молодой активный человек... понимаешь? – грустно усмехнулся он. Она понимала. Но не принимала. ББ был всегда. И будет. Даже если не будет ее.

– Пойдем погуляем, – взяла она его за руку. – Пойдем... Не знаю, куда. Куда угодно.

– Пойдем, – поднялся он и махнул официантке, чтобы та принесла счет. И вдруг, заметив, что у Ады блестят глаза, сел обратно. – Погоди... ты что, плачешь?

– Нет. Это линзы.

– Сними их. Мне хочется видеть твои глаза. Те, настоящие, а не эти,

которые ты себе придумала.

Слово «придумала» прозвучало и смешно, и вроде неправильно, но в то же время точно передало смысл – Ада улыбнулась и послушно сняла линзы.

– Ну вот... Теперь ты – это ты, – сказал Борис, беря ее лицо в ладони. Как раньше. И Ада, поддаваясь наваждению, невольно прикрыла глаза, ожидая поцелуя. Но Борис, на мгновение задержав в ладонях ее лицо, опустил руки.

– Пойдем!

Он бросил короткий взгляд в папку со счетом и положил купюру. Затем подхватил Аду под локоть и вывел из кафе.

– Знаешь, у меня такое ощущение, будто эта наша встреча – последняя, – вдруг сказал Борис, когда они перебежали дорогу. Это тоже было его привычкой – шокирующие вещи иногда сообщать вот так, в самый неподходящий момент, когда внимание собеседника отвлечено на что-то другое.

– Не просто личная, а вообще, – повторил он, когда они оказались на другой стороне улицы.

Ада невольно вцепилась пальцами в локоть Бориса. «Ты даже не представляешь, как можешь оказаться прав...» Но вслух спросила совсем другое:

– О чем ты?

– Да так, не бери в голову, – засмеялся он. – Давай наслаждаться этим днем так, будто он и правда последний. Будто завтра наступит конец света. Это во мне говорит старик, который чувствует приближение зимы. Я просто хочу, чтобы мы насладились этим дарованным нам днем по полной программе.

– Ну если по полной... На корабль?

– И мороженое! – подхватил он.

Когда-то это было их излюбленным занятием: садиться у причала парка Горького на корабль, предварительно купив мороженое, подниматься на самую верхнюю палубу и, проигнорировав скамейку, стоять у бортика и смотреть то на воду, то на проплывающие мимо суда, глядеть на Москву, которая со стороны реки казалась совсем другой. Поднявшись на корабль, словно сходишь с транспортной ленты и, созерцая город уже с водной поверхности, в другом ракурсе, подмечаешь детали, которые никогда не видишь, ежедневно пробегая мимо них – там, на суше. Аде почему-то всегда казалось, что на теплоходе время идет в другом ритме: на берегу оно стремительно исчезает в пасти какого-то ненасытного монстра, а здесь

растягивается мягко и сладко, как нагретая карамель. И смакуешь здесь время, наслаждаясь каждой секундой, тогда как на берегу его глотаешь, не разбирая вкуса, как гамбургер в «Макдоналдсе».

Что ж, если бы этот день был у них последний, она бы и прожила его как последний: отпустив желания на волю, разбив принципы, стерев все обещания, данные самой себе. Потому что, если не будет будущего, не будет боли, не будет сожалений, не будет стыда. А останется счастливое удовлетворение от того, что хоть один день прожил не в клетке искусственных правил, а в радостном полете вольной, беззаботной птицы, став наконец-то полностью самим собой, без боязни сделать неправильный шаг и вызвать осуждение.

Что, если завтрашнего дня и правда не будет?..

– Борис? – позвала Ада.

– Что? – встрепенулся он так быстро, будто надеялся и ждал, что она его окликнет.

Его губы были испачканы остатками растаявшего мороженого. Как и раньше во время этих речных прогулок. И, как и прежде, она сама потянулась к нему, чтобы сцеловать с его губ эти следы.

Боярышники, 1914 год

Как страшно... Ноги не идут, дрожат в коленях, подгибаются. За каждым деревом мне мерещатся чудища. Ах, зачем я согласилась на это? Умру, умру от страха! И как не вовремя вспоминаются сейчас все те жуткие рассказы о разверзшихся могилах, восставших мертвецах и упырях, которыми меня пугала Ульяша. А ну как зашевелится сейчас какой крест! Ой, что это? Сердце ушло в пятки. Из горла вырвался крик: костлявые руки, протянутые ко мне... Мертвяк! Ой, лишенько. Едва не лишилась чувств, да рассмотреть успела, что напугали меня корявые ветви.

Придумала мне дело Захариха: прийти одной в полночь на кладбище на убывающей луне, найти могилу с таким же именем, как у папеньки. И закопать в нее одну из кукол Мари, слепленную ею на свадьбу. Затем проделать то же со второй куклой, только похоронить в могиле с именем мачехи. Захариха сказала, что эти куклы, которые так забавляли моего папеньку, охраняют отношения между моим отцом и мачехой.

Брожу по кладбищу в одиночестве, пугаюсь каждого шороха. В такой непроницаемой тишине даже шелест потревоженного ветром листа

раздается громом. А когда под ногами трещат сухие ветви, я так и обмираю от страха. Не уйти мне живой, не уйти!

Не могу найти нужную могилу. Обхожу длинные ряды, подхожу к каждому кресту, внимательно вглядываюсь: ищу знакомое имя. Путаюсь, теряюсь, забываю обратный путь, плачу, раз, споткнувшись, падаю. Поднимаюсь, вытираю грязной ладонью слезы, опять иду. Думаю о Мари, и это мне придает решимости. И, как нарочно, именно тогда, когда я думаю о мачехе, нахожу могилу с папенькиным именем. Приседаю перед нею, кладу на землю принесенный сверток, разворачиваю тряпку и гляжу в растерянности на куклы ненавистной Мари. От страха я запомнила, как велено было сделать: закопать куклу с лицом мачехи или с лицом папеньки? Кажется, Захариха говорила, что в могилу с именем папеньки нужно уложить «Мари»... Но меня одолевают сомнения, потому что правильным теперь кажется поступить наоборот: в могилу с папенькиным именем закопать «его» куклу. Я достаю ее и только сейчас понимаю, что забыла взять с собой что-нибудь, чем можно вырыть яму. Но делать нечего, не возвращаться же назад. Могила свежая, я зачерпываю жирную землю прямо ладонью, но с визгом и отвращением тут же встряхиваю рукой, почувствовав в горсти шевеление дождевого червя. Какая гадость! Но, содрогаясь от отвращения, продолжаю рыть ямку. Когда она готова, кладу в нее куклу и торопливо засыпаю землей. Сердце колотится так, что громкий звук его, кажется, разносится по всему кладбищу. Встаю с колен и, шатаюсь от слабости и волнения, бреду дальше. Лишь половина дела сделана. А самое сложное – впереди: отыскать нужно вторую могилу, да уже с именем мачехи. Мари. Имя чужестранное. Барское, не деревенское. Вряд ли кто из упокоенных простолюдинок носил это имя: все Глаши, Прасковьи, Марфы... Марии тоже часто попадались, но мне нужна Мари.

И вдруг я вспоминаю! Папенька рассказывал, что называл мою покойную матушку не по полному имени, Мария Алексеевна, а ласково – Мари. И я, пока не иссякла решимость, бегом направляюсь к той части кладбище, где находится семейный склеп. У меня нет другого выхода – только этот. Маменька меня простит.

А вот и усыпальница. Печально свесивший голову, со сложенными крыльями ангел перед входом хранит покой моих предков. Не глядя на него, не рассматривая его завороченно, как обычно, я вхожу в склеп и склоняю голову у могилы моей матери. Тихий шепот, раздавшийся за спиной, пугает меня до вскрика. Оборачиваюсь – никого. Но, может, матушка, напуганная тем, что я собираюсь сделать, желает меня остановить? Но

я по-прежнему полна решимости, рассматриваю гробницу, думая, как схоронить куклу? Крышку не поднять, пол каменный. Закопать куклу перед входом? И вновь шорох за спиной пугает меня почти до обморока. Я оглядываюсь – никого нет. Страх наваливается на грудь тяжелой плитой, стискивает горло так, что я едва не задыхаюсь. Сознание мутится, я боюсь лишиться чувств и просто кладу куклу на гробницу моей матери. Не оглядываясь, выскользываю наружу. Свежий ветер приводит меня в чувство. Но вдруг луна, освещавшая кресты, заходит за тучу, и становится так темно, что хоть глаз выколи. Рядом со мной всколыхнулся воздух, почудилось какое-то движение, словно кто подошел ко мне. На меня дохнуло сырým холодом и смрадом, чьи-то невесомые ладони коснулись моей шеи... И я лишилась чувств.

* * *

Вернулась Ада домой уже ближе к полуночи. После того, как они с Борисом расстались, она еще долго кружила на машине по ночным автострадам, съезжая с одной дороги на другую, исследуя новые маршруты, но не запоминая их. И точно так же хаотично перебирала свои воспоминания и ощущения, проживая остаток дня не столько в настоящем, сколько в прошлом. Сожалений не было, грусти – тоже, предаваться напрасным мечтам о том, чтобы их чувства вновь запылали всепоглощающим пожаром, она также не собиралась. То, что случилось сегодня, не было началом новой главы, а, скорее, дописанным наконец-то эпилогом. Она пролистывала воспоминания, как открываемые наугад страницы когда-то любимого романа, перечитывала пометки на полях, иногда улыбаясь своей наивности. И с каждой перевернутой страницей лишь тверже убеждалась в том, что уже не живет, участвуя, как героиня, в том сюжете, а бесстрастно наблюдает его со стороны.

Ожившие воспоминания сопроводили ее лишь до двери и скромно остались за порогом. В квартиру Ада вновь вошла хозяйкой своих мыслей. Скидывая узкие туфли, она вспомнила услышанную где-то фразу про то, какая замечательная вещь – туфли на высоких каблуках. Наденешь – чувствуешь себя шикарной женщиной, снимешь – счастливой. Для полного же счастья не хватает лишь переодеться из делового костюма в тунику из мягкого материала с легинсами и выпить чаю.

В ожидании, когда закипит вода в чайнике, она проверила мобильный. Пропущенных звонков оказалось пять: два – от Сташкова, три – от

Вовчика, последний еще и сообщение отправил с просьбой позвонить. Несмотря на столь поздний час, Ада набрала номер зама. Игорь отчитался о прошедшем дне и сообщил о намеченной на одиннадцать утра встрече. Ада кратко обсудила с ним предстоящий план действий, а затем позвонила Вовчику – тот не ответил, видимо, уже лег спать. Ну что ж, завтра. И Ада сделала последний звонок – Писаренкову, зная, что тот рано спать не ложится, услышав его бодрый голос, она отдала распоряжение собрать информацию по интернату и гибели девушек.

– Ого, – высказал удивление Писаренков, что обычно было не в его духе. Оно и понятно: он привык получать задания, связанные с работой, – «пробить» по своим каналам того или иного человека, фирму, банк.

– Сереж, пока без вопросов, потом поговорим. Но мне это надо. Срочно.

– Понял. Что могу, посмотрю сейчас, но основная работа – завтра. Не все, как мы, бодрствуют по ночам, – усмехнулся Писаренков.

– Ок. Я завтра буду как обычно.

– Понял. Спокойной ночи, начальница!

Закончив разговор, Ада приняла душ, переоделась в пижаму, но направилась не в спальню, а в гардеробную, где во встроенном шкафу хранила несколько коробок с вещами из «прошлой» жизни. Наугад выбрав одну, она сняла ее с полки и села рядышком на полу. В коробке оказалось несколько бумажных пакетов с фотографиями, рассортированными по периодам. Доинтернатовская жизнь интересовала ее сейчас мало, хоть и был велик соблазн пересмотреть снимки тетки, себя маленькой и покойной матери. Но она искала другое. В одном из пакетов Ада обнаружила фотографии из интерната, пролистала их, с грустью задержавшись взглядом на снимке, на котором все девочки из их спальни были сняты вместе. В живых осталась она одна... Ада убрала фотографию обратно в пакет: не было сил смотреть на нее. После недолгих поисков она обнаружила то, что искала: тонкую картонную папку, в которой были собраны рисунки, сделанные ею в больнице после трагедии.

Это был сложный период, который напоминал ей самой зияющую пустотами мозаику, изначальный рисунок которой восстановить по оставшимся плиткам было уже нельзя. И все же она попробует.

После той ночи Ада, как ей рассказывали, долго молчала, на все вопросы, обращенные к ней, не реагировала. Сидела на кровати и либо смотрела в окно, либо рисовала – отрешенно черкая карандашом по бумаге. Карандаши и альбом ей принесли после того, как она выцарапала черенком ложки на стене какой-то рисунок – того случая девушка не помнила, ей

рассказали о нем спустя какое-то время. А рисунки, которые она сделала, долго изучали психолог и врач, пытаясь в этих абстрактных набросках разгадать тайну трагической ночи.

Эти рисунки чудом сохранились: их не выбросили, не подшили к делу, а зачем-то сложили в папку и отдали ей при выпуске. А Ада, даже не заглянув в папку, убрала ее к своим личным вещам. И лишь потом, разбирая коробки, увидела, что привезла с собой, но тоже почему-то не выбросила. Может, где-то в подсознании все же желала разгадать страшную тайну той ночи?

Развязывала она ленточки папки с таким волнением и страхом, словно входила в дверь, за которой ее ожидали мифические существа, которые либо ее съедят, либо пропустят дальше.

Рисунков было пять. Ада разложила их на полу, отодвинув коробки с обувью в сторону. Рассматривая изображения, она пыталась понять, что тогда было в ее голове, какие воспоминания, впечатления, страхи овладевали ею, когда она пыталась изобразить все, что чувствовала, в виде этих кошмарных набросков. Почти все рисунки были выполнены черным карандашом, и только на одном из них она использовала еще и красный цвет.

На первом листе было изображено что-то вроде чаши, над которой вилась струйка дыма. На втором – та же чаша, но более детально прорисованная. Сквозь дым, который так же, как на первом рисунке, вился над чашей, проступало лицо. Ада будто начала рисовать его, но переключилась на завитушки: овал лица не был дорисован, один глаз начат и не закончен. То ли придала значимую важность завитушкам, то ли просто таким образом решила переключить свое внимания на что-то более спокойное и нейтральное, как орнамент. Третий лист был сильно исчеркан, а в некоторых местах даже прорван: то ли рисунок ей не понравился, то ли чем-то рассердил. А может, напугал. Ада подняла лист и посмотрела его на свет лампочки, но штриховка была такой плотной, что попытки увидеть под ней изображение оказались бесплодными. На четвертом листе она нарисовала маску: овал с «глазами»-прорехами и прорезью рта – незамысловатый рисунок, но он почему-то вызывал неприятные ощущения. Чего-то в нем не хватало и одновременно было с избытком. Ада вертела его и так и этак, пытаясь понять, чем вызваны эти ощущения, пока не догадалась, что дело вовсе не в изображении, а в тех глубоко спрятанных где-то в подсознании ассоциациях, которые оно вызвало. Может, ей стоит обратиться за помощью к гипнотизеру и попробовать таким способом «вытащить» информацию?

И если четвертый рисунок вызывал лишь неприятные ощущения, то от пятого по спине прошла волна мурашек. Ада знала, что рисует плохо, но, однако, это творение ей удалось не хуже, чем профессиональной художнице. На листе опять была изображена чаша, из которой клубился дым, но на этот раз он обрел законченные очертания лица. И это было страшное лицо: с вытаращенными глазами, с ямой распахнутого рта, с оттянутой слишком сильно вниз нижней челюстью. Через этот рот существо втягивало воздух, в потоке которого беспомощно барахтались фигуры, напоминавшие сломанные куклы, – с неестественно согнутыми конечностями, запрокинутыми лысыми головами. И чаша почему-то на этот раз была выкрашена в красный цвет.

Рассматривать рисунок долго она не смогла: в висках запульсировала боль, как при начинающейся мигрени, и Ада решила отложить его изучение на завтра. Поздний час... День принес слишком много событий и эмоций. Пора отдыхать. Она собрала в папку рисунки и положила ее на край стола в гостиной.

Уснуть удалось быстро, но спала Ада беспокойно, металась по постели, стонала, то сбрасывала с себя одеяло, то вновь в него куталась. Если бы с ней был кто-то рядом, понял бы, что она видит кошмар, и разбудил бы ее.

Она проснулась среди ночи сама – взмокшая, измученная, слабая. Рывком села на кровати и судорожно зашарила по ночному столику в поисках выключателя ночной лампы. Когда тусклый свет озарил спальню, Ада наконец-то перевела дух. Ей приснился интернат, пустой и погруженный в тишину, по которому она блуждала в одиночестве, отыскивая ту комнату, в которой погибла Рая. Она долго шла по коридору, который все не заканчивался, освещая фонариком стены в поисках нужной двери, но свет выхватывал то обнажившуюся кирпичную кладку, то советские постеры, с которых скалились в страшных ухмылках пионеры. Постепенно тишина стала наполняться тихим шепотом, и перепуганная Ада бросилась искать уже не дверь комнаты, а выход. А когда случайно оглянулась назад, увидела, что за ней крадутся по пятам те самые страшные пионеры с плакатов. На этом ее сон оборвался.

Приснится же! До подъема оставалось три часа. Ада встала под предлогом выпить воды на кухне, но на самом деле, чтобы развеять впечатления после кошмара. Спальня была смежной с гостиной, выходя в коридор, девушка невольно скользнула взглядом по оставленной на столе папке. Вот что послужило предпосылкой для сна: налюбовалась на собственные художества. Ну что ж, можно теперь признать, что рисует она

и правда кошмарно. В прямом смысле слова.

Так, подбадривая себя шутками, Ада вышла на кухню. Выпила воды, глядя с высоты пятого этажа на пустынный двор. Сосчитала припаркованные машины, поискала взглядом свою, успокоилась, найдя ее на месте, и решила, что теперь может вернуться в кровать.

Но ее ожидало новое потрясение: в гостиной, удобно расположившись в кресле, сидела девочка-подросток. От изумления Ада лишилась дара речи. Замерла на пороге, ухватившись ладонью за косяк. А девочка подняла голову и, не мигая, уставилась на хозяйку.

– Рая? – изумленно прошептала Ада, чувствуя, как по спине прошла волна холода.

«Гостья» медленно поднялась, не сводя с Ады взгляда, и двинулась навстречу. Но, сделав первый шаг, покачнулась и ухватилась за стол, случайно задев папку. Звук упавшей на пол тяжести и вывел хозяйку квартиры из оцепенения.

– Божечки! – неверующая Ада неистово закрестилась и на всякий случай даже поклонилась. А когда выпрямилась, увидела, что в комнате никого нет. В три прыжка Ада пересекла путь до спальни, рванула на себя дверь и плотно ее за собой закрыла. И, уже забираясь под одеяло, подумала, что призраки, кажется, могут проходить через стены, так что закрытая дверь – не помеха.

– Я тебя не убивала. Не знаю, что там произошло, но я тебя не убивала! – зашептала Ада под одеялом, зажмуриваясь так крепко, как могла. – Не приходи ко мне больше! Не убивала я тебя!

...Очнулась она от неожиданно прозвонившего будильника. Сев на кровати, недоуменным взглядом обвела комнату, не понимая, уснула ли после ночных «приключений» или так и лежала без сна до утра. А может, и спала, и Рая ей просто приснилась. Бывает же так: сон во сне, как матрешки. Ей всего лишь приснилось, что она просыпалась и выходила на кухню.

Успокоив себя таким образом, Ада бодро вскочила с постели и отправилась собираться на работу.

...Свет в гостиной горел, будто она и вправду от испуга ночью забыла выключить. Но не это вызвало ощущение ледяного холодка по спине, а то, что папка, которую Ада точно клала на стол, теперь оказалась на полу, словно кто-то ее на самом деле сбросил.

Боярышники, 1997 г.

Здание больницы имело форму буквы «г», и окна трех палат, находящихся в меньшей по длине части, выходили на неширокую посадку.

Ада знала, что за лесом располагалось местное кладбище. Если бы здание было не двухэтажным, а высотным, то из окон последних этажей можно было бы увидеть печально темнеющие кресты и холмики. Но из палаты на втором этаже, в которой лежала Ада, видны были лишь стволы и частично кроны деревьев. Девочка частенько просиживала на подоконнике, развлекая себя тем, что пыталась сквозь редко посаженные деревья рассмотреть то, что располагалось за ними, – не столько глазами, сколько воображением.

Ее дни в больнице были похожи один на другой – иногда начинало казаться, что проходят не недели, а тянется один и тот же бесконечный день, в котором не может произойти ничего нового. Ада медленно, но шла на поправку. И хотя до полного выздоровления было еще далеко, она уже не была той замкнувшейся в себе, не реагирующей на внешние раздражители пациенткой. И пусть еще оставалась апатичной, в разговоры не вступала, ела мало и без аппетита, но прогнозы на ее выздоровление врачи давали оптимистичные.

Здесь, в отличие от интерната, никто не ограничивал ее свободу. Знали, что она всегда возвращается вовремя, к тому же доктор решил, что пациентке для выздоровления будут полезны прогулки. Поначалу Ада прохаживалась по территории больницы, не удаляясь от входа, потом, как и другие больные, стала выходить наружу, но, тоже не отходя далеко, стояла возле главных ворот и задумчиво глядела то на небо, в котором веселыми стайками носились стрижи, то на посадку. Но однажды она решилась... Вышла за ворота и направилась к широкой просеке, по которой также прогуливались больные, а местные ходили к кладбищу.

Неважно, что для прогулки было выбрано такое странное место – кладбище. Торжественно-скорбная тишина, нарушаемая лишь птичьим щебетанием, падающий сквозь кружево листвы неровными штрихами на пыльную дорогу солнечный свет, покой и желанное одиночество оказались той исцеляющей сывороткой, которой так не хватало в назначенной ей терапии. Видимо, доктор, давший добро на прогулки и почти полную ее свободу, рассчитывал именно на этот эффект.

С центральной аллеи кладбища Ада свернула на поросшую травой тропку и подошла к помпезному строению, напротив которого на небольшом пьедестале стояла высокая фигура ангела. Девочка не сразу догадалась, что круглая башня с узкими оконцами почти под самым куполом, с лепниной над фальшивыми дверями и колоннами у входа – склеп. Поняла это, когда прочитала табличку над черной металлической дверью (явно «неродной»), гласящую о том, что здесь захоронены

представители рода Боярышниковых. Ада толкнула дверь, желая войти, но та оказалась запертой, судя по висевшему огромному проржавевшему замку, в усыпальницу не заходили уже давно. Девочка обошла склеп кругом и остановилась напротив статуи. Поставили ее, несомненно, давно: белый мрамор, из которого была выточена фигура, потемнел, пьедестал оказался испещрен выбоинами, а от босых ног ангела через весь постамент шла глубокая трещина, делаая нечитаемой часть выбитых на нем латинских букв.

Понять, к какому полу принадлежала статуя – мужскому или женскому, – оказалось не так просто. Пышные волнистые волосы, разделенные на прямой пробор, падали ангелу на спину. Длинное одеяние, похожее на женское платье, перехваченное на талии поясом, скрадывало все половые особенности фигуры. Обнаженными оставались лишь шея, кисти рук и ступни. Но, рассмотрев как следует лицо, Ада решила, что ангел – мужского пола. Его черты были лишены славянской мягкости, из чего девочка сделала вывод, что автором статуи был не местный скульптор, а заграничный: что-то в лице ангела было европейское – «римский» нос, разрез глаз, кое-что восточное или, как почему-то решила Ада, от индийских народностей: высокие скулы, впалые щеки, заостренный подбородок. Чем больше она рассматривала лицо ангела, тем прекраснее оно ей казалось. Ада даже не заметила, как быстро пролетело время, очнувшись, когда сумерки стали скрадывать окрестности.

Это вошло в ее привычку: каждый день приходиться к склепу, устраиваться прямо на земле у ног ангела и сидеть так, привалившись спиной к пьедесталу, до тех пор, пока не затекало от неподвижности тело. Ада специально усаживалась так, чтобы чувствовать себя защищенной, зная, что за ее спиной – ангел. Она не разглядывала больше его лица, лишь бросала на статую короткий взгляд, когда приходила и прощалась. Ей больше нравилось вспоминать облик ангела, представлять его живым, воображать, что он не высечен из белого мрамора, а создан из кожи и плоти. Иногда, когда ей становилось грустно, страшно или тревожно, она фантазировала, что идет рука об руку с этим ожившим ангелом. И иногда верила в то, что он действительно существует.

* * *

По дороге в офис Ада не могла избавиться от неприятных мыслей, связанных с ночным «визитом» Раи. Сон или нет? С одной стороны, какие привидения могут быть в ее квартире? Сколько лет прожила в этом доме, и

ни призраки, ни барабашки, ни прочие сущности ее не тревожили. Но, с другой стороны, Вовчик тоже рассказывал, что видел призрак Раи. Позвонить ему, узнать о причине его вчерашнего звонка и заодно еще раз уточнить, точно ли «увидел» погибшую пятнадцать лет девушку?

Ада чуть было не проскочила на красный свет, а затем едва не свернула в другой переулок. Не годится! Куда подевалась ее сосредоточенность? Куда подевалась вообще прежняя она? Вот уж не думала, что ее, «железную леди», можно так легко вывести из равновесия и практически вогнать в необъяснимую панику! Ее, гордящуюся своим хладнокровием, ее, управляющую таким предприятием! Ее, которую побаиваются сотрудники... А оказывается, она – просто женщина, в глубине души которой прячутся самые обычные страхи. Женщина со своими слабостями.

– Кхм-кхм, – раздалось за ее спиной, когда она направлялась к крыльцу офисного здания. Задумавшись, Ада не сразу отреагировала на чью-то попытку привлечь ее внимание.

– Эй, дамочка! Я к вам обращаюсь!

Так как в это время других «дамочек» во дворе не наблюдалось, девушка поняла, что такое фривольное обращение адресовано ей. Оглянувшись, она чуть не выронила от удивления портфель и папку, потому что на бетонном барельефе, отгораживающем стоянку от двора, сидел вчерашний фрикер. Только на этот раз его голову с дредами (все же дреды, не косички!) украшала не пиратская косынка, а шляпа, похожая на мушкетерскую, – ей-богу, разве что пера не хватало! Да еще вместо трубки и веера в руках парня оказался самый обычный пластиковый пакет, очень похожий на тот, с каким вчера разъезжала Ада. И пеструю рубаху он сменил на белую, а сверху надел замшевый жилет.

– Вы вчера это забыли, – протянул вдруг «мушкетер» Аде пакет. Странно, вчера он обращался к ней на «ты», сегодня перешел на почтительное «вы». Наверное, на его поведение оказывает влияние головной убор. В пиратской косынке чего церемониться? А когда на тебе мушкетерская шляпа – просыпается галантность.

– Ваши носочки, – пояснил молодой человек, – наверное, вы очень переживали по поводу такой потери. Кстати, очень теплые и мягкие! Сами вязали?

– Нет, – выдавила Ада. – Бабушка...

– Завидую я вам, потому что у меня нет такой славной бабушки. Я взял у вас парочку носков. Надеюсь, вы не расстроитесь, потому что у вас еще много там осталось.

Ада невольно перевела взгляд на ноги странного молодого человека и увидела еще одно отличие от его вчерашнего образа: на этот раз парень был не босой, а... в шерстяных носках и калошах. И это несмотря на теплую и сухую погоду! Сама Ада, поверив обещаниям ласкового ветра и яркого солнца, уже с раннего утра дарившего ясные улыбки, надела светлое платье-футляр и бежевые лодочки на шпильках.

Калоши, обутые на шерстяные носки (при этом парень из всего изобилия носков выбрал самой кричащей расцветки – изумрудно-зеленые в красную полоску) побили все рекорды экстравагантности. Господи, да из какого сумасшедшего дома он сбежал?..

– Я ниоткуда не сбегал, – вдруг ответил он. – Меня прислали.

– О господи, час от часу не легче, – прошептала себе под нос Ада и невольно оглянулась на бронированную дверь, прикидывая, докричится ли, если что, до охраны. Сумасшедший, перед ней самый настоящий сумасшедший! Сейчас еще начнет говорить про какие-то миссии.

– Угадала.

Или назовет себя пришельцем...

– Не совсем.

– Погодите... Вы с кем сейчас разговариваете?

– С тобой, – с самым серьезным видом ответил фрик. Шляпа уже лежала на его коленях, и потому, что он вновь обратился к Аде на «ты», догадка, что степень вежливости молодого человека зависит от выбранного им головного убора, оказалась верной.

Да что же это такое в ее жизни стало твориться?! Проявившийся из прошлого Вовчик со своим страшным предупреждением, приезд Бориса и вспыхнувшее (и осуществленное!) – на короткий эпизод – желание заняться с ним любовью, как отголосок остывших отношений, призрак Раи... Прошлое, прошлое, прошлое. А теперь еще и этот сумасшедший!

– Кстати, смените стилиста, – посоветовала неожиданно для себя Ада. – Калоши с этой шляпой не смотрятся.

– Да? – огорчился парень вдруг вполне серьезно. И вздохнул: – Жаль, а она мне очень нравится.

Он с тоской поглядел на шляпу и внезапно, схватив ее за тулью, запустил в сторону ближайшего мусорного ведра. Головной убор приземлился точно в цель, но не упал в ведро, а накрыл его сверху. И мусорка стала напоминать причудливый гриб.

– Но калоши и носки – нравятся больше, – расплылся «Джек Воробей» в счастливой улыбке.

– Послушайте, вам, верно, уже пора. Мне тоже. Спасибо за доставку

носков, я очень благодарна. Если вам что-то еще нужно за ваши услуги... – Лучше разговаривать с ним так, на его же языке, вежливо, не вступая в спор.

– Что-то еще? – наморщил смуглый лоб парень. – Не знаю. Но я подумаю и скажу.

Ада взяла из его рук пакет и, невнятно попрощавшись, направилась к крыльцу. Возле двери оглянулась: фрик все так же сидел на барельефе, словно задумал провести тут весь день.

– Послушайте, вам вовсе не нужно тут караулить меня. У вас, верно, есть другие дела?

– Нет, – пожал парень плечами, – других – нет.

Ада не стала спорить, решила, что в охраняемом здании ей никакая опасность не грозит.

– Постарайтесь быть осторожной! – полетело ей вдруг в спину. Но крик молодого человека оборвала тяжелая дверь, которую Ада закрыла за собой.

Не успела она пройти по коридору и пары шагов, как на нее из-за угла, как черт из табакерки, выскочил Писаренков и, ухватив ее за локоть, проговорил:

– Нам нужно срочно поговорить.

– Что-то случилось? – встревожилась Ада. – погоди минутку, я отнесу вещи к себе и спрошу у Сташкова, как вчера прошел день.

– Хорошо прошел, – отрезал Писаренков. – Послушай, ты вчера сама мне сказала, что твоя просьба не терпит отлагательства. И я действительно увидел, что... не терпит. Пойдем. Кофе я попрошу принести ко мне.

Ада послушно, чувствуя себя почему-то не начальницей, а подчиненной, к тому же еще будто и провинившейся, пошла следом за начальником службы безопасности.

Кабинет Писаренкова сильно отличался от кабинета Сташкова тем, что в нем не было никаких личных деталей, и этим походил на апартаменты Ады. У Игоря рабочее место было украшено фотографиями в рамках улыбающейся Юлечки, на стене висела икебана, которую жена Сташкова сотворила собственными руками, в шкафу за стеклянной дверцей стояла фигурка какого-то африканского божка, привезенная им из поездки в Йоханнесбург, лежали трубки, купленные на Кубе, и стояли еще две фотографии самого Игоря, сделанные в Японии. Его кабинет пропах «Hugo Boss», в верхнем ящике стола, Ада знала, стояла любимая кружка для кофе (тогда как и Ада, и Писаренков пользовались той посудой, которая была в офисе). Рабочее место обитания начальника службы безопасности не имело

ни одной личной детали, ни одного штриха, говорящего об увлечениях хозяина: полированный рабочий стол из черного дерева, черное кожаное кресло, компьютер с плоским экраном, пара телефонов рядом, шкаф, в котором стояли лишь рабочие папки. И все. Даже пальто начальник службы безопасности прятал в шкаф, не выставляя его на всеобщее обозрение. Писаренков знал обо всех служащих все, они же о нем – ничего.

– Садись, – указал Сергей на кресло, сам же по-хозяйски уселся в свое за столом напротив Ады.

– Во что ты вляпалась? – спросил он, глядя девушке прямо в глаза. Взгляд его холодно-голубых глаз показался Аде вымораживающим, и в то же время в нем мелькнуло беспокойство.

– То есть?.. – не поняла она.

– Вот. Здесь то, что ты просила узнать, – пощелкал Писаренков ногтем по тонкой папке, лежащей перед ним. Что-то слишком много за последние два дня в ее жизни оказалось таких вот папок – с досье на нее саму и ее прошлое!

– Ты мне не сказала, что связывает всех этих убитых девушек. Но это неважно. Я сам увидел. Тут и слепой заметит. Значит, ты осталась последняя?

– Еще и Вовчик есть, – пролепетала по инерции она и встрепенулась: – Погоди... Ты сказал «убитых»? Почему ты так решил?

Страх, от которого она так тщательно старалась избавиться по дороге в офис, вернулся вновь, окатив ее холодом.

– Подозрительно выглядят эти суициды. Мотивы самоубийства у этих девушек как таковые отсутствуют. Все версии проверены.

– Лихо, – присвистнула Ада и нервно усмехнулась: – Когда успели?

– Успели, – отрезал Сергей, – мы собрали уже готовую информацию. Если не самоубийства, то – несчастные случаи. Но чередка таких «несчастных случаев» заставляет призадуматься... Мои люди сейчас проверяют, не вступали ли твои знакомые в какую-нибудь секту, не получали ли перед гибелью материальные ценности, ну и так далее. Так вот, Ада, повторяю вопрос: во что ты вляпалась?

– Ни во что, – слабым голосом произнесла она. Если себя еще можно было убедить в том, что Вовчик либо выдумал все, либо сгустил краски, то слова Писаренкова, которому Ада верила на сто процентов, хмурая галочка меж его бровей, слишком серьезный, даже суровый тон, каким он разговаривал с ней, окончательно убедили в том, что дело – табак. Не стоит отмахиваться от предупреждений. Лучшее доказательство нависшей угрозы – видимое беспокойство непробиваемого Писаренкова.

– В секту я не вступала, никаких особых ценностей в последнее время не получала...

– Ок, – кивнул немногословный Сергей, – как бы там ни было, будь чрезвычайно осторожна. Особенно с незнакомыми или внезапно появившимися из прошлого людьми. Мотивы могут быть любыми: от наживы до мести.

– Серезж... – перебила его Ада. – Там во дворе остался один странный человек, который меня преследует второй день.

– Где? – мгновенно подобрался Писаренков. – погоди, посиди тут. Я сейчас.

Он вышел, но уже через пару минут вернулся назад.

– Никого там нет.

– Значит, ушел, – вздохнула Ада с облегчением.

– Что за человек?

– Даже не знаю, как тебе сказать... Я его за городского сумасшедшего приняла.

Она рассказала Сергею о «фрике».

– Ясно. Возьму на заметку. Как я уже сказал, ты должна быть осторожна. Кстати, сегодня с утра мне Борис звонил.

– Борис? – встрепенулась Ада. С языка чуть было не сорвалось сожаление о том, что позвонил он не ей.

– Как он долетел?

– Хорошо. Но речь не об этом. Борис попросил меня приглядеть за тобой: что-то его встревожило. Ты не сказала, но он понял, что ты напугана. И я пообещал. Но пока не сказал ему о твоей просьбе и об этих подозрительных самоубийствах твоих знакомых.

– Спасибо.

– Ты с ним говорила об этом?

– Нет. Зачем? – с деланным удивлением вскинула Ада брови. – Какое отношение имеет моя частная жизнь к работе?

Сергей посмотрел на нее таким взглядом, что Ада устыдилась. Конечно, он прекрасно знает о ее совсем не рабочих отношениях с главным боссом, хотя ни разу и намеком не дал понять, что для него это не секрет. Уж для кого-кого, но не для него.

– От твоего благополучия зависит и благополучие предприятия, – отговорился дежурно-пафосной фразой Писаренков. – Вернемся к делу. Мои люди перебирают варианты того, что могло вас, то есть тебя и погибших девушек, объединять. Интернат – раз...

«Ночь... Та ночь», – чуть не воскликнула Ада, но промолчала. Ей

вспомнились ее рисунки, на которых она пыталась изобразить то ли свои страхи, то ли то, что случилось той ночью. Чаша, дым, страшное лицо, сломанные куклы... Попробуй разгадать этот ребус!

– Поэтому решили собирать информацию с интерната... – доносился до нее откуда-то издали голос Сергея, обрывочно, едва различимо, словно сквозь густую метель. Она чувствовала себя оглушенной и явной тревогой Сергея, и звонком Бориса. Ей было приятно, что он за нее беспокоится, но обидно, что не перезвонил, хотя бы из вежливости. Может, и тревога за ее благополучие была вызвана лишь тем, что ему невыгодно терять неплохо справляющегося с делами руководителя столичного филиала. Как знать... От Бориса можно ожидать и этого.

– Ада, ты меня слушаешь? – строго спросил Писаренков. Тут, в своем кабинете, начальником был он, а не Ада, особенно в свете этой ситуации. Подчиняться надлежало уже ей.

– Слушаю, – ответила она и постаралась сосредоточиться. – Давай, Сереж, что там у тебя?

– История усадьбы. Решили начать с нее.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Положено. Может, всплывет какая-то ценность, за которой охотится тот, кто расправился с бывшими воспитанницами. Если брать во внимание версию о замаскированных под суициды убийствах.

– У меня никаких ценностей из усадьбы нет.

– Может, и нет, а может, и есть, но ты сама об этом не догадываешься. Слушай меня и думай, – нравоучительно произнес Писаренков.

Он долго зачитывал историю усадьбы: в каком году была построена, по чьему заказу, какие направления и кем были использованы в архитектуре, кому перешла по наследству и так далее. Ада скучала, но не перебивала Сергея, зная, что тот очень не любит этого: если он считает, что информация может быть полезной, не пропустит ее. Ада делала внимательный, сосредоточенный вид и даже помечала себе на листочке, как прилежная ученица на уроке истории, важные даты. Она узнала, что история усадьбы прослеживается вплоть до шестнадцатого века, что в писцовых книгах упоминается принадлежность села, которое тогда именовалось Любовкой, и усадьбы оружничьему Ивану Грозному, имя которого в записях не сохранилось. Затем, в смутные времена, владения отошли князьям Куропаткиным, и именно в это время усадьба претерпела изменения, которые сохранились до наших дней. Куропаткины владели помещьем до середины восемнадцатого века, но затем вновь произошла смена владельцев: усадьбу продали купцу Гольшкину. Новый хозяин

устроил на месте винокуренный завод, что привело к гибели части интерьеров в главном здании.

Ада старательно записывала в столбик даты и фамилии, отрешенно думая о том, что эти исторические справки хоть и интересны, но совсем не то, что ей хотелось бы услышать. И только когда Сергей наконец-то перешел к последнему владельцу усадьбы – графу Боярышникову, – оживилась.

– Петр Алексеевич Боярышников был женат два раза. Первая его жена, Мария Боярышникова, в девичестве Голикова, умерла при родах. От этого брака осталась дочь Настасья или, как ее звали домашние, Ася. Спустя почти пятнадцать лет после смерти первой жены Боярышников вновь женился, по иронии судьбы, его вторую жену звали почти так же, как первую, – Мари. Боярышников привез гувернантку для своей дочери из одного путешествия по Европе. Мари, урожденная француженка, по словам очевидцев, не отличалась красотой, однако довольно быстро вскружила голову графу так, что Боярышников на ней женился. Мари недолюбливали в окружении, приписывали ей вину в любых несчастьях, считали ведьмой.

– А были основания? – подняла бровь Ада.

– Не знаю, – усмехнулся Писаренков, – я в эти вещи – магию, ведьм – как-то слабо верю. По должности не положено! Я верю в человеческий фактор, а не в колдовство, в проверенную информацию, а не в деревенские легенды.

– А мне все интересно!

– Ну, значит, слушай дальше. То ли потому, что некоторые привычки Мари были непонятны окружению, то ли потому, что она что-то делала вопреки русским традициям, но ее невзлюбили. Темный народ! При этом, чуть что, обращались за помощью к местным знахаркам, их не боялись и даже почитали.

– Свои бабки как-то понятнее и роднее, чем иностранка, – улыбнулась Ада. – Что-то подобное про Мари я слышала от нашей уборщицы Нюры. Любила она призраком бывшей хозяйки припугнуть нас, детей.

– И как? Встречалась ли ты хоть раз с этим призраком? – иронично усмехнулся Писаренков.

– Нет.

– Видишь, ерунда полная – эти легенды. А Мари боялись еще и из-за ее хобби: лепила барышня себе в удовольствие из воска любимых людей да животных, а народ считал, что она ведьмовством занимается. Кого слепит, тот и скопытится.

– Ну, знаешь... Эта француженка тоже хороша: в простую русскую

деревню приехала с таким диковинным хобби. Ясно, что ведьмой окрестили! – хмыкнула Ада.

– Вместе Боярышников и его молодая жена не первой свежести, – съязвил Писаренков, – прожили недолго – погибли один за другим. Осталась падчерица пятнадцати лет. Но и она тоже вскоре умерла. После революции усадьбу национализировали. Переходим к истории усадьбы в послереволюционное время...

– Давай кратко, Сереж: без архитектурных подробностей, в порядке перечисления. Не думаю, что это так важно. У меня, к сожалению, сейчас мало времени, встреча через полтора часа, со Сташковым нужно еще обсудить кое-какие детали.

– Ну, если в порядке перечисления... – вздохнул Писаренков с таким сожалением, что стало ясно: история поместья в его отчете занимает чуть ли не основное место.

– После национализации в усадьбе устроили приют для сирот. Во время Второй мировой войны в ней был размещен госпиталь, в те годы усадьба дважды горела, но, к счастью, не главное здание. Во время одной из бомбежек были полностью уничтожены один из флигелей и часовня. В 1947 году усадьба вновь приняла детей. Детский дом просуществовал до 1970 года. Здания требовали капитального ремонта, и усадьбу закрыли. Но реконструкция не начиналась до 1981 года, длилась затем в течение четырех лет, и в 1985 году усадьба была открыта, на этот раз уже в качестве интерната для детей из неполных или неблагополучных семей.

– Я поступила в интернат в 1989 году, – заметила Ада. И Писаренков, не отрывая взгляда от бумажного листа, обронил:

– Я знаю. Продолжать?

Ада ответила кивком.

– К началу девяностых годов часть главного здания пришла в аварийное состояние, и в 1995 году одно крыло закрыли...

– Я помню это, Сереж, – поторопила Писаренкова Ада.

– Ну, раз помнишь... Ты же сама просила меня узнать. Вижу, что слушаешь меня сегодня невнимательно. Голова делами занята?

– Да встреча важная, Сереж, а назначена была неожиданно, Сташков меня еще не посвятил во все подробности. Я думала поговорить с тобой после того, как освобожусь.

– Ох, Ада... Это и не похоже на тебя, и так похоже, – покачал головой Писаренков. – Не похоже, потому что ты сейчас так легкомысленно пренебрегаешь важным. А похоже, потому что у тебя всегда на первом месте работа.

– Сережа, я последние два дня вообще сама на себя не похожа. Уже достаточно сделала того, что мне несвойственно: работу прогуляла, например, – улыбнулась она.

– Невелика потеря. Велика потеря – это если с тобой что случится!

Писаренков пролистал содержимое папки и извлек новый листок, готовясь зачитать напечатанный на нем текст. Но в это время раздался деликатный стук в дверь, и, после разрешения Сергея войти, в кабинет заглянул Игорь:

– Ада, ты здесь?! Я тебя жду, жду, думаю, куда пропала! У нас же встреча!

– Сейчас, Игореш, сейчас. Дай мне еще две минуты.

Сташков кивнул и прикрыл за собой дверь.

– Торопишься, – проворчал Писаренков, – ладно, поговорим потом, когда вернешься. Но будь осторожна.

– А что со мной может случиться, пока я со Сташковым? – храбрясь, улыбнулась Ада. Но Сергей ее не поддержал, наоборот, посмотрел на нее вдруг тем особым взглядом, который Ада в шутку называла «волчьим». Когда Сергею что-то сильно не нравилось или вызывало подозрение, его взгляд становился таким – недоверчивым, напряженным, опасным. Шутки шутками, но в такие моменты он ее пугал.

Но сказать что-нибудь еще Писаренкову, чтобы стереть неприятное впечатление, она не успела, потому что в кармане завибрировал мобильный. Владимир.

– Ада, мы можем встретиться? – спросил он, не поздоровавшись.

– Можем, – ответила она и, выходя из кабинета, оглянулась на Писаренкова, который теперь складывал бумаги обратно в папку, но при этом, Ада была уверена, прислушивался к разговору. «Держи ухо остро с людьми, которые неожиданно появились в твоей жизни», – вспомнились ей его слова.

– Но не сейчас, Володя. Я уезжаю на встречу.

– А вечером, Ада? Вечером мы можем поговорить? – Вовчик был явно чем-то встревожен. Ада замешкалась с ответом: что ему сказать? С одной стороны, он ее предупредил об опасности, с другой – Писаренков попросил быть осторожной. Не Вовчика ли он имел в виду?

– Володя, давай я тебе перезвоню позже. Сейчас мне сложно сказать, как будет спланирован день. Но я постараюсь выгадать для тебя время.

– Это важно, Ада! По телефону лучше не обсуждать.

То, что он так настаивал на личной встрече, тоже немного настораживало. Но, по-любому, можно встретиться с ним в людном месте,

тогда ничего страшного. А еще можно попросить Писаренкова сопроводить ее на встречу. Да, она так и сделает!

Слушала она Игоря опять рассеянно, думая о словах Сергея. И звонок Вовчика в свете предостережений Писаренкова казался ей все более подозрительным: почему он так настаивал на личной встрече? Может, всего лишь приготовил для Ады очередную папку с распечатками из Интернета и хочет ей отдать? Но почему-то думалось о том, что над Вовчиком в интернате насмеялись, и особенно соседки Ады по спальне, – не мог ли он сейчас, спустя годы, мстить так за свои детские обиды?

Аду от подобных подозрений стало знобить. Додумалась же! Нет, вряд ли Вовчик на такое способен. Это просто она, Ада, после слов Сергея готова подозревать даже столб.

Она поежилась и потеряла ладонями голые плечи – жаль, жакет оставила дома.

– Ты не заболела случайно? – встревожился Сташков.

– Нет. Просто прохладно. Дай мне свой пиджак.

– Конечно! Для тебя все, что угодно!

Голос Игоря успокаивал, как и исходящий от его пиджака знакомый запах одеколона. Что с ней может случиться, пока с ней рядом эти два ангела-хранителя, Сташков и Писаренков? Сосредоточься на работе, Ада. На работе, на работе...

...И еще этот сумасшедший, который непонятно откуда взялся и как нашел ее сегодня. Еще один внезапно «появившийся» человек. На этот раз уже незнакомый. А может, наоборот, знакомый?.. Настолько, что свой настоящий облик маскирует экстравагантными нарядами, странными поступками и болтовней? Кто он? Просто ли городской сумасшедший и встреча с ним – рядовая случайность? Или все же нет...

Боярышники, 1914 год

Я одна. Я совсем одна-одинешенька, и горе мое так глубоко и черно, как море. Как же так вышло? Как случилось, что они теперь вместе навсегда – папенька и Мари, а я – одна, в этом аду? Мертвая изнутри, словно механическая кукла. Кто-то завел пружину, и я двигаю руками и ногами, не понимая, ни куда я бреду, ни зачем. Иногда мне снится, что это я умерла, а они – живы. Эти сны для меня стали слаще меда, и мечтаю лишь о том, чтобы однажды я осталась навсегда в одном из них. Но... каждое утро я просыпаюсь. И это мое наказание. Даже смерть

отвернулась от меня.

...Сначала не стало папеньки. Несчастный случай на охоте. Горе затопило меня. Ах, почему я не умерла вместо папеньки? Зачем мне жизнь-то теперь, разве в радость она? Жить и знать, что в несчастье этом повинна я. Не такой участи хотела я для моего родителя. Не так желала разлучить его с Мари. Если бы могла вернуть я тот день, когда отправилась к Захарихе! Да только уже не исправить ничего.

А потом не стало Мари. После похорон заперлась она в своей спальне, сама не выходила и к себе никого не пускала, даже доктора.

Вышла она из спальни на исходе третьего дня. Да, видимо, от слабости оступилась на лестнице. Я услышала ее крик и первой прибежала на помощь. И увидела Мари лежащей под лестницей, бледной, с закрытыми глазами, часто дышащей. А из-под платья ее разливалась лужа крови. Закричала я так страшно, как не кричала после известия о гибели папеньки. Сбежался люд. Отнесли Мари на руках в ближайшую комнату, кто-то послал за доктором.

Мачеха болела долго... Время слилось для меня в одну бесконечную беспросветно-черную ночь. Ульяша шепнула мне, что потеряла Мари ребеночка и что больше не сможет иметь детей. Сложно описать, что я почувствовала. Сочувствие? Совру, если так скажу. Ведь мачеху я тоже обвиняла в случившемся: если бы не она, не этот ее неродившийся ребенок, не решилась бы я на страшное, и мой папенька был бы жив. Я лишь желала развести их! Я лишь мечтала, чтобы папенька был со мной! Чтобы все было как раньше. Если бы эта Мари не появилась в нашем доме...

Но и радости я тоже не чувствовала. Я не хотела этого ребенка. Но подобной участи для мачехи тоже не желала. Бродила я по опустевшему дому неприбранная, непричесанная. Молила боженьку простить меня, да за здоровье мачехи просила...

И однажды Мари вышла из спальни сама – исхудавшая, бледная, молчаливая. Будто почувствовала, что я стою за дверью. Вышла и посмотрела на меня так, что я отшатнулась. Взгляд ее мне показался безумным. Да подумалось еще, что известно ей, кто повинен в бедах, пришедших в наш дом. Словно подтверждая мои мысли, Мари вдруг наставила на меня палец и выдохнула:

– Ты...

Мне хотелось убежать, но ноги словно приросли к полу. Мари сверлила меня взглядом, я – молчала. И вдруг она резко развернулась и скрылась в

спальне.

В ту же ночь она пропала. Искали ее и в доме, и на черном дворе, и в лесу. Страшную новость принес конюх Антип: на берегу реки нашли платок Мари. Воды были неглубоки, но быстры, а в том месте, около которого лежал платок, находились опасные омуты. Искали Мари, конечно. Но саму не обнаружили, только выловили из реки ее ботинок, запутавшийся в водорослях.

И вот так я осталась одна. Я слегла больной. Ухаживала за мной верная Ульяна, приносила травяные отвары, которые должны были поднять меня на ноги. А я желала лишь одного – умереть. Я молила смерть сжалиться надо мной. Но она отвернулась от меня. Я молила папеньку присниться мне. Да, видно, не простил он меня.

Когда я худо-бедно поправилась, решила навестить семейный склеп, попросить прощения у моих родителей. Но едва я вышла за ворота, как нос к носу столкнулась с Захарихой. Противная баба будто специально поджидала меня.

– Ну что, как тебе спится? – спросила ведьма.

– А вам? – гордо вскинула я подбородок, не желая выдать своих мучений перед нею.

Она покачала головой и ухмыльнулась.

– Молодая ты еще. Дурочка.

И с этими словами Захариха пошла вон. А я вернулась в дом.

Страшно, тяжело мне жить. Содеянный грех доводит меня до отчаяния, выпивает все силы. Я живу в постоянном, изводящем мою душу страхе. То и дело слышу шаги в комнате мачехи. Проклятая, она будто задумала известить меня! Один раз со двора я увидела свет в ее комнате и тень в виде силуэта за портьерой. На мой крик прибежали конюх и кухарка. Я велела им подняться в комнату мачехи и найти того, кто меня пугает. Но комната оказалась пустой. А на следующий день повторилось все: свет и мелькнувший в окне силуэт.

А потом... А потом случилось это.

В один из этих черных, тоскливых вечеров я, почувствовав недомогание, поднялась в свою спальню и увидела на кровати корзину. Простую, крестьянскую, сплетенную из прутьев, на дно которой было уложено какое-то тряпье.

– Ульяна? – позвала я, выглянув за дверь, и со страхом вновь приблизилась к кровати. Почему-то я почувствовала, что от корзины исходит опасность. Но, однако, будто подчиняясь неведомой силе, подошла к ней и приподняла край тряпки.

На дне корзины лежал уродливый ребенок, в кровожадной улыбке которого обнажились два длинных острых зуба, торчащих из верхней десны. Я закричала от ужаса. И только бросив на уродца повторный взгляд, увидела, что это – кукла. Кто принес мне ее?! Кто решил так страшно напугать меня?

– Ульяна?! – закричала я, выскакивая вначале в коридор, потом – из дома.

Я металась по двору – простоволосая, в домашнем платье, – кричала, пытаюсь добиться правды, найти того, кто принес мне этот страшный «подарок», и наказать его. Кто-то из челяди испуганно прятался (я увидела, как захлопнулась дверь людской, а затем в окне показалось любопытное лицо прачки), кто-то, наоборот, высунул нос во двор. Смотрели на меня со смесью любопытства, страха, сочувствия. А мне были безразличны их взгляды, я хотела лишь одного – чтобы мне сказали, кто принес в мою спальню куклу... Я бросалась к одному человеку, к другому... От меня отшатывались, будто от прокаженной. И никто, никто не мог ответить мне...

А потом пришла Ульяна, взяла меня под руку и, рыдающую, увела в дом. Я наотрез отказалась подниматься в свою спальню, пока из нее не уберут корзину. Страшную куклу я велела сжечь. И лишь когда мой приказ был выполнен, я позволила кормилице сопроводить меня в опочивальню и уложить в постель.

Я уснула, хотя думала, что не сомкну глаз до утра. Но посреди ночи проснулась от стука по полу, словно кто-то в деревянных башмаках приближался к моей кровати. Я открыла глаза. И увидела ее – куклу...

* * *

Переговоры получились долгими, в офис Игорь с Адой вернулись к четырем часам. До пяти еще обсуждали в кабинете итоги встречи, и лишь потом Ада смогла позвонить Сергею по внутреннему телефону. Но трубку снял не он, а один из сотрудников Писаренкова, который сообщил, что шеф уехал куда-то незадолго до ее возвращения в офис. На мобильный дозвониться не удалось, и Ада решила, что позже Сергей перезвонит ей сам.

Секретарь по ее просьбе принесла ароматного чаю, добавив от себя песочное печенье. Ада была голодной, пообедать так и не смогла, поэтому печенье съела с большим удовольствием. На мобильном оказались два

пропущенных звонка от Вовчика и два сообщения от него же. В первом Сухих написал лишь «мой почтовый ящик», в другом указал улицу, номера дома и квартиры. Как хочешь, так и понимай. Приглашает ее в гости? Что-то оставил для нее? Допив чай, Ада набрала номер Вовчика, но он, как и Писаренков, не ответил. Не перезвонил и через полчаса. Не ответил и на повторный звонок Ады. Ну что ж, встретиться срочно понадобилось ему, а не ей. Девушка взглянула на часы и решила, что сегодня она имеет право уйти из офиса немного раньше. Переговоры, которые отняли почти весь день и выжали ее, словно лимон, обещали обернуться выгодной сделкой. Спасибо Сташкову, который изначально повел дело правильно.

Уходя, она заглянула в кабинет зама и увидела его сосредоточенно изучающим что-то в компьютере.

– Игорь, думаю, мы заслужили с тобой в кои-то веки уйти на пятнадцать минут раньше, – сказала Ада. Но Сташков ответил, что еще поработает, пожелал Аде хорошо отдохнуть вечером и вновь уткнулся в монитор.

И хотя ушла она с работы пораньше, домой добралась в такое же время, как если бы задержалась в офисе еще на час. Свободная дорога – несбыточная мечта современного автолюбителя. В томительных ожиданиях, когда приходилось простаивать в пробках, Ада жалела о том, что пересела с метро на автомобиль. И мечтала о частном вертолете.

Поставив машину во дворе на привычное место, она вошла в подъезд. Когда поднималась на свой этаж пешком, по привычке проигнорировав лифт, еще раз позвонила Владимиру. На этот раз в трубке вместо протяжных гудков раздался механический голос, известивший о том, что абонент находится вне зоны доступа. Ада убрала телефон и достала ключи.

– Туда, где он сейчас находится, по телефону не дозвонишься, – раздался вдруг с лестницы, ведущей на верхний этаж, голос, от которого Ада испуганно вскрикнула и попятилась к своей двери, выставив вперед, словно оружие, ключ. Как, как он ее нашел, утренний сумасшедший?! Он за ней следит? Или кто-то дал ему адрес? Кто?! Слова Писаренкова о том, что ей нужно быть осторожной с внезапно появившимися в ее жизни людьми, вспомнились как нельзя кстати и нагнали еще больше страху.

– Что тебе от меня нужно?! – спросила она и сама не узнала свой голос, сорвавшийся на фальцет. Молодой человек поднялся со ступеньки, на которой сидел, и улыбнулся как можно доброжелательней. Но Ада не поверила его улыбке. И поэтому на всякий случай выставила вперед, стараясь отгородиться от преследователя, еще и сумочку. Одевание молодого человека с утра не претерпело изменений: белая рубаха с замшевым

жилетом, шаровары и носки с калошами.

– Мне от тебя – как раз ничего. Это тебе от меня нужно, – выдал он, продолжая улыбаться. И вдруг сощурился, совсем как Джонни Депп в роли Джека Воробья, и выражение его лица на какое-то мгновение показалось Аде уже не простодушным, а, наоборот, слишком серьезным. А взгляд – сосредоточенным. Такой взгляд вряд ли будет у сумасшедшего.

– И что же мне нужно от тебя? – как можно насмешливей, чтобы скрыть растерянность и страх, спросила Ада.

– Помощь.

– В чем?!

«Джек» сунул руки в карманы шаровар и засвистел какой-то мотивчик. Послушав с полминуты этот художественный свист, Ада с досадой обронила:

– О господи, час от часу не легче... Послушай... Как тебя зовут?

– А как тебе хочется меня называть?

– Мне никак тебя не хочется называть, – заставляя себя говорить спокойно, произнесла Ада. – Мне хочется, чтобы ты ушел туда, откуда пришел. И оставил меня в покое.

Фрик не ответил, но склонил голову с дредами набок так, словно желал лучше рассмотреть девушку.

– Мне не нужна твоя помощь! – вскрикнула, потеряв терпение, Ада. – Послушай, иди подбру-поздорову туда, откуда пришел. И не приходи больше.

– Не могу, – потряс дредами фрик. – Мы с тобой связаны.

Как ни хотелось Аде ответить ему что-нибудь резко-едкое, она решила больше не тратить время на пустые разговоры. Хватит и того, что допустила эту глупость – спор с душевнобольным. Он живет в своей параллели. Конечно, то, что он каким-то образом выяснил ее адрес и теперь преследует, вызывает сильное беспокойство. Но у нее есть Писаренков, которого можно вызвать на подмогу. Самое правильное решение сейчас – зайти в свою квартиру и запереться на все замки. И из дома уже позвонить Сергею.

– Не стоит, – почесал задумчиво голову фрик, – лучше он сам. В девятнадцать двадцать четыре.

Ада улыбнулась самой светлой улыбкой, на которую была способна. И так, улыбаясь и пятясь, приблизилась к двери квартиры и, резко повернувшись, метко вставила ключ в замочную скважину. словно вогнала нож.

– Не надо меня бояться, – предпринял еще одну попытку заговорить с

ней парень. Но Ада уже влетела в квартиру и захлопнула за собой дверь. И, только оказавшись в безопасности, ощутила, как сильно у нее дрожат ноги, пожалуй, перепугалась она сейчас так, как никогда в жизни. Даже в том закрытом крыле интерната не испытывала подобного страха. Может быть, если бы не предупреждение Писаренкова, чувствовала бы она себя куда спокойнее. Ада нервно усмехнулась: такого с ней еще, пожалуй, не случилось, чтобы она, устойчивая к стрессам, хладнокровная, и почти ударились в панику. Мало ли в ее жизни происходило событий, которые могли выбить ее из колеи одним щелчком? И в те моменты она никогда не теряла голову, оставалась сама собой... А может, как раз в тех ситуациях она и не была собой, а той, какую из нее сделал Борис? И именно сейчас, испытывая вполне объяснимый, оправданный страх за свою жизнь, позволила выглянуть из брони другой Аде – беззащитной, напуганной, не «железной леди», в образе которой жила столько лет, а обычной девушке.

– Писаренков... Надо позвонить ему, – сказала она вслух, потому что ей не понравилось то, что она начала себя жалеть. Но не успела набрать номер Сергея, как мобильный в кармане завибрировал, отвечая на вызов, Ада машинально обратила внимание на время, высветившееся на экране: двадцать четыре минуты восьмого. И сердце неприятно екнуло: фрик имел в виду, что в девятнадцать двадцать четыре ей позвонит Писаренков? Как он угадал? Невольно вспомнилось, что еще раньше у нее создалось впечатление, будто парень читает ее мысли. Ужас!

– Ада? У тебя все в порядке?

– М-м-м, да, – ответила она совсем не то, что собиралась. Ей хотелось пожаловаться кому-нибудь на то, что ей страшно, что она не знает, что ей делать, что за дверью все еще, возможно, находится человек, ее пугающий, может быть, маньяк, убийца... Но ответ ее звучал спокойно и уверенно, как всегда: – Я только что зашла в квартиру. Я тебе звонила раньше, кстати.

– Не мог взять трубку. Ада, мне нужно тебе сказать кое-что очень важное. Но не по телефону.

– Приезжай!

– О'кей. Через двадцать минут буду у тебя.

– Хорошо.

Время тянулось так медленно, будто кто-то специально растягивал его, как резину. Каждая минута превращалась в час, и казалось, прошли целые сутки до того момента, как в дверь раздался долгожданный звонок. Ада распахнула дверь, не глянув в глазок. Но увидела не Сергея, а симпатичного парня в форме известной службы доставки.

– Семенова Ада Валерьевна?

– Я.

– Посылка вам, – сказал курьер, обворожительно улыбаясь. И протянул обескураженной девушке небольшую, но довольно увесистую коробку.

– Мне? От кого?

– Там указан отправитель. Распишитесь вот тут.

Ада послушно расписалась на бланке, парень попрощался и ушел. А она с посылкой прошла в спальню.

Имя отправителя ей ни о чем не говорило – Петров Иван Сидорович. Оно было будто специально составлено из трех самых распространенных и «безликих» фамилий. И что ей делать с этой коробкой? Открыть или дожидаться Писаренкова? Ада ходила вокруг посылки, не зная, как поступить. Разумом понимала, что лучше подождать Сергея – пусть он проверит содержимое, но, с другой стороны, любопытство одолевало ее. Игорь Сташков не раз пользовался в личных целях услугами этой службы доставки, вызывая курьера прямо в офис, и подарки, которые он отправлял родителям в Екатеринбург, упаковывались прямо в его кабинете. То есть курьер, привезший посылку, видел, что отправлялось. Вспомнив об этом, Ада решила и сняла с коробки упаковку.

Но когда она увидела содержимое посылки, невольно отшатнулась. Кто-то сделал ей такой странный «подарок» – куклу. Не обычную, которых полным-полно в магазинах, а ручной работы. Подарок мог бы показаться милым, если бы кукла не была такой страшной. Это был пупс женского, судя по кружевному платьицу, пола, сделанный не из пластмассы или фарфора, а из материала, похожего на воск. Большая голова была приделана прямо к округло-вытянутому, как крупный кабачок, телу, ручки и ножки казались несоразмерно тонкими. Одетая кукла была в атласное голубое платье с пожелтевшими кружевами по краю подола и рукавов, кое-где кружева были оторваны и испачканы чем-то темным. На голове куклы, сбившись набок, красовался мятый чепец, из-под которого выбивались неряшливые короткие кудряшки пегого цвета. Кукла была уродлива не только телом, но и лицом. Глаза, полностью черные, были близко посажены, что придавало выражению лица, и без того злобного, дополнительную хмурость и настороженность. Переносица была вдавлена, а кончик носа, наоборот, казался гротескно увеличенным и смотрел вверх так, что открывались крупные ноздри. Рот куклы, на который неизвестный автор не пожалел алой краски, был приоткрыт. И между губ виднелись два длинных зуба.

Кто и зачем подарил ей это страшилище?!

В дверь вновь позвонили, и Ада прикрыла коробку, решив, что

покажет странную посылку Писаренкову. Но когда Сергей вошел и сообщил новость, из-за которой приехал, все мысли о кукле вылетели прочь.

– Погиб твой знакомый – Владимир.

Боярышники, 1997 год

В один из тех однообразных будничных будней, скрашиваемых лишь прогулками по просеке до кладбища, пришел гость. Неожиданным его визит оказался потому, что к Аде никто не приходил из воспитанников интерната, даже соседки по комнате. Только иногда – директриса интерната, которая осторожно интересовалась у Ады ее самочувствием и подолгу разговаривала с врачами.

Девочка не обижалась и не расстраивалась из-за отсутствия визитов своих сверстников, правильно предполагая, что, скорее всего, на посещения наложен запрет. Поэтому, когда в одно утро, которое Ада коротала, рассматривая по привычке в окно кроны посадок, обернувшись, увидела человека, одетого не в белый халат, а в темный свитер, то несказанно удивилась. И, что греха таить, обрадовалась, хотя визитер и не вызывал у нее особой симпатии.

Щуплый мальчишка, потупив взор и спрятав обе руки за спину, стоял в дверном проеме, не решаясь ни поздороваться, ни взглянуть на девочку, ни тем более без разрешения войти. Он бы так, может, простоял тихо и ушел незаметно, если бы Ада сама не оглянулась.

– Вовчик? А ты что тут делаешь?

Он наконец-то поднял на нее глаза и, заливаясь неровным пятнистым румянцем, шмыгнул носом.

– Вот... Пришел. Ниче? – и посмотрел на нее со смесью мольбы, ожидания и страха, будто ожидая, что его прогонят.

– Ничего. Ты что, сбежал, Вовчик? – догадалась Ада. По-доброму засмеялась и, спрыгнув с подоконника, подошла к мальчишке.

– Угу.

Теперь его лицо стало уже ровного свекольного цвета. Ада с трудом подавила желание ободряюще хлопнуть парня по плечу, вместо этого она с беспокойством произнесла:

– А если поймают, накажут ведь...

– Угу, – вновь сычом угукнул Вовчик.

– Проходи, чего стоишь, – пригласила она, с некоторым восхищением

подумав, что ради нее Вовчик решил рискнуть. Путь от интерната до больницы был неблизкий, и вряд ли отсутствие парнишки останется незамеченным. И все же он, зная об этом, прибежал к ней.

– У меня есть яблоки, будешь? – предложила Ада, словно радушная хозяйка, угощение. И достала из тумбочки пакет с фруктами. Вовчик отрицательно мотнул головой и вытащил из-за спины одну руку, в которой оказался тощий букетик уже увядающих полевых цветов.

– Это тебе. Поправляйся, – пробубнил мальчишка.

– Спасибо, – приняла с улыбкой Ада цветы. – Присаживайся.

– Нет. Я пойду.

– Ну хотя бы расскажи, как там?.. – спросила она, хотя еще до недавнего момента совершенно не испытывала желания знать, что происходит в интернате.

– Ниче, все норм, – ответил Сухих. – Как всегда. Тебя только нет.

– Я скоро выйду, – сказала Ада.

– Угу. А тебе что делают, уколы? Зинка треплется, что тебе каждый день делают сорок уколов в живот, как бешеной собаке.

– Увижу, убью ее, – пообещала Ада, скрипнув зубами. – Это же надо такое выдумать!

– Я тоже не верю. Зинке лишь бы болтать. Она такие небылицы насочинять может, мрак. Она еще говорила, что это ты Райку... Ой, – спохватился Вовчик, – нам не разрешают об этом болтать.

– И правильно делают, – буркнула Ада, у которой мгновенно испортилось настроение. Вовчик, поняв, что сказал не то, переминался с ноги на ногу и комкал пальцами край свитера, то собирая его в гармошку, то опять расправляя. По тому, как он кусал топорщащуюся нижнюю губу, и по тому, как бегал его взгляд – то на Аду, то опять в пол, видно было, что ему хотелось расспросить девочку о той ночи. Но не решается.

– Что еще нового, Вовчик? – спросила Ада, чтобы окончательно уйти от опасной темы.

– Да ничего больше. Только еще Ляльку куда-то в другой интернат перевели.

– Ляльку? – переспросила Ада. Лялька тоже была из неполной и малоимущей семьи, но сильно отставала в умственном развитии. Девочка находилась в перманентно счастливом состоянии, с ее милостивого, в общем-то, лица не сходила глуповатая улыбка. Если ее о чем-то спрашивали, она с той же улыбкой кивала, соглашаясь со всем, что ей предлагали, даже не понимая вопроса. При этом в физическом развитии она не только не отставала, но давно перегнала сверстниц, и в свои

четырнадцать лет обладала формами молодой зрелой женщины.

Услышав о переводе Ляльки, Ада не удивилась, подумав, что девочку отправили в профильный по ее проблеме интернат. Что ж, ей нужен другой подход.

– Перевели через три дня после той ночи... Странно, не находишь?

– А что странного я должна найти? – пожала плечами Ада.

– Ну... Разве не помнишь? Вы пошли искать Лису. А нашли вместо нее там Ляльку.

– Где?

– В закрытом крыле. Это Лялька как-то забралась туда и визжала. А вы думали, что Лиса. Не помнишь?

– Не помню, Вовчик. С этим и нахожусь тут.

– А, ну да, прости... – смутился парень. Дверь скрипнула, и в палату вошла доктор.

– А это что такое?! Кто разрешил визиты, да еще без халата? Молодой человек, вы как тут оказались?

– Я... Эм... Это. Я оттуда. Вот. Аду навестить.

– За-пре-ще-но! – по слогам повторила врач. Вовчик втянул голову в плечи и бочком протиснулся мимо грозной докторицы в коридор.

– Лиза, проводи этого молодого человека до выхода! – гаркнула врач в коридор, обращаясь к дежурившей на посту медсестре.

– Ну а вам, милочка, напомним, что свидания в палате и без халата запрещены!

– Это было не свидание, – настал черед Ады краснеть. Докторица хмыкнула, давая этим понять, что не особо поверила девочке, и приступила уже к рядовому медицинскому опросу.

* * *

Вечер оказался похожим на витраж: вроде и целая картинка, но составлена из разделенных рамками разноцветных стеклышек. Так и остаток дня оказался разбит на несколько эпизодов, происходящих в разных местах, но укладывающихся в одно событие. Новость от Писаренкова, спонтанная поездка, версии и домыслы... Голова шла кругом от всего.

Ада вошла в квартиру и, не снимая туфель и плаща, подошла к бару и решительным жестом распахнула дверцу. Алкоголь она потребляла очень редко, потому ассортимент бара состоял из двух подаренных бутылок –

мартини и дорогого коньяка, а также скромно прячущейся за ними початой бутылки водки. Ада первым делом протянула руку к «женскому» напитку – мартини, но, увидев водку, передумала. Эта бутылка оказалась в ее баре очень неожиданно. В прошлую новогоднюю ночь девушка не собиралась никуда выезжать и никого не пригласила к себе. Ей хотелось провести праздник в одиночестве, съесть салат, посмотреть новогодний концерт, почитать книгу и, главное, выспаться. Ничего более она не планировала, но за час до курантов на ее мобильный раздался звонок от Писаренкова: «Начальница, ты дома или где? Заеду к тебе на полчаса поздравить?» Ада немного удивилась и сказала, что не празднует, даже стол не приготовила. «Не проблема, начальница! Не бойся, надолго не задержусь. А стол я тебе организирую». Писаренков приехал тогда за полчаса до боя курантов и привез два пакета со всякой снедью. Среди гостинцев оказалась и эта бутылка водки, которую Сергей привез для себя, правильно предположив, что у хозяйки квартиры алкогольных напитков не окажется. Но выпил лишь скромную рюмочку, поздравил, посидел с Адой час и уехал. «А ты чего со своими не празднуешь?» – спросила тогда Ада, намекая на то, что у Писаренкова может быть дама сердца. Она знала, что Сергей холостой, но не исключала наличия у него личной жизни. «А вот тебя сейчас поздравлю и поеду дальше», – не вдаваясь в подробности, ответил Сергей.

Бутылка стояла распечатанной и забытой с того праздника. И вот сейчас Ада рассудила, что стресс после такого вечера стоит снимать не дамскими напитками, а крепкими.

Она налила себе рюмку и села в кресло, включив лишь настольную лампу. Махнув одним глотком водку, закрыла глаза. И тут же в памяти всплыло лицо Вовчика. Писаренков сообщил, что Владимир Сухих погиб, упав с пятого этажа квартиры, в которой жил. Мгновенная смерть. То ли несчастный случай, то ли самоубийство. «Я не верю в самоубийства», – всплыли в памяти слова Вовчика. То же самое ей сказал сегодня и Писаренков. И повторил вечером еще раз.

...Она слушала Сергея молча и кивала. Слушала и не слышала. В голове стучало: одна, она осталась одна. Ее черед? Писаренков расспрашивал ее обо всем подозрительном, что случилось с ней в последние дни. С кем встречалась, что видела, кто звонил и так далее. Подробно записал приметы молодого человека, преследующего ее, и тут же, сделав звонок кому-то из своих людей, дал указание разыскать подозрительного парня. И как Аде ни тяжело было, ей пришлось рассказать Сергею и о разговоре с Вовчиком, и о том, что случилось пятнадцать лет назад в интернете. «Совсем ничего не помнишь?» – усомнился Сергей. Ада

покачала головой. «Ничего. Очнулась в больнице. Мне сказали, что Раю нашли бездыханной. И это все, что я знаю. Мне не рассказывали подробности ее смерти, чтобы... не травмировать мою психику еще больше». – «А что ты сама думаешь о том случае?» – спросил Писаренков, внимательно заглядывая ей в глаза проникающим в самую душу взглядом. Если она соврет или утаит что-то, ему станет об этом известно – так ей подумалось. И она впервые осмелилась сказать не только вслух, но и кому-то еще, кроме себя самой, о чем страшилась даже думать. «Я боюсь... что это я убила Раю». Ада сделала это признание, и на душе сразу стало как-то странно легче, будто отдала часть того непосильного груза, который несла пятнадцать лет. Она посмотрела на начальника службы безопасности, гордо вскинув подбородок, словно желая этим сказать: «Ну вот, теперь думай обо мне что хочешь! Мне уже все равно». Но Сергей никак не отреагировал на ее заявление. Лишь отпил из стакана воды и вновь внимательно посмотрел ей в глаза. «Ну... не специально. Возможно, то был лишь несчастный случай. У меня не было мотивов убивать ее...» – «Ты уверена в том, что убила ту девочку?» – спросил Сергей. «Нет». – «Хорошо», – задумчиво сказал он, что-то про себя прикидывая. «Сереж, ты из меня сейчас всю душу вынул», – попробовала вымученно пошутить она. «Лучше уж пусть я ее из тебя выну, чем кто-то другой», – не улыбнувшись, отозвался Писаренков.

После разговора Ада вспомнила о сообщениях, отправленных ей Вовчиком на мобильный, и показала их Сергею. «Едем!» – скомандовал тот.

В почтовом ящике оказался запечатанный конверт без марок, с надписью от руки «для А. С.» – А. С., без сомнения, для Ады Смирновой. «А вот и предсмертная записка», – прокомментировал находку Сергей. Вскрыли они конверт уже в машине Писаренкова. Но письмо оказалось таким странным, что вызвало еще больше вопросов.

«Я, Сухих Владимир Андреевич, 1982 года рождения, паспорт номер... сообщаю, что не собираюсь заканчивать жизнь самоубийством. Если же вы обнаружите меня мертвым, знайте, что я это сделал, чтобы убить тварь».

«И?.. И что это значит?» – недоуменно вертела в руках записку Ада. Сергей тоже озабоченно хмурил брови, а затем произнес: «Похоже на бред шизофреника». Взяв аккуратно из рук девушки письмо, он убрал его в карман: «Мы подумаем и над этим». И Ада поняла, что имел он в виду себя и своих людей.

Писаренков отвез ее домой и проводил до двери. «Мне с тобой еще кое о чем поговорить надо, – сказал он, прощаясь возле квартиры, – но уже не сегодня. Хватит с тебя новостей, отложим на потом». Затем строго-настрого наказал никому не открывать дверь и не отвечать на звонки. «До завтра даже со Сташковым не общайся!» – «Почему? Игорь-то тут при чем?» – «А при том, что он звонит тебе всегда по поводу работы, а тебе сейчас надо расслабиться, разгрузить мозг», – отрезал Сергей. И ушел.

Разгрузить мозг... Она бы, наоборот, загрузила его чем-нибудь, другой информацией – привычной рабочей, – лишь бы больше не думать.

Не думать, не думать, не думать.

Ада поднялась из кресла и прошла в спальню, намереваясь переодеться в удобный домашний костюм. В комнате она бросила взгляд на забытую на стуле коробку и увидела, что та открыта, а крышка валяется на полу. Кукла лежала в этой тесной коробке, как в гробу, и таращила в потолок черные глаза. Ада задержалась взглядом на ее уродливом лице: ей вдруг показалось, что что-то в нем изменилось. Рот. Он был теперь не просто приоткрыт, а растянут в жуткой, злобной ухмылке, так что два зуба обнажились почти полностью. Ада торопливо прикрыла коробку крышкой и обругала себя за бурное воображение. Кукла – это просто кукла, хоть и такая страшная. Растянувшийся в жуткой ухмылке рот – игра света, разыгравшейся фантазии, подогретой эффектом от алкоголя – что угодно! Жаль, что она забыла сказать о странном «подарке» Сергею, было бы замечательно, если бы он забрал это страшилище с собой для «выяснения личности». Не куклы, конечно, а отправителя.

Она вернулась в гостиную и налила себе вторую рюмку водки. Пила крепкий алкоголь, словно вино – маленькими глоточками, но даже не чувствовала ни вкуса, ни жжения, будто атрофировались вкусовые рецепторы, а горло стало резиновым. Лишь слегка туманилась с непривычки голова. Ей вдруг вспомнилась тетка: ее неуклюжая походка, стук костылей о дощатый пол, скрип половиц, возникающий при этом, и родной голос ее, и грубоватая похвала, какой она выражала свою любовь к племяннице... Тетки Анжелы не стало в тот год, когда Ада выпускалась из интерната.

От воспоминаний ее отвлек какой-то стук, донесшийся из спальни, словно с небольшой высоты упало что-то нетяжелое. Ада прислушалась, но звук больше не повторился.

– В душ и спать, – скомандовала она себе, поднимаясь из кресла и убирая бутылку с водкой в бар. Ноги оказались непослушными, будто чужими, Ада шла и не могла отделаться от ощущения, что ступает не по

твердому полу, а по пружинистому матрасу.

Входя в спальню, она запнулась за что-то, лежавшее на полу, и едва не упала. Торопливо нашарив выключатель, зажгла свет и увидела, что со стула свалилась коробка. Девушка наклонилась, чтобы поднять ее, но, к своему удивлению, обнаружила, что коробка пуста, а куклы нигде нет. Ада заглянула под кровать, но та была очень широкой, к тому же с выдвигаемым ящиком, занимающим половину подкроватного пространства, – разумнее было отложить поиски до утра. Ада положила коробку на стул, взяла пижаму и отправилась в ванную.

Когда она уже смывала с себя мыльную пену, в дверь кто-то тихонько поскребся. Ада завернула воду и прислушалась: звук не повторился. Но когда она снова включила душ, опять раздалось настойчивое царапанье в дверь. И вновь, повторившись, непонятные звуки внезапно стихли. Ада быстро смыла пену и завернула кран. Став босыми ногами на плиточный пол, приложила ухо к двери и прислушалась. В квартире было тихо. Послышалось.

Страшно ей не было: храбрости придал алкоголь и, похоже, к нулю свел инстинкт самосохранения. Иначе Ада уже трезвонила бы Писаренкову или Сташкову (мобильный она носила с собой везде), а вместо этого вышла из ванной и обошла всю квартиру, чтобы убедиться перед сном, что все в порядке.

Улегшись в пахнущую цветочным ополаскивателем постель, она прикрыла глаза и вызвала в памяти то воспоминание, которое служило ей защитой от неприятных мыслей вот уже столько лет. Когда ей бывало грустно, одиноко, тревожно, она «убегала» в те моменты своей юности, когда просиживала у пьедестала статуи, воображая за своей спиной ожившего ангела. И вновь представляла его лицо – не мраморное, а живое. Фантазировала, что ангел со сложенными за спиной крыльями и доброй улыбкой на красиво очерченных губах присаживается к ней на край кровати, кладет прохладную ладонь на ее лоб и шепчет слова утешения. И, удивительно, тревоги и страхи отпускали ее.

Повзрослев и окунувшись в суету новой жизни, будучи уверенной в себе женщиной, Ада в последние годы уже не «вызывала» к себе ангела. Но сегодня, видимо, был «вечер ностальгии»: то тетка вспомнилась, то теперь вот та статуя... Ада стала погружаться в сон.

Но вдруг что-то тяжелое навалилось ей на грудь, перекрыло дыхание, дохнуло на губы холодом. Мгновенно проснувшись, девушка попыталась сбросить с себя тяжесть, но не смогла даже пошевелиться. Крик застыл в сдавленном горле. Она почувствовала, что задыхается. В панике дернулась

всем телом и с большим усилием смогла преодолеть сопротивление. Рывком сев, Ада судорожно зашарила по стене рукой в поисках выключателя. Но свет вдруг вспыхнул и без ее помощи.

– Спокойно, спокойно, оно ушло, – услышала она голос и пронзительно завизжала. И тут же чья-то ладонь крепко зажала ей рот. – Тише ты, тише.

Не имея возможности кричать, она заскулила от страха и, изловчившись, укусила ладонь вторгшегося в ее дом. Непрошенный «гость» не вскрикнул, но руку отдернул. Ада торопливо отползла в самый дальний угол кровати и, натянув одеяло до подбородка, испуганно вытаращилась на проникшего в ее дом фрика. Повторит он или нет свою попытку задушить ее? Парень отошел от кровати на два шага и поднял ладони, словно сдаваясь.

– Не бойся меня, я ничего тебе не сделаю плохого, – произнес он совсем не тем тоном, каким разговаривал с Адой накануне. Не насмешливо-ироничным, а, наоборот, спокойным и ласковым. Так, как если бы сумасшедшей была Ада, а не он. Легко ему говорить «не бойся»! Понятно, с какой целью проник в ее квартиру – убить!

– Это не я тебя душил, – ответил «гость», будто Ада его спросила, и добавил: – У тебя дверь была не заперта.

– Зачем ты вошел?!

– Тебе нужна была помощь.

– Что ты от меня хочешь?!

Он вздохнул и, закатив глаза к потолку, с деланным терпением, будто в сотый раз объясняя ребенку, ответил:

– Мне от тебя ничего не нужно. Это тебе надо.

– Что?

– Защита.

– Защита?! – возмутилась она и даже привстала на кровати. – А зачем ты меня тогда душил?!

– Я тебя не душил.

– А кто?

– Оно.

– Что-о?..

– Не знаю, что это было. Поэтому – «оно».

– Ты сумасшедший... – безнадежно выдохнула она.

– Я не сумасшедший. Ну, разве что чуть-чуть, – усмехнулся он обаятельно-иронично и очень знакомо. Где-то она видела подобную усмешку. Ах да, в кино. Этот фрик активно косит под известного актера,

мечту женщин всего мира. Только у него этот образ, позаимствованный из одного из любимых Адой фильмов, вышел скорее смешным.

– Почему ты так странно одеваешься? – лучше задавать ему вопросы, поддерживать разговор. Авось не накинется на нее опять, пока отвечает. Она желала выгадать мгновение, чтобы схватить телефон и вызвать Писаренкова.

– Странно? – искренне удивился парень. – Мне кажется, красиво. Этот наряд куда лучше того «прабабушкиного пеньюара», в который меня вырядили.

Опять он заговаривается. Как жаль, такой молодой – и уже с такими проблемами! Ада на какое-то мгновение даже прониклась сочувствием к бедняге. Но спохватилась, что в данной ситуации бедняга-то она, и, честно глядя в глаза незнакомцу, незаметно протянула руку к оставленному на тумбочке телефону.

– Как тебя зовут?

– А как хочешь, так и зови.

Ада сделала вид, что задумалась, а сама нажала на кнопку вызова в телефоне: последний, с кем она разговаривала, был Писаренков, так что даже не надо смотреть в мобильный, номер Сергея отпечатался в журнале входящих звонков.

– Он не возьмет трубку.

– Возьмет! – вскипела Ада, потому что «Джек» раскусил ее трюк.

– Мне очень жаль... – развел руками «гость». – Но он тебе не ответит.

Ада, уже не таясь, поднесла телефон к уху. Все то время, что она слушала долгие гудки, ночной визитер смотрел на нее, чуть склонив набок голову, и глядел вроде даже с грустью и сочувствием. Досчитав до десятого звонка, Ада отключила вызов, но не положила телефон на тумбочку.

– Тебе не меня надо бояться. Я тебе ничего плохого не сделаю.

– Да? Не уверена! Ты зачем-то меня преследуешь! Одеваешься и разговариваешь так странно! Проникаешь ночью в мою квартиру и душишь! И после этого утверждаешь, что мне не нужно тебя бояться?! Любая бы на моем месте испугалась.

– Я тебя не душил, – спокойно, но твердо повторил парень. – Я вошел в квартиру в тот момент, когда ты закричала, и помог избавиться от того, что сидело на тебе. Что это было – не знаю.

Ада протяжно выдохнула.

– Хорошо... Постараюсь тебе поверить. В то, что ты не желаешь мне зла. Кто ты?

– Сумасшедший, фрик, Джек Воробей... – начал он перечислять с

усмешкой.

– Ясно, – прервала его Ада. – Послушай, если ты не желаешь мне зла, то тогда уходи. Уже очень поздно. Мне завтра рано вставать на работу и...

– Не могу, пока ты в опасности.

Приехали! Он что, собирается тут беседы с ней вести всю ночь напролет? Ада даже подскочила на кровати от негодования, одеяло спало с нее, обнажив пижамную майку, обтягивающую грудь. Но парень, казалось, не обратил никакого внимания на эту интимную деталь.

– И какая опасность?

– Я не знаю, что это. Но оно пришло вместе с какой-то вещью обманным путем и недавно. Вчера с тобой этого еще не было.

И тут Аду осенило, кто этот парень!

– Послушай, Джек, или как там тебя... Ты – экстрасенс?

– Нет. Но если хочешь, можешь меня считать и им, – усмехнулся он. – Вспомни, не получала ли ты недавно посторонних вещей?

– Мне сегодня прислали одну куклу.

– Куклу? – оживился парень. – Где она?

– Не знаю. Была вон в той коробке, потом куда-то исчезла. Может, закатилась под кровать, когда упала.

«Гость» стремительным шагом подошел к стулу, поднял крышку, заглянул внутрь коробки и, кажется, даже понюхал ее. Выражение его лица, когда он повернулся к Аде, было сильно встревоженным и так не вязалось с его скоморошьям видом.

– Нам нужно найти эту куклу!

– Но...

– Послушай, остальные вопросы потом! С твоего разрешения...

Не дожидаясь реакции хозяйки квартиры, он опустился на колени и заглянул под кровать. Ада растерянно продолжала сидеть в постели, не зная, как поступить. Все, что происходило, было настолько странным, что вогнало ее в ступор. Она уже не знала, что думать и о самой ситуации, и об этом парне. Ада увидела, что выражение его лица может быть очень серьезным, она услышала в его голосе другие интонации – тревожные. Такой ли уж он сумасшедший, каким хочет выглядеть? И снова закралась мысль, что его костюм и «странности» – лишь маскарад. Но тогда кто он, кем прислан? Ада даже готова была поверить в то, что перед ней – один из людей Писаренкова, кто-то из его «агентов», таким деловым и собранным показался ей сейчас незнакомец.

– Нет ее здесь, – сказал парень, выпрямляясь, и, не вставая с колен, оглянулся по сторонам.

– Это так важно – найти куклу? – осторожно поинтересовалась девушка и спустила ноги с кровати, потому что ночной гость уже приоткрыл дверь спальни и выглянул в коридор.

– Важно, – бросил он. – Думаю, то, что на тебя напало, проникло сюда с этой куклой.

– Знаешь, мне кажется, что ты меня разыгрываешь...

– Знаешь, я могу и уйти, – передразнивая ее интонации, вдруг парировал он. – Терпение у меня, конечно, ангельское, но сложно его не потерять с такой вот... дамочкой.

Слово «дамочка» вдруг показалось Аде обидным, потому что произнесено оно было не прежним, как накануне, игривым тоном, а серьезным. Она бы, может, и сказала сейчас этому «ангелу» с дредами и в шерстяных носках тоже что-то такое обидное, но парень уже вышел из комнаты.

– Эй? – окликнула она его, выходя в гостиную. – Ты где?

– Тут, – ответил парень, возвращаясь из коридора. – Думаю, надо еще раз посмотреть в спальне. Пойдем.

Ада посторонилась, пропуская его в комнату. «Джек» обошел кровать с другой стороны и вновь опустился на колени.

– Вот она! – воскликнул он, но, однако, почему-то не торопился доставать найденную куклу, а продолжал заглядывать под кровать. – Фонарик есть?

– Где-то был.

– Неси.

Девушка торопливо вышла из комнаты, на кухне открыла ящик, в котором держала всякие хозяйственные вещи вроде отверток и запасных лампочек. Нашла фонарик и вернулась в спальню.

– Свети вот сюда, – указал ей парень, когда Ада опустилась рядом с ним на колени.

– Что это? – отпрянула она, увидев под кроватью лужицу и какую-то тряпочку в ней.

– Кукла из чего была сделана?

– Из воска, кажется.

– Ну, вот это то, что от нее осталось, – протянул парень руку к лужице.

– Гадость какая! – передернуло Аду, когда «гость» вытащил из-под кровати не только кружевное платье, но и волосы, слипшиеся в один комок.

– Кукла – лишь оболочка. А то, что в ней было, так и осталось где-то здесь.

– Что?!

– Некая сущность, если тебе так будет понятнее.
Аде ничего понятно не было, но она предпочла спросить другое:
– И что этой сущности от меня надо?
– Хороший вопрос. Может, убить. Может, вселиться в тебя.
– Зачем?!
– Я откуда знаю, зачем тебя убивать. Хороший вроде человек, хотя и со своими закидонами, конечно.
– Уже спасибо!
– Не за что, – серьезно, будто не уловив иронии в ее тоне, ответил гость. – А вселиться – чтобы обрести новое тело. Неплохое, между прочим. Местами даже красивое.
– Ну, знаешь! – вспыхнула возмущенно Ада. И, секунду помолчав, ревностно спросила: – Какими это «местами»?..
– Попой, ногами, гру...
– Все, я поняла! Хватит!
– Сама спросила, – пожал плечами парень.
– Так. И что нам дальше делать? – сменила она тему. – Мне, между прочим, завтра на работу рано вставать.
– Тогда ложись спать.
– А ты?
– А я тут покараулю.
– На коврике?
– Нет, на диване.
Ада хотела было возмутиться и заявить, что не собирается оставлять незнакомца в квартире и тем более спать при нем. Но, вспомнив то ужасное ощущение, когда что-то навалилось ей на грудь, сдалась:
– Ладно. Оставайся. Только в другой комнате! Предупреждаю, если ты что-то собираешься со мной сделать...
– И не надейся, – усмехнулся парень.
И Ада снова почему-то на него обиделась, так что даже покраснела.
– Я тебе постелю на диване в гостиной, – собрав волю в кулак, проявила она гостеприимство.
– Можешь не утруждать себя. Я все равно спать не буду.
– И чем же займешься? – с подозрением спросила девушка.
– За тобой смотреть буду, – ответил, как отрезал, парень.
– Откуда же ты такой взялся... Ладно, пошли. Постелю тебе, хоть ты и не желаешь.
«Надеюсь, проснусь утром в целости и сохранности», – подумала она, стеля на диван чистую простыню. «Джек» наблюдал за ее действиями с

невозмутимым видом, даже сложил руки на груди и разве что не посвистывал. Дав ему подушку и пожелав спокойной ночи, Ада вернулась к себе в спальню. И уже там схватилась за голову: что она делает?! Писаренков просил ее не открывать никому дверь и даже не брать телефонную трубку. А она оставила ночевать у себя дома незнакомого человека, который к тому же вызывал у нее опасения! Сумасшедшая. Это она сумасшедшая, а не этот странный парень.

Но делать нечего. Ада забралась в постель и набрала номер Сергея. И с каждым безответным гудком тревога наполняла ее сердце все больше – Писаренков так и не ответил. Ада положила телефон на кровать рядом с собой и погасила свет.

И все же, несмотря на то что не собиралась сомкнуть глаз в эту ночь, уснула она быстро и проспала крепко и на удивление спокойно до самого утра.

Ада проснулась за пятнадцать минут до обычного подъема, сама, без будильника, непривычно выспавшаяся и отдохнувшая. Словно и не было накануне всех этих нервных потрясений.

Она встала, накинула на пижаму халатик и на цыпочках вышла в гостиную. Ее гость спал прямо в одежде и все в тех же шерстяных носках, по-детски подложив под щеку ладони. «Вот тебе и «охранник», – усмехнулась Ада и отправилась умываться. Пока чистила зубы, она думала о спящем на ее диване парне. Откуда он взялся? Кто такой? Есть ли у него дом, родные? Может, он бомж и просто придумал такой ловкий предлог, чтобы переночевать под крышей? Но если он и бездомный, то слишком уж аккуратный: бродяга распространял бы вокруг себя запах немытого тела и мочи. А у парня одежда казалась чистой. Постояв над ним, любуясь неожиданно для себя умиротворенным выражением на его лице, она отправилась на кухню готовить завтрак.

Когда она засыпала в чайник заварку, раздался звонок мобильного. Наверняка звонил Писаренков, пропустивший ночной вызов.

И что она скажет Сергею? Вряд ли ей хватит духу признаться сейчас в том, что, несмотря на все предупреждения, опрометчиво позволила незнакомому человеку переночевать в своей квартире.

Но звонил не Писаренков, а Сташков.

– Случилось что, Игорь? – спросила она, думая о рабочих вопросах. Может, опять назначена внеплановая встреча?

– Случилось, – голос зама был глухим и подавленным, – с Писаренковым. Мне только что позвонили – его ночью сбила машина.

Боярышники, 1914 год

Демоны терзают мое бедное тело, касаются его раскаленным железом, выжигая на нем клейма, выпивают душу, мутят сознание. Как плохо мне... Умираю я. Не сплю, не бодрствую, барахтаюсь в болоте, захлебываясь в омерзительной жиже своих кошмаров. Сны ли, явь ли... Но когда я остаюсь одна, ко мне приходит эта тварь...

Каждого, кто навещает меня, я прошу плотнее закрывать за собой дверь, надеясь, что это существо не сможет ко мне проникнуть, но для него не существует запоров. Дверь тихонько, со скрипом открывается, и следом за этим раздаётся едва слышимое постукивание, будто деревянных башмаков о пол. Это нечто приближается к моей кровати. Я зажмуриваюсь изо всех сил, будто надеюсь, как в детстве, что, если не буду видеть эту тварь, она исчезнет. Закрываю ладонями уши, чтобы избавиться от скребущих невыносимых звуков, которые издает существо, утыкаюсь лицом в подушку, но это не спасает меня. Я чувствую, как кто-то тихонько дергает одеяло, карабкается по нему, ползет по моим ногам. Я хочу закричать от ужаса, но издаю лишь жалобный стон, который, конечно, никто не слышит. Тварь сидит на моей спине. Сидит иногда молча, иногда – подхихикивая тонким голоском. Заканчивается это всегда одинаково: едва раздаются шаги за дверью или голоса, существо спускается с меня и, стуча, исчезает под кроватью. Оно каждый раз уходит под кровать, чтобы потом опять прийти через дверь...

Иногда, когда мне удастся погрузиться в недолгий тревожный сон, я вижу в нем свою покойную мамушку, которую знала лишь по портретам да по скудным рассказам моего немногословного папеньки. Маменька стоит поодаль, свесив печально руки, за тем ангелом перед усыпальницей и не смотрит мне в глаза, хотя я и ищу настойчиво ее взгляда, и молю ее посмотреть на меня, свою единственную дочь... Но она не поднимает взора. И от ее скорбно ссутуленных плеч, опущенной головы, занавешивающих лицо неприбранных волос так и веет горечью, укором мне – согрешившей. Я зову ее, зову... Но приходит покойная Мари, кладет мне на лоб холодную руку. И этот холод жжет мне кожу пуще огня.

– Уйди, уйди, – стону я и, собрав все силы, прошу Ульяну выгнать Мари из моей спальни. Но верная кормилица говорит, что никого в опочивальне нет.

Призрак исчезает. И я засыпаю. Но даже во сне мне нет покоя: является Захариха и упрекает меня в том, что я неверно исполнила ее

наказы. Оттого мне и болезнь. И что грех этот тяжкий будет мучить меня до самой смерти.

Напуганная моим нездоровьем, Ульяна послала за нашим семейным доктором Андреем Дмитриевичем. Чудесный старичок, поблескивая стеклышками пенсне, склоняется ко мне так низко, что его белоснежная борода касается моей щеки, щекочет. Слушает мое дыхание, кладет руку на лоб, затем – на живот. Быстро отходит в сторонку, о чем-то шепчется с кормилицей. Я ловлю взглядом лицо Ульяны – белое, что молоко, с хмурой галочкой меж бровей. Доктор, оборвав разговор, скорыми шагами подходит к столику, на котором оставил свой саквояж, достает листок рецептурной бумаги и что-то черкает на нем. Наверняка выписывает так любимые им анисовые капли.

– В больницу бы ее свезти, – доносится до меня. – Тяжелая форма горячки.

Ульяна что-то говорит, то ли соглашаясь, то ли возражая. А я стоном отворачиваюсь. Не хочу в больницу, если мне суждено помереть, я умру тут, в родных стенах.

В страданиях я не замечаю, как доктор уходит. Но Ульяна остается.

– Ульяша... – стону я, когда широкая жесткая ладонь с царапающими кожу мозолями гладит меня по щеке.

Ульяна что-то шепчет мне, но я ее не слышу. Языки пламени облизывают мое тело, лицо. Мне так больно и плохо, как никогда еще не было. Я хочу кричать, но с пересоших губ срывается лишь еле слышный стон.

– Что, что, моя кровиночка? – прорывается сквозь хохот мучающих меня демонов. Я собираюсь с силами и наконец-то спрашиваю о том, о чем хочу: выполнила ли Ульяна мою вчерашнюю просьбу. Вчера я слезно умоляла ее сходить на кладбище к семейному склепу и забрать оставленную там мной куклу. Закопать, выполнив наказ Захарихи до конца.

– Ходила, Асенька, ходила, – шепчет Ульяша, кладя широкую мозолистую ладонь мне на лоб, – как ты просила...

Оборвав себя на полуслове, она затягивает вполголоса колыбельную, которую всегда мне пела в детстве. Но я ведь знаю, что Ульяна, когда хочет уйти от ответа, начинает петь.

– Ульяша, не скрывай... Что случилось? – тревожусь я.

– Отдыхай, детка, отдыхай. Ничего не случилось.

– Не верю! – неожиданно для самой себя выкрикиваю так громко, что кормилица пугается.

– Деточка...

– Говори, не молчи!

– Нет там куклы, – сознается Ульяна, – в усыпальнице. Я все сделала, как велела моя кровиночка. Но не нашла куклы. Может, мой свет, напутала что?

Я ничего не отвечаю. Да что я могу сказать? Что, спаси бог, эта кукла является ко мне еженощно с кладбища?

Ульяша сидит со мной до тех пор, пока не входит посланный за микстурой Антип. Кормилица заставляет меня выпить ложку. От горького питья становится немного легче, и я наконец-то проваливаюсь в тяжелый сон, в котором ко мне опять является страшная кукла. Другая. У нее не хватает рук. Ее тело слеplено не из воска, а сшито из лоскутов, которые я сначала принимаю за ткань, и лишь позже понимаю, что сшито оно из кусков кожи. Вместо стеклянных глаз у жуткой твари – черные провалы, волосы на голове шевелятся, будто черви, распахнутый рот утыкан густо тонкими и длинными, словно иголки, зубами. Чудовище! Такое ужасное, что я пытаюсь закричать и вскочить с кровати. Но я так слаба, что не могу пошевелиться. А кукла наваливается на меня и вгрызается мне в грудь острыми зубами. Не кровь она из меня пьет, душу...

* * *

Собиралась Ада так быстро, как никогда, умудряясь одновременно выполнять несколько дел: в душе одной рукой намыливала голову, другой – забывшись, повторно чистила зубы, потом так же одной рукой удерживала фен, а другой – намазывала на лицо крем. Торопливо, не смотря в зеркало, думая лишь о том, чтобы сделать все как можно быстрее. Не нанося макияж, она вылетела из ванной, по пути крикнув спящему гостю, чтобы вставал. Проигнорировав деловые костюмы и платья, вытащила джинсы и первую подвернувшуюся под руку майку и, не глядя, надела на себя. И лишь потом заметила, что майка оказалась сувенирная, с черным быком на желто-красном фоне и надписью Еспаса, купленная в Барселоне лет пять назад. Но не переодеваться же обратно, когда каждая секунда дорога!

– Эй, как там тебя? Встал? Я опаздываю! – недовольно гаркнула она из спальни. Из гостиной раздалось неразборчивое бурчание, и Ада, теряя терпение, вновь закричала: – Если сейчас же не встанешь, я вызываю полицию!

– Ну чего ты так нервничаешь? – в проеме показалась заспанная

физиономия парня. – Ого, отличный костюмчик! Дашь поносить?

Его глаза жадно загорелись при виде яркой майки. Фрик полностью показался в дверях, переступил ногами в шерстяных носках и причмокнул губами, рассматривая быка на груди девушки.

– Не твой размерчик, – отрезала Ада, отворачиваясь.

– Ну почему же не мой... Второй? – игриво приподнял он бровь.

– Я про майку! – вспыхнула она. – Идешь или вызываю полицию?

– А завтрак?

Ада демонстративно вышла в коридор и распахнула входную дверь, а затем достала из сумки мобильный. Гость намек понял и послушно потрусил к выходу.

Она торопливо заперла дверь. А когда развернулась к лестнице, парня на площадке уже не было. Может, он наконец-то отстал от нее? Но эта наивная надежда продержалась недолго: когда Ада спустилась во двор, увидела, что навязчивый «гость» стоит возле ее машины и насвистывает веселый мотивчик.

– Ты что, со мной собрался?

Он посмотрел на нее с таким негодованием и удивлением, будто слова девушки одновременно и поразили, и оскорбили его. Ответом Аду парень не удостоил, но красноречиво дернул на себя запертую дверь со стороны пассажирского сиденья.

– До первого угла довезу и высажу, – предупредила Ада. Если бы она так не торопилась, избавилась бы от этого Джека-или-как-там-его тут же. Нашла бы как. Но на споры времени не оставалось, поэтому она просто открыла машину и заняла свое место. Фрик проворно уселся, даже быстрее ее. Но долго возился с ремнем безопасности: то оттягивал, то обратно отпускал, разглядывал, словно диковину, пряжку и все никак не мог пристегнуться. У Ады закралось подозрение, что он вообще впервые увидел ремень.

– Оставь его, – не скрывая раздражения, бросила она.

– Не могу. Безопасность – превыше всего. Если со мной что случится, кто о тебе позаботится? – Пассажир наконец-то справился с ремнем. Но, даже пристегнувшись, еще раз подергал его, будто проверяя надежность замка.

– Много ты обо мне заботишься! – фыркнула она.

– Осторожно! – заорал тут же пассажир, потому что Ада чуть не въехала в зад резко затормозившей перед переходом машины.

– Не кричи! Ты мне действуешь на нервы.

Парень отвернулся к окну и загудел какой-то мотивчик.

- Послушай, ты не можешь сидеть тихо?
- Тебе не нравится, как я пою?
- Нет.

Он послушно оборвал мычание. Но тишина длилась недолго: его вниманием тут же завладела ручка настройки радио. И он принялся вращать ее туда-сюда, меняя частоты с раздражающей скоростью. То ли его не устраивал утренний репертуар, то ли развлекало то, как обрывались разговоры и песни, то ли просто нравилось крутить ручку. Ада стиснула зубы, чтобы не заорать. Если бы она не мчалась по уже переполненному шоссе в средней полосе, затормозила бы и высадила этого сумасшедшего, даже если бы пришлось выталкивать его пинками. Пусть катится своей дорогой!

Оттого, что она переживала из-за Писаренкова, и потому, что пассажир действовал ей на нервы, а она не могла сейчас избавиться от его общества, вела она машину нервно и неосторожно, то подрезая, то давая подрезать себя. Пару раз чуть не проскочила на красный свет, снова чуть не въехала в зад впереди идущей машины, три раза ей возмущенно посигналили, в ответ она громко послала сигналивших водителей по известному «эротическому» адресу. Обычно водила Ада так, как руководила фирмой: уверенно, хладнокровно, соблюдая правила, не ведясь на чужие провокации. А тут словно бес в нее вселился. Или на нее еще дополнительно влиял бык на футболке, пригнувший голову с серповидными рогами так, словно приготовился к атаке?

– Мамочки! – в какой-то момент не выдержал пассажир. – И кто дал этой женщине сесть за руль? Камикадзе в юбке, а не девушка!

Что он там еще себе бормотал под нос, Аду мало интересовало. Она уже искала возможность перестроиться из одного ряда в другой, чтобы подъехать к стоянке.

Фрика пришлось тащить за собой: не оставишь же его в машине? Но когда до крыльца с большим козырьком оставалось всего несколько шагов, парень вдруг остановился и попятился назад:

– Я не могу туда идти!

– Это еще что такое?! – возмутилась Ада, будто не она еще полчаса назад мечтала избавиться от его общества. – Давай без капризов! Или идешь за мной, или топай на все четыре стороны и на глаза мне больше не попадайся!

Ей стало почему-то боязно идти одной в это огромное, похожее на гигантский круизный корабль, здание. Не то чтобы больницы вводили ее в состояние уныния или вызвали неприятные воспоминания, нет, просто ей

чудился в этих учреждениях запах смерти. На кладбищах она его не ощущала, а в больницах – да.

Парень замялся, видимо, принимал сложное для себя решение и, тяжело вздохнув, так, словно его принудили выполнить неприятную работу, двинулся следом за Адой. Все то время, что они блуждали по коридорам, спрашивали, искали, он плелся в подавленном молчании, опустив голову и втянув шею в плечи. Ада, мельком глянув на своего спутника, решила, что у того с больницами связаны какие-то очень неприятные ассоциации. Может, и правда его долгое время держали в психушке, вот и действует на него так угнетающе больничная обстановка? В какой-то момент парень вдруг остановился, закрыл руками уши и с мученическим выражением лица помотал головой. Ада даже обеспокоилась: как бы не случился у него приступ. Не лучше ли было действительно оставить его на улице? Не хочется быть виновной в том, что парень съедет с катушек еще больше, чем уже есть, увы, на данном этапе его жизни.

Наконец-то после долгих поисков Аде удалось выяснить, где находится Писаренков. Но увидеть его так и не удалось. Информация о его состоянии оказалась скудной и тревожной: лежит с тяжелой черепно-мозговой травмой, в себя не приходил. Навещать пока нельзя.

Уходила Ада из госпиталя в еще более тревожном настроении, чем приехала. Ведя машину в полном молчании по направлению к офису, думала о том, что можно сделать для Сергея.

– Все будет хорошо, – вдруг сказал ее спутник. То ли экстремальное вождение Ады по дороге в госпиталь подействовало на него угнетающе, то ли больничная обстановка, но вел он себя теперь кротко: не язвил, не острил, не причитал.

– Спасибо, – машинально ответила Ада. – Надеюсь на это.

Один раз ей позвонил Сташков. Ада не стала вступать в долгий разговор, сообщила лишь, что скоро будет.

Когда она увидела, что парень, выйдя из машины на служебной стоянке, не пошел себе дальше по своим делам, а, похоже, собирается идти за ней в офис, не выдержала:

– Послушай, тебе что, идти некуда?! Чего ты ходишь за мной как привязанный?

Парень не смутился, пожал плечами и улыбнулся с видом простачка:

– Некуда. И ты права, я к тебе привязан.

– О господи, – закатила она глаза к небу, еще час назад ясному, а сейчас стремительно затягиваемому дождевыми тучами, – ну, сходи куда-нибудь, погуляй... Мне работать надо! Решать много дел, может быть, еще

куда-то поехать. Не знаю! Иди просто пройдишься... В кафе сходи! Или у тебя денег нет?

Фрик не ответил, лишь переступил обутыми в калоши ногами и опять пожал плечами.

– Наказание ты мое... На, иди посиди в кафе! – она вытащила из кошелька пару купюр и протянула парню. Тот деньги взял, но уставился на них с таким недоумением, будто не знал, что с ними делать.

– Ну, пока! – торопливо распрощалась Ада. Развернувшись, она с неприятно кольнувшим сердце чувством увидела, что за сценой наблюдают Сташков с женой Юлией. Не оглядываясь на своего спутника, не зная, ушел ли он или так и продолжает стоять с деньгами в руке, Ада заспешила к крыльцу.

– Ого! – вместо приветствия воскликнул Сташков и усмехнулся как-то так нехорошо и пошленько.

– Игорь, нужно поговорить, – сказала Ада, опережая его комментарии, которые ей не хотелось выслушивать. Но это не спасло ее от удивленного восклицания Юлии:

– Впервые тебя вижу в такой... одежде.

Юля невольно замялась, подбирая слова, так что стало понятно, что ни подобные футболки, ни джинсы она приличной одеждой не считает, и Ада в таком одеянии уронила себя в ее глазах. Юлия даже дома носила высокие каблуки и платья, похожие на вечерние, с декольте и в пол.

– Некогда наряжаться было, – буркнула Ада, которую неожиданно разозлила эта нейтральная реплика. Ей показались совершенно неуместными замечания по поводу ее внешнего вида в то время, когда случилось несчастье с одним из близких людей.

– Я ездила в больницу, – сказала она с вызовом, проходя мимо Игоря и его жены к двери.

– И как он? – из этого вопроса стало ясно, что Сташков в госпиталь не ездил.

– Плохо.

– Мне очень жаль, – промямлил Игорь, словно не нашел других слов, кроме банальностей. А Юлия, в отличие от него, ахнула и обрушила на Аду целый ворох вопросов о Писаренкове, Ада пересказала слова доктора и добавила от себя:

– Надо решить, как помочь Сергею. Мне сказали, что перевозить его нельзя, так что пока он останется в том госпитале.

– Это не самое худшее место! – воскликнула Юлечка. – Брат моей подруги как-то лежал там тоже с черепно-мозговой травмой, правда, не

такой тяжелой. Получил на дискотеке, вступился за девушку. Кстати, они потом с нею еще долго встречались, года два или три, не помню. А расстались...

– Юля! – вовремя оборвал жену Игорь, зная об особенности той долго говорить о не относящихся к делу вещах, вспоминать ненужные детали и лишь ей известных людей.

– Ада, больница, в которой лежит Писаренков, хорошая: Сергея там поставят на ноги. Но мы со своей стороны тоже сделаем все возможное, чтобы ему было комфортно. Палату отдельную, врачей всех нужных привезем, сиделку и все, что необходимо.

– Спасибо, – ей нужно было услышать как раз такие слова. Только сейчас она поняла, как ей не хватает Писаренкова, что он и Игорь стали для нее практически семьей – братьями родными.

– Как это случилось, Игорь? Знаешь?

– Мне позвонили утром: мой номер оказался последним в списке исходящих в мобильном Писаренкова. Я спросил, как произошло несчастье. И мне рассказали, что Сергей возвращался откуда-то поздно, поставил автомобиль на стоянке неподалеку от дома и стал переходить дорогу. Там его и сбила машина. Какая – неизвестно. Водитель скрылся с места аварии, свидетелей пока не нашли. Сергея обнаружил на обочине дороги один из собачников, тех, которые выводят своих питомцев поздно ночью. Он и вызвал «Скорую». Вот и все, что мне стало известно.

– В каком часу это произошло? – спросила Ада, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал ровно, не дрожал.

– Не знаю. Обнаружили Сергея где-то в два ночи, а сколько он там пролежал...

– А тебе позвонили уже утром.

– Ну да...

– Ясно, – рассеянно ответила Ада. Выяснив все, что можно, она захотела остаться одна, даже говорить о делах ей показалось сложным.

– Игорь, мне нужно сделать несколько звонков, – сказала она, хлопнув ладонями по столешнице. К счастью, зам понял: встал и потянул за собой свою жену.

– А что это за мужик такой странный с тобой был? – не утерпела любопытная Юлечка, задержавшись на пороге.

– Городской сумасшедший. Милостыню просил, – сказала Ада первое, что пришло в голову.

– Да? А я видела, как он из твоей машины вылез.

– Тебе показалось! – уже довольно грубо, не скрывая раздражения,

ответила Ада. Юлечка надулась и наконец-то вышла из кабинета. Поднявшее было голову чувство вины Ада успокоила тем, что Юля отличалась не только любопытством, но и длинным языком: разнесет сплетни со скоростью ветра, снабдив придуманными подробностями. И так уже наверняка придумала целую историю на основании того, что увидела, как из машины Ады утром выходил мужчина. Стоит ли подкидывать дров? На работе у мужа Юля появлялась редко, но все же появлялась. Свои визиты никак не объясняла, а Ада не считала нужным указывать Игорю на то, что офис – не место для семейных встреч: не хотелось с ним обид и конфликтов на этой почве. Благо Юлечка приходила не так уж часто и «гостила» недолго. Ада подозревала, судя по ревнивым взглядам Юли, которыми та провожала каждую молодую сотрудницу, что жена Сташкова наведывается сюда «с проверкой»: не завел ли ее привлекательный муж служебный роман? «Юля, не волнуйся, Сташков крутит романы лишь с работой! – как-то в приватной беседе пошутила Ада. – И я, если что, за ним пригляжу!»

Когда она закрыла за Юлией дверь, оставленный на столе мобильный заиграл мелодию, звуки которой по старой привычке заставили сердце екнуть. Борис.

– Алло? – ответила она, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно и даже немного равнодушно.

– Привет. Что там с Писаренковым? – сразу спросил он. Ада рассказала, после чего Борис ожидаемо поинтересовался:

– Моя помощь нужна?

– Мы справимся, – отрапортовала она, подумав, что их диалог слишком напоминает деловой: возникла проблема, но она обещает Большому Боссу взять все в свои руки и «разрулить». Привычка.

– Я на тебя рассчитываю, – ответил Борис так, словно речь и правда шла о рабочей ситуации. Аде стало вдруг горько, как после полынной настойки: что они и в самом деле... Речь идет о человеке, очень важном человеке, незаменимом, ценном. Друге. От чувства бессилия, от равнодушия, сквозившего в голосе Бориса, будто ему на самом деле не так уж и важно случившееся, от прохладно-делового обращения к самой Аде ей захотелось завывать. Или закричать. Или просто отключить телефон, чтобы больше не слышать тона Бориса.

– Как ты? – так же прохладно-безразлично осведомился он.

– В норме! – разозлилась она, внезапно пожалев о проведенном с ним вчерашнем дне. – Борис, у меня звонок на другой линии.

– Ну, беги, работай, – в его голосе все же послышалась теплота. Но

Ада, боясь принять в дар троянского коня, торопливо отключила вызов.

День она провела, стараясь максимально загрузить себя привычными делами и хлопотами. Звонила, принимала звонки, отдавала распоряжения, проверяла отчеты. Ее привычная рутина. И все же сконцентрироваться было сложно: ее мысли то и дело непокорными лошадками сворачивали с протоптанной дороги и начинали гарцевать по зарослям безответных вопросов. Кто сбил Писаренкова? Надо же было произойти несчастьем именно в тот момент, когда она так нуждалась в помощи Сергея! И что случилось с Вовчиком? В его самоубийство Ада категорически не верила. Кто прислал ей ту страшную куклу? И что такое было вчера в ее квартире? Что вообще происходит?! И посоветоваться не с кем. Ада вдруг поняла, что всего с двумя людьми могла бы поговорить на эту тему: с Писаренковым и, как ни странно, с фриком.

Два раза она выходила из офиса под каким-то предлогом, но на самом деле желая увидеть, не вернулся ли ее странный спутник. Но его не было, и Ада начала испытывать беспокойство и стыд, чтобы избавиться от этих чувств, старалась убедить себя в том, что парень просто наконец-то ушел по своим делам. Получил деньги и ушел.

И все же ей было беспокойно, так, словно должно было случиться еще что-то страшное, новое несчастье.

Фрик не пришел к офису и к тому времени, когда она закончила работать. Видимо, и правда отстал от нее. Но вместо того чтобы вздохнуть с облегчением и обрадоваться, Ада расстроилась. Даже диск с любимой музыкой, который она частенько слушала в машине по дороге с работы, не помог ей справиться с тревогой. Вернулась она домой смертельно уставшей и сразу, не вовлекаясь в мелкие вечерние хлопоты, не ужиная, отправилась в ванную.

Изменяя своей привычке принимать быстрый душ из экономии времени, Ада наполнила ванну и выпустила в горячую воду добрую порцию шампуня.

Шампунь был травяной, и ванная комната тут же наполнилась запахом летних лугов, вызвав полустертые воспоминания из детства, когда их из интерната водили на редкие прогулки в поселок. Часть пути лежала через луг, который, разогретый жарким летним солнцем, благоухал запахами медовых трав. Это воспоминание было одним из немногих теплых, которые сохранились об интернате, но оно потянуло за собой ниточку других, свежих: о несчастном Вовчике и его отчаянной просьбе вспомнить события той трагической ночи. Расслабиться не получалось.

Ада села в ванне и потерла пальцами виски, так, словно ей нужно

было продумать до мельчайших деталей предстоящую сделку, чтобы не сделать ни одного неверного шага.

Что она имеет? Цепь загадочных самоубийств бывших соседок по комнате. «Суицид» Вовчика подтверждает его же версию о том, что расправа учинена не просто над воспитанниками интерната, соседками по комнате, а именно над теми, кто стал косвенным свидетелем ночной трагедии в закрытом крыле здания пятнадцать лет назад. Интересно также, имеет ли значение очередность жертв (и в таком случае, возможно, Аду оставили последней, как «на десерт», потому что именно она оказалась в комнате с Раей) или выборка случайна? И чем дольше Ада размышляла, тем больше склонялась к версии, что за всеми этими «самоубийствами» стоит месть. И мстит, скорее всего, тот, кто имел отношение к погибшей Рае. На ум приходил лишь один человек – отец девочки. В таком случае объясняется, почему некто мстит бывшим воспитанникам спустя пятнадцать лет: отец-преступник отбывал срок, а когда вышел на свободу, принялся расправляться с теми, кто был с его дочерью в ночь трагедии. К тому же человеку, тесно связанному с криминальным миром, отсидевшему значительную часть своей жизни в тюрьмах, наверняка не так уж сложно «организовать» жертве «несчастный случай» или «суицид».

Ада от волнения даже слегка подпрыгнула на месте, при этом часть воды из наполненной почти до краев ванны выплеснулась на пол, но она даже не обратила на это внимания. Не возникла ли подобная версия и в голове Вовчика, раз он просил так настойчиво вспомнить события той ночи? Надеялся убедить отца-мстителя в своей невиновности в гибели его дочери?

«Подарок»-кукла тоже укладывается в эту цепь: как намек именно на ту ночь. Правда, что делать со странной запиской Вовчика, которая осталась у Писаренкова, Ада не знала. Текст будто писал душевнобольной человек. Как же ей не хватает Сергея! Он бы докопался до истины. Нашел бы все, что нужно, на отца Раи. Защитил бы Аду. Впрочем, офисная служба безопасности без начальника не прекратила свою деятельность, можно обратиться к кому-нибудь из сотрудников.

Вода в ванне остыла. Ада выдернула пробку и протянула руку к крану с горячей водой. И в это время в коридоре раздался звук, как будто упал на пол тяжелый шарик и покатился, а затем кто-то тихонько поскребся в закрытую дверь ванной. Ада так и замерла, настороженно прислушиваясь и не в силах пошевелиться. Кто-то проник в ее квартиру? Может, вчерашний ночной гость, потому что она опять забыла запереть дверь? Но нет, Ада помнила, как закрывала замок, даже цепочку накинула, хотя обычно

пренебрегала ею. Мышь? Пусть лучше мышь! Грызунов Ада не боялась и искренне не понимала, что находят страшного в этих мелких зверюшках другие.

Шум не повторился, и она почти успокоилась. Отвернула, как и хотела, кран с водой и встала под душ. Наскоро вымывшись, завернулась в банное полотенце и вышла в коридор. Но, сделав первый шаг, наступила на что-то не острое, но мелкое. Она вскрикнула – не от боли, а от неожиданности, и присела, чтобы поднять с пола какой-то шарик. Шарик оказался глазом – искусственным. Ада вскрикнула и выронила его. Глаз со стуком упал на пол и закатился за обувной шкафчик. И только уже чуть позже, придя в себя после испуга, Ада поняла, что глаз остался от той куклы, которую ей прислали вчера.

Но кто его уронил раньше, когда она была в душе? Кто скребся в дверь – сегодня и вчера? Кто?

Ада попятилась в ванную и схватила спрятанный за умывальником вантуз. Не бог весть какое оружие, но может и сгодиться в качестве средства самообороны. И так, выставив вперед палку с резиновой «нашлепкой», она, крадучись, обошла всю квартиру. Прежде чем входить в каждую комнату, Ада торопливо нащупывала выключатель и зажигала свет. Но, похоже, в ее владениях никого не было. И этот факт не столько успокоил ее, сколько, напротив, напугал: Ада предпочла бы встретиться лицом к лицу с грабителем, живым, из плоти, чем гадать, кто производил в квартире напугавший ее шум.

Ада оставила зажженным свет во всех помещениях и включила музыкальный центр, чтобы развеять эту тишину, от которой она теперь ожидала подвоха. Под бодрую речь радиодиджея занялась приготовлением легкого ужина – не потому, что хотела есть, а чтобы занять себя привычными делами. Кто бы из тех, кто знал ее, поверил в то, что «железную» Аду способен до такой степени напугать необъяснимый шум в квартире?

Она затеяла сложное блюдо: мясо с особым «французским» соусом, который требовал щепетильности и внимания в приготовлении. Расчет оказался верным: увлекшись готовкой, она успокоилась. Соус получился именно таким, как требовалось: не пригорел, не застыл комочками, приобрел нужную однородную консистенцию, чего не всегда удавалось добиться. И повариха сочла это добрым знаком. Помнится, когда-то в детстве тетка ее «загадывала» на пироги: если подойдет замешенное тесто, если не осядут в печи изделия, то и задуманное дело выйдет удачно, а если тесто не поднималось или пироги подгорали, то и удачи ждать не следует.

Ада тогда посмеивалась над теткинскими суевериями, но потом сама, много лет спустя, иногда так «гадала» на соусе.

– Ну что ж, все будет отлично! – бодро провозгласила она, снимая кастрюльку с огня. И вдруг будто кто-то толкнул ее под локоть, посуда вылетела из рук, и содержимое выплеснулось на пол, заляпав заодно и стены. Ада даже не смогла выругаться, лишь закрыла руками рот и замерла, в растерянности глядя на жирную оранжевую лужицу. «Дерьмо дело», – подумала она, имея в виду и свои дела, и суеверия, и перспективу долгого отмывания кухни от соуса. Но не успела сделать и шагу, как лампочка моргнула, и свет погас во всей квартире. Тут уже Ада не сдержала крепкого словечка. Бросив взгляд в окно, убедилась, что двор все так же освещен и окна соседнего дома – тоже, значит, к счастью, причина не в аварии на станции, а в вырубленных пробках. Держась за стол, чтобы не поскользнуться, если случайно наступит на разлитую жидкость, она осторожными шагами приблизилась к шкафчикам и присела рядом с тем, в котором держала хозяйственные принадлежности. Вчера, помнится, брала из него фонарик и затем положила на место.

Она шарила руками в ящике, но, как назло, никак не могла нащупать нужное. Ей попадались разные мелочи, обо что-то она больно уколола палец, и в этой лихорадочной суете не сразу расслышала уже знакомое ей шкрябанье, только на этот раз уже не в дверь, а так, словно кто-то водил чем-то твердым по кухонной стене. От ужаса у Ады занемел затылок. Девушка нащупала в ящике гладкую ручку молотка и крепко вцепилась в нее, после чего медленно повернула голову на шум.

– Кто здесь?

Неприятный звук стих, но после короткой паузы вновь возобновился, на этот раз уже где-то совсем рядом с Адой: протяни она руку – и, глядишь, коснется того, кто царапает стену. Ада покрепче перехватила молоток и вытащила руку из ящика.

– Кто вы?! – выкрикнула она, понимая, что от страха не может даже встать на ноги. Звук вновь смолк, но по кухне вдруг прошел сквозняк, как будто распахнулось окно. До Ады донесся странный запах, который, словно преломленный через призму свет, разложился на спектры: девушка различила запах сырости, земли, свечей и еще один, неузнаваемый, но отвратительный, сладковато-кислый. И следом за этим она почувствовала, как что-то холодное и скользкое коснулось ее руки, ужом поползло от кисти к локтю. От отвращения Ада не могла даже закричать, задергала рукой, желая стряхнуть «ужа», но омерзительное ощущение не исчезло. «Уж» добрался до ее плеча, обвился вокруг шеи, коснулся губ: от нахлынувшей

вони Ада едва не задохнулась. Выпустив из рук молоток, она попыталась избавиться от того, что душило ее, но не обнаружила никакой «удавки», пальцы коснулись собственной кожи. Но тем не менее что-то продолжало сдавливать ее горло. И вдруг «тиски» разжались. Ада закашлялась, но, не мешкая, вскочила на ноги и побежала к входной двери. Едва не упала на разлитом соусе, но вовремя ухватила за край стола. Вперед! На площадку, вон из квартиры, на свет, к людям, подальше от опасности!

Но это оказалось так мучительно непросто – убежать. Едва Ада достигла двери, как нечто навалилось на нее сзади, неведомая сила пыталась оттащить ее от выхода. А когда Ада протянула руку к замку, чтобы нащупать ключи, что-то сильно и больно ударило ее по кисти – девушка вскрикнула и непроизвольно отдернула руку. И в то же мгновение связка ключей выпала на пол. Ада попыталась присесть, но та же сила, что оттаскивала ее от двери, не давала сделать и этого – девушку будто подхватили под мышки и тянули теперь вверх. Ада активно задвигала локтями и задергалась всем телом, пытаясь высвободиться, и в какой-то момент вырвалась из невидимых объятий. Упав на пол, она отчаянно зашарила в темноте ладонями по паркету в поисках ключей. Но в тот момент, когда она наконец-то нащупала искомое, связку выдернули прямо из-под ладони, расцарапав бороздкой ключа палец. С тихим звяканьем связка «поползла» от нее, словно кто-то тащил ключи на веревочке.

– Гадина! – выругалась Ада. В стремительном броске она кинулась на пол и накрыла ладонью ключи. Сжав их в кулаке так крепко, что бороздки больно вдавились в ладонь, бросилась вновь к двери и каким-то чудом умудрилась попасть ключом в замок. Ей даже удалось сделать два оборота и рвануть дверь на себя. И тут что-то с силой ее толкнуло, а потом обожгло – не снаружи, а будто изнутри. Ада закричала от боли и потеряла сознание.

– Дамочка! Эй, дамочка?

Раздражающее ли обращение привело ее в чувство или довольно увесистые пощечины – не суть важно. Главное, что Ада пришла в себя, рывком села, так, что чуть не ударила лбом по лицу склонившегося над ней фрика, и возмущенно закричала:

– Ты где был?!

– Как где? – отпрянул парень и растерянно заморгал. Видимо, ожидал от девушки совсем другой реакции: что она начнет оглядываться по сторонам, пытаясь вспомнить и понять, почему лежит на площадке на коврике возле своей квартиры, задавать вопросы. Да что угодно! Но никак не набрасываться на него с интонациями ревнивой жены, с которыми та

встречает задержавшегося муженька.

– Гулял, – ответил он простодушно.

– Гулял он! – буркнула Ада.

– Сама же меня отправила! – опомнился фрик. – Вы уж определитесь, чего вам желается, дамочка.

Последнее слово молодой человек не произнес, а процедил, раскатав на языке презрительно «д». «Д-дамочка». Прозвучало очень обидно. Особенно в свете того, что он опять перешел на «вы». Ада еле сдержала едкое замечание, что в первую очередь определиться надо ему: то «тыкает», то «выкает». Но смолчала. Наконец-то огляделась по сторонам и задала уместный в подобной ситуации вопрос:

– Что я здесь делаю?

– Лежишь, – пожал плечами фрик, опять переходя на «ты». Сам поднялся на ноги, но Аде помочь встать и не подумал. Отошел в сторонку и сунул руки в карманы шаровар, с прищуром рассматривая девушку. Ситуация, похоже, забавляла его.

– Я вижу, что лежу! Почему я тут лежу?!

– А я откуда знаю. Видимо, захотелось.

– Идиот! – выругалась Ада, поднимаясь и отряхивая одежду. Как-то все шло не так, неправильно. Мало того что, когда его помощь на самом деле понадобилась, ушел гулять. Так еще и сейчас, вместо того, чтобы выразить сочувствие, повести себя по-джентльменски, руку хотя бы подать, хамит. Или все дело, вежливость то есть, в шляпе? Выкинул головной убор мушкетера – вместе с ним избавился и от культурных манер.

Ее оскорбление молодого человека не задело, а, наоборот, развеселило: он широко улыбнулся. Ада едва сдержала готовое сорваться с языка ругательство: надо держать себя в руках, не показывать своего раздражения, потому что это типчика, похоже, только забавляет.

Спрашивать у него, что произошло, не имеет смысла. Не ответит. Но Ада и сама все вспомнила. Похоже, ей удалось выбежать из квартиры, и потом уже, на площадке, она потеряла сознание: от страха ли, от удара или чего-то еще, неизвестно. А этот, кто «просто гулял», тут ее и нашел.

Нужно возвращаться в квартиру, пока не выглянул кто-нибудь из любопытных соседей. Ада протянула ладонь к дверной ручке и поняла, что вся ее решимость лопнула мыльным пузырем. Ей страшно. Не вышло бы из нее героини приключенческих романов: авантюры ее не привлекают, шорохи и темнота пугают. Это только с виду она такая храбрая, безэмоциональная, холодная, «железная», а на самом деле...

– Ну, чего стоишь? – буркнула она нарочито грубо, обращаясь к

парню. – Пошли, что ли?

И кивнула, приглашая с собой. Снисходительно так кивнула, но на самом деле ужасно боясь того, что он откажется пройти за ней в квартиру. И тогда возвращаться придется одной – к тому, что там затаилось, невидимому, но от этого еще более пугающему. Если бы она знала, что такое поселилось в ее жилище, ей бы не было так страшно.

К счастью, уговаривать парня не пришлось. Он беспечно пожал плечами и направился за хозяйкой. Ада распахнула дверь и остановилась на пороге так резко, что идущий следом молодой человек налетел на нее.

– Что случилось?

– Свет, – ответила девушка неожиданно шепотом. – В квартире не горел свет. А теперь он есть. Везде, где я его зажгла.

– И что в этом страшного?

– Ты не понимаешь, – обреченно махнула она рукой. Что ему пытаться объяснять? Только время терять. Ей от него нужно лишь одно сейчас – чтобы он побыл с ней тут до утра. Потому что иначе она не останется в своем же доме, выйдет на улицу и будет бродить во дворе, ожидая рассвета.

– А ты объясни, и я пойму, – произнес парень неожиданно другим тоном – серьезным, без дурачества и иронии. Так, словно сказал это уже совсем иной человек.

– Вряд ли тебе будет интересно, – отмахнулась Ада.

Первым делом она направилась на кухню: там все и началось. Со страхом нужно бороться, встречаясь с ним лицом к лицу. Пугает всегда то, что притаилось за спиной.

Гость вошел за ней следом. Заметив разлитый на полу соус, присел, макнул палец в липкую жижу и лизнул.

– Вкусно... было. Жаль, что разлился. Готовишь ты, похоже, куда лучше, чем водишь машину.

При виде разлитого соуса настроение у Ады испортилось еще больше: и ужин загублен, и отмыть кухню будет не так-то легко. Она с хмурым видом прошла к мойке и, открыв дверцу, достала упаковку хозяйственных тряпичных салфеток.

– Присоединяйся, – протянула она парню одну из тряпок, – отработывай ночлег.

– Если бы еще и накормила. В сказках Баба-яга добру молодцу не только ночлег, но и еду предлагает.

– Не тянешь ты на добра молодца, – огрызнулась Ада, мстя за «Бабу-ягу», – только на Иванушку-дурачка.

Парень засмеялся, показывая крепкие белые зубы. Похоже, ее попытки

уязвить его никак не достигали цели, наоборот, смешили. Он взял из пачки одну тряпку, опустился на колени рядом с лужей и принялся собирать жирный соус.

– Рассказывай, что тут произошло, – сказал он. – Скрась уж нудную работу веселой сказочкой.

– Не такая уж веселая сказочка, – пробормотала Ада, оттаивая, потому что парень не отказал ей в помощи. – Даже не знаю, с чего начать.

– С начала.

За то время, что они убрали кухню, Ада успела рассказать не только о случившемся этим вечером, но и о той ночи в интернате. Умолчала лишь о том, что подозревает себя в гибели Раи.

– Занятная история, – прокомментировал «Джек», когда она закончила. – Кстати, могу с уверенностью сказать, что в квартире все чисто. Вчера эта нечисть тут была, сегодня – уже нет. Так что можешь спать спокойно.

– Ты уйдешь? – невольно вырвалось у Ады. И она тут же устыдилась слишком явно прозвучавшего в голосе беспокойства. Еще поймет ее неправильно.

– Накормишь – не уйду, – улыбнулся он, усаживаясь за стол. – Еще было бы любопытно взглянуть на твои художества.

Ада принесла ему на кухню папку и занялась приготовлением незатейливого ужина. Пока она нарезала хлеб и ветчину для бутербродов и заваривала чай, гость успел внимательно рассмотреть все рисунки. Один из них, с густой штриховкой, даже посмотрел на свет. При этом его лицо приняло хмурое выражение, будто парень углядел на листе что-то, очень ему не понравившееся. Ада не отвлекала его вопросами. Только когда бутерброды и чай были уже готовы, предложила ужинать. Не бог весть какое угощение, но гость умял его в три счета, сама же Ада пила лишь чай и украдкой рассматривала парня.

Если не брать во внимание его слишком уж экстравагантный вид, подводку на нижних веках и спутанные в дреды волосы, без сомнений, он был привлекательным. Она не любила штампы в описаниях, но в этот раз не смогла бы обойтись без избитого определения «порода». В лице парня присутствовала та самая пресловутая порода. Но, однако, черты его не были классически правильными. В его лице, казалось, собралось все лучшее от нескольких рас: европейские черты сочетались с восточными, создавая свой оригинальный «орнамент». Его предками наверняка были как римские полководцы, так и предводители ацтеков, от одной из его прабабок, китайской принцессы, возможно, и достались высокие скулы, а

от испанских завоевателей – большие глаза и смуглый цвет кожи. Рассматривать его лицо было интересно, словно читать увлекательную книгу: какие истории любви и ненависти его предков скрываются за этим смешением кровей, какие пути проделаны с одного континента на другой, с каких земель его прапрадеды были изгнаны, а какие – ими же покорены. Откуда он пришел, этот странный парень, который рядится в нелепые тряпки, чтобы создать обманчивое впечатление городского сумасшедшего, который подводит глаза, чтобы отвлечь внимание от своего настоящего взгляда – не простачка, а человека, много повидавшего? Он выдал свой истинный взгляд ранее, не мог скрыть его и сейчас, когда погрузился в изучение рисунков, чем-то его встревоживших. Если бы парень не выглядел так молодо, Ада, судя по его мудрому, спокойно-проницательному взгляду, могла бы подумать, что перед ней – наделенный огромным жизненным опытом старик.

– Ты ложись спать, а я тут посижу, подумаю, – оторвался он от папки. Ада поспешно, смутившись, отвела глаза: не хватало еще, чтобы заметил, что она его рассматривает.

– Я постелю тебе опять на диване.

– Не утруждайся – вряд ли этой ночью я буду спать. Впрочем... – улыбнулся он, поднимая на нее глаза цвета янтаря. – Сегодня тебе ничто не угрожает, так что, пожалуй, немного отдохну.

Ада отправилась готовить гостю постель, но на пороге оглянулась:

– Если вдруг надумаешь уйти, разбуди меня.

– Не уйду, – усмехнулся он. – И не бойся, этой ночью будешь спать, как у Христа за пазухой.

– Я не боюсь, – смутилась девушка оттого, что он угадал истинную причину ее беспокойства: хотя она и пригласила его, но все же ему не доверяла.

Парень не ответил, лишь посмотрел на нее с загадочной, мало что объясняющей улыбкой и вновь принялся разглядывать рисунки.

Ада постелила ему на диване, затем достала из шкафа чистое банное полотенце и положила сверху покрывала.

– Я все тебе приготовила, – сказала она, заглянув на кухню. – Постель готова, ванная – там. Если что, спрашивай.

– Разберусь сам.

Ада одобрительно кивнула, пожелала ему спокойной ночи и зашла в ванную – почистить зубы.

Когда она вытирала полотенцем лицо, что-то в ее отражении в зеркале ей показалось странным. Не ее, чужим. Неправильным. Ада медленно

повесила полотенце на крючок и приблизила лицо к зеркалу. Все вроде на месте. Ничего на первый взгляд не изменилось, и все же... Все же что-то ее обеспокоило в собственном облике.

Глаза! Глаза у нее вдруг стали одного цвета – светло-зеленого. Да, она носила линзы, чтобы сделать цвет глаз одинаковым, но свой выбор давно остановила на синих. Зеленым был у нее левый глаз, но не такого цвета, какой она сейчас видела в зеркале, – настоящий, природный был теплого оттенка, сейчас же оба глаза у нее были прозрачно-зеленые, холодные.

Она вышла из ванной и покосилась на кухонную дверь: сказать или нет своему гостю об этом странном изменении в ее внешности? И так ли это важно? А может, это всего лишь причуды освещения, игра теней в ванной – и все ей просто показалось?.. Ада решила дожидаться утра, чтобы при дневном свете увидеть истинное положение дел.

Гость не обманул ее: уснула Ада, несмотря на потрясения минувшего дня, быстро и проспала до утра крепко, без сновидений. Когда парень разбудил ее за полчаса до звонка будильника, проснулась легко, отдохнувшей и полной сил.

– У нас мало времени, не будем его терять, – сказал он ей вместо доброго утра. И, словно не желая смущать ее своим присутствием, торопливо вышел. Ада накинула халатик и отправилась умываться.

В зеркало она взглянула не без боязни: не отразит ли оно опять несвойственный ей цвет глаз? Но нет, все оказалось в порядке: один глаз – синий, другой – зеленый. Девушка вздохнула с облегчением и решила, что все дело оказалось действительно в игре света и теней.

Перед гостем она появилась уже при полном параде: одетая в деловой костюм, с легким макияжем и уложенными волосами. Парень дождался ее на кухне. К ее приходу он успел сделать себе трехэтажный бутерброд из колбасы, сыра и... джема. Ел он такой необычный бутерброд с самым обычным видом: то ли привык к такому вкусовому сочетанию (что вполне могло быть – с его-то любовью к экстравагантности), то ли настолько погрузился в свои раздумья, что не замечал того, что ест. Перед ним на столе лежала раскрытая папка, и он опять изучал рисунки Ады.

– Есть какие-нибудь идеи? – сразу перешла девушка к делу, пропуская обязательно-вежливые вопросы, которые следовало бы задать гостю: как ему спалось, не нужно ли ему чего-нибудь? Парень оторвал взгляд от рисунка и посмотрел на Аду. Что-то в ее облике ему, видимо, не понравилось, потому что он нахмурил черные брови.

– На твоём месте я бы выбрал одеяние поудобней. В этом, – кивнул он на юбку-карандаш, – бегать будет неудобно.

– А мы будем бегать? – прохладно спросила Ада. Прошла к плите и достала из ближайшего навесного шкафчика турку: время еще есть, можно неторопливо сварить хороший кофе.

– Не знаю, но на всякий случай надо быть готовыми, – ответил парень и вновь уткнулся в бумажный лист.

– Я не собираюсь бегать, я собираюсь работать. Как обычно.

– Я бы на твоём месте изменил планы, – спокойно ответил молодой человек. – Но выбирай сама: либо отправляешься в офис и работаешь там... ну, может день. Два – если повезет. Приводишь все дела в порядок перед отбытием в мир иной. Или сама себе даешь выходной и разбираешься со всем, что на тебя свалилось. И тогда выигрываешь жизнь. Долгую. Если, конечно, не будешь водить машину так, как вчера.

– Либо так, либо так? – сощурилась Ада.

– Да, либо так, либо так. Решать – тебе. В первом случае я раскланиваюсь, благодарю за ночлег и удаляюсь: моя миссия окажется оконченной, хоть и не выполненной. Но это уже будут, как говорится, мои проблемы. Во втором – я остаюсь с тобой.

– Сомнительное удовольствие, – хмыкнула Ада. – Я бы выбрала работу.

– Какой скучный конец, – скривился гость. – Последний день своей жизни посвятить работе... Мрак!

– А что бы сделал ты? – заинтересовалась вдруг Ада и отставила турку.

– Ну, явно бы не стал тратить этот день на работу и на изжитые отношения, – он вдруг усмехнулся так, что Ада похолодела: неужели ему известно о ее последней встрече с Борисом? Да нет, бред, откуда? Просто его слова так точно попали в яблочко. Случайно.

– Случайностей не бывает, – произнес вдруг гость с задумчивым видом.

– Это ты к чему?

– Ни к чему. Так просто. Напоминание тебе.

«Все же он не совсем нормален... Вернее, совсем ненормален», – подумала она, а вслух напомнила:

– Итак, чему бы ты посвятил последний день?

– Кофе. Вначале бы выпил отличного кофе, – бросил он намекающий взгляд на забытую на столе турку. Ада усмехнулась и засыпала в нее молотого кофе.

– А еще? Ограбил бы банк, высказал нелюбимому начальнику все, что накопело на душе?

– Как бездарно! Нет.

– Значит, провел бы день с любимыми...

– Я бы отдал этот день тем, кто действительно нуждается в чем-нибудь обществе, – перебил ее гость. – Одинокой старухе, которой есть что рассказать, но некому ее выслушать. Бездомному псу, который желает подарить свою бескорыстную любовь и преданность приютившему его человеку. Сироте, который мечтает о родительской заботе. Я бы подарил свой последний день им.

– А брошенной любимым мужчиной женщине? – вдруг вырвалось у Ады. И она тут же устыдилась своего вопроса: еще подумает, что она навязывает ему свое общество, давит на жалость. Хотя... Это кто кому еще навязался?

– Брошенная женщина не так одинока и несчастна, как думает, – ответил он ей с мягкой улыбкой, без ноток высокомерия в голосе. Так, словно любящий отец или мудрый старший брат. Или священник – прихожанке. – В обиженной женщине скрывается такой потенциал, с каким она способна мир перевернуть, разрушить и вновь отстроить. Если не мир, то пару-тройку личных мирков точно.

– Ты так говоришь, будто брошенная женщина – не человек, а сверхмощная атомная бомба.

– А разве не так? – усмехнулся парень. – Нет, брошенная женщина не так несчастна в своем одиночестве, как старуха, пережившая своих близких. Или ребенок-сирота. Или бездомный пес. Вот кто по-настоящему слаб и незащищен.

– Я тебя поняла, – ответила Ада сухо и отвернулась к плите, чтобы скрыть от этого странного человека то, что его слова затронули ее. – Кофе сейчас будет готов. Тебе со сливками, с сахаром?

– И того, и другого. И побольше.

– Из какого же голодного края ты пришел? – пошутила она, вновь разворачиваясь к нему.

– И не спрашивай, – вздохнул он неожиданно серьезно.

За завтраком Ада поинтересовалась у гостя, есть ли у него какой-нибудь план. Судя по всему, накануне он собирался провести ночь в раздумьях. Но ответ парня, сопровождаемый лучезарной улыбкой, ошарашил ее:

– Никакого!

– То есть?.. – Она поставила на стол чашку с кофе, которую поднесла было к губам. Если честно, ожидала, что он предоставит ей если не готовый ответ на все вопросы, то хотя бы план действий. И хотя она во

всем привыкла рассчитывать на себя и планы тоже составляла сама, на этот раз как-то неожиданно для себя переложила часть ответственности и руководство на плечи мужчины. Пусть и такого странного, но мужчины – воина, защитника, головы, – очень уж убедительно прозвучало вчера его обещание «подумать и разобраться», да еще просьба ничего не бояться. Она рассчитывала, что он, как Писаренков, бросится землю рыть, чтобы выдать ей обработанную информацию и предложить как минимум пять решений. И что же получается?.. Но если первый ответ гостя Аду обескуражил, то последующий вообще оказался ударом под дых:

– Я тебя лишь защищаю. А разобраться во всем придется тебе самой.

– Нужен мне такой... защитник, – обиженно буркнула она. А парень лишь рассмеялся и подвинул ей папку:

– Думай! Ты у нас дамочка сообразительная, вон какой фирмой руководишь. Принимай это как новое упражнение для мозгов и памяти.

– Хорошо же упражнение! – дернула она плечом. – А ты, значит, при мне такой безмозглый бодигард. Да и сомневаюсь, сможешь ли ты, если что, выполнить функции охранника: комплекция не та.

Она рассчитывала если не обидеть, то уж поставить на место этого человека своими словами. Но он лишь показал в улыбке белоснежные зубы и попросил добавки кофе.

– Сам нальешь!

Парень беспрекословно встал, наполнил свою чашку кофе и, услышав, как Ада процедила себе под нос «и без тебя справлюсь!», весело заметил:

– Я же говорил, что брошенная женщина обладает удивительным потенциалом. Вот сейчас ты, разозлившись на меня, возьмешь и сама все придумаешь. А в гневе любому противнику отпор дашь. А если я все взвалю на себя, на что ты окажешься способной? Тебе сейчас нельзя расслабляться.

– Умный какой... Как хоть тебя зовут?

– Я же сказал, зови меня, как тебе нравится. Это не так важно.

– Как можно доверять человеку, который не хочет назвать свое имя? – в запальчивости воскликнула она и грохнула полупустой чашкой о стол так, что лишь чудом не расколола ее. Черный кофе выплеснулся на стол и ей на юбку. Ада выругалась под неодобрительным взглядом гостя и вскочила на ноги.

– Переоденься во что-нибудь более удобное, – попросил он.

– Сама разберусь.

– Меня зовут Джек, – понеслось ей вслед, когда Ада направилась к выходу из кухни. Она остановилась, оглянулась через плечо и спросила:

- Издеваешься, да?
- Нет.
- Бог с тобой. Джек так Джек.

В спальне она рывком открыла шкаф и, бросив короткий взгляд на развешанную на плечиках офисную одежду, мигом определилась: брючный костюм и блузка. Но, когда уже сняла с вешалки пиджак, вдруг передумала – так, словно действовала не по своему желанию, а кто-то навязал ей свою волю. Небрежно бросив костюм на кровать, она достала с полки джинсы, цветастую рубашку и кардиган, быстро переоделась и в таком виде появилась на кухне.

– Другое дело, – прокомментировал гость, окинув одобрительным взглядом ее наряд.

– Тебя тоже переодеть не мешает... Джек, – пробурчала она, пробуя непривычное имя на вкус. Одно дело, когда звала этого фрика Джеком про себя, потому что он очень напомнил ей персонажа из фильма, другое – обращаться к нему по этому имени вслух, с серьезным видом, словно на самом деле его так зовут.

– Если тебе не нравится Джек, можешь придумать любое другое имя, – милостиво разрешил гость.

– Обойдешься. Ну что, закончил кофейничать? Тогда поехали! Не будем терять время.

– С чего начнем?

– С магазина. Не собираюсь я с тобой, ряженым, позориться.

– Бедная узница, заключенная в камеру предрассудков, – вздохнул парень, поднимаясь из-за стола. – Наказание одно...

– Я тебе не навязывалась, – сухо напомнила Ада. – Ты сам пришел и решил сопровождать меня. Я тебе это позволила, но в ответ прошу принять мои требования: переодеться в другую одежду.

«Джек» закатил глаза и театрально простер руки к небу:

– О Боже, кара твоя слишком сурова! Что ты так смотришь? – обратился он уже к Аде, заметив ее нахмуренные брови. – Нельзя уж боссу на тебя посетовать?..

Он оборвал себя на полуслове и сказал:

– Поехали!

В машине, бросив взгляд на приборную доску, Ада поняла, что бензин закончится на полпути, поэтому свернула к ближайшей в ее районе заправке, находящейся неподалеку от метро.

– Посиди в салоне, – бросила она спутнику, выходя из машины.

Дел-то всего на несколько минут: подождать, пока залиют в бак топливо, сходить заплатить в кассу, вернуться. Не заняло много времени, но и за эти пять минут, что она отсутствовала, пассажир, не вняв ее просьбе, успел куда-то пропасть. Ада огляделась по сторонам, решив, что вряд ли он ушел далеко. Но парень словно сквозь землю провалился. С трудом сдерживая закипавшее раздражение, Ада стукнула кулаком по рулю, огласив окрестности рассерженным гудком. Но добилась лишь того, что ей в ответ посигналил подъехавший сзади автомобиль, хозяин которого требовал освободить место у заправочной колонки. Ада села в машину и завела двигатель: ну что ж, этот Джек или как там его сам виноват. Просила же, как человека, подождать, не выходить! И что он ведет себя как ребенок?

Она отъехала от заправки и вдруг увидела на другой стороне улицы, там, где начиналась аллея, ведущая к метро, своего пропавшего спутника. Парень сидел на лавочке рядом с какой-то старухой и, склонив голову набок, слушал то, что ему говорили. Вот же ж! Ада сердито посигналила, и Джек наконец-то обратил на нее внимание.

– Ты зачем из машины вышел?! – напала она сразу на него, едва припарковавшись к тротуару. – Залезай скорей, я не могу тут стоять!

Собеседница парня тоже повернула голову на ее крики, и Ада узнала в старушке ту бабушку, у которой на днях купила шерстяные носки. И ей стало так неловко, словно она сорвалась не на ослушавшегося пассажира, а на саму старушку.

– Не сердчай, дочка, это я виновата. Попросила твоего парня помочь мне перейти дорогу. Я ж без очков ничего не вижу, забыла их, старая, дома. Но не воротилась за ними с полпути. Мне всего надобно было сходить до магазина, но тут движение такое... – старушка указала рукой на небольшой продуктовый магазинчик, расположенный на территории заправки.

Ада лишь улыбнулась в ответ, не зная, что сказать. Джек тем временем, галантно поцеловав старушке морщинистую руку, попрощался и направился к машине.

– Не болейте, Серафима Степановна! – пожелал он, занимая свое место. И, щелкнув замком ремня безопасности, скомандовал Аде: – Поехали, моя королева!

– С каких это пор я твоей королевой стала? – ворчливо произнесла она.

– А вот с тех самых, как мы сошлись на бриге чужого двора под парусами выстиранных простыней.

– Хороший мальчик, молодец, старушек через дорогу переводишь, – буркнула Ада, проигнорировав его пафосную фразу.

– Между прочим, она очень одинока, – сказал парень уже серьезным

тоном. – Единственная дочь с мужем и сыном уехали в Америку, о матери почти не вспоминают и никак не помогают. Живет на пенсию да на то, что получит с продажи носков.

– Она узнала на тебе свое рукоделие?

– Нет. Как, если она почти не видит? Но я сам догадался, что именно у нее ты купила носки, когда она лишь заикнулась о своем деле.

– А она, гляжу, тебе уже успела полжизни рассказать...

– Нет. Если бы мы так не торопились, я бы выслушал ее. Ей есть что рассказать: жизнь у нее была долгая и нелегкая. Но выслушать некому.

Ада промолчала, поняв, что любое ее едкое замечание прозвучит неуместно. Да и пропало у нее желание язвить.

А этот парень, похоже, шкатулка не с одним секретом...

Вела она машину молча, думая о том, что, если выберется живой из этой истории, в которую попала, разыщет старушку. Поблагодарит за носки. Предложит помощь.

– Ей просто надо, чтобы ее выслушали. Другую помощь, материальную, не примет. Не обижай ее деньгами, – сказал пассажир. Ада уже не удивлялась тому, что он иногда отвечает на ее мысли.

Минут через десять они въехали на подземную парковку торгового центра.

– Сначала – тебе за приличной одеждой.

Увидев, что молодой человек смутился, поспешно добавила:

– О финансовой стороне не беспокойся. Или ты тоже гордый, как Серафима Степановна?

– Гордый, – согласился он.

– На этот раз придется о гордости забыть.

В торговом центре она сразу повела своего спутника в тот магазин, в котором, как считала, сможет подобрать все: от обуви до одежды. Недешевый, но вполне демократичный, где можно купить качественные джинсы и пару повседневных рубашек. Строгий стиль с костюмами она отвергла сразу: к его дредам, загару, прищуренным янтарным глазам нужно подбирать что-то другое. Хотя есть у нее такое желание – отвести его в приличную парикмахерскую, где состригли бы ему этот ужасный войлок, который и волосами-то назвать язык не поворачивается. Да только вряд ли парень стерпит посягательство на свою «прическу», и без того на смену «костюма» согласился без энтузиазма.

Продавец-консультант, надо отдать девушке должное, и виду не подавала, что ее шокировал необычный облик клиента. Светло улыбнулась и певучим голосом поинтересовалась, что требуется. Ада, не привыкшая

тратить время даже в магазинах, быстро перечислила: две пары джинсов, две рубашки, один джемпер.

– Носки и обувь тоже, – добавила она, покосившись на ноги парня. Продавец понимающе кивнула и вновь улыбнулась так, словно привыкла видеть клиентов, носящих в теплые майские дни шерстяные носки и калоши. Девушка быстро подобрала нужное и отнесла в примерочную. Джек последовал в кабинку с таким видом, будто отправлялся на эшафот. Ада незаметно усмехнулась и осталась ожидать снаружи.

Время шло и шло, а из кабинки не доносилось ни звука. Уснул он там, что ли? Или запутался в рукавах рубашки?

– Эй, ты там жив? – робко постучала Ада в стенку. В ответ раздалось невнятное бормотание. – Можно?

Опять раздалось бормотание, которое Ада расценила как согласие. Рывком отдернув шторку, она увидела, что молодой человек стоит перед зеркалом босой и в одних джинсах, которые он как раз пытался торопливо застегнуть. Ада смутилась и поспешно задернула шторку.

– Ты не сказал, что раздет, – пробурчала она.

– Не раздет, а полуодет – есть разница, – нравоучительно донеслось из-за шторки. И следом за этим раздался смех: – А что ты смутилась, как юная девица? Голых мужских спин не видела?

– Ты не разглагольствуй, а одевайся! У меня мало времени! – приказала она нарочито строго. Смутилась, не смутилась... Видела, не видела... Видела она спины, видела! Но... даже короткого мгновения хватило, чтобы заметить, что спина у Джека красивая, сильная, как у атлета или пловца, с широкими плечами и гладкой смуглой кожей. Но не только красоту его спины отметила Ада. Увидела она так же и белеющие на фоне загара, под лопатками, два шрама размером каждый с ее ладонь, будто его когда-то порезали ножом. В какой переделке он пострадал?

– Ну, как? – прервал ее раздумья парень, выходя из примерочной. Ада подняла глаза и сухо кивнула. Незачем выдавать, что оценила его привлекательность. Надо же, как одежда может изменить человека: вот он еще был фриком и городским сумасшедшим в своих шароварах и калошах, а теперь – плейбой и отравитель женских сердец. В синих джинсах классического кроя, кожаных мягких туфлях и светлой рубашке, выпущенной поверх, он показался Аде весьма интересным мужчиной. Даже дреды удивительно вписывались в этот образ, и девушка признала, что другая прическа не будет ему так идти, как эта. Классическая стрижка сделает его необыкновенное лицо проще, модельная – привнесет в его черты неуместной гламурности холеных звезд с глянцевого обложки,

длинные волосы покажутся пижонскими. Нет, дреды – самое оно. К его загорелым скулам индейских вождей, к его прямому носу римских императоров, к его порочным губам сластолюбцев, к его высокому лбу тибетских мудрецов.

– Берем, – выдохнула Ада. И понимающая, довольная усмешка, расцветшая на его губах, не задела ее. Ей нравилось, чтобы ее работа получала высший результат. А в данном случае результат превзошел все ее ожидания.

По дороге она решилась. Пожалуй, мир не перевернется, если она поступит таким образом. Сколько она уже работает без отдыха?.. Ада прикинула мысленно, когда в последний раз уезжала куда-нибудь отдохнуть, а не в командировку. И получилось, что два года назад. Два продуктивных года, за которые она сделала очень много для процветания компании. Но ничего – для себя.

В офисе Ада попросила Джека посидеть в ее кабинете, наказав, чтобы сидел тихо и никуда не выходил, а сама отправилась к Сташкову.

– О, ты решила окончательно сменить имидж? – игриво заметил зам, поднимаясь ей навстречу из-за стола и раскрывая руки, будто желал обнять. – Тебе идет! Только... А если у нас встреча?

– А у нас сегодня встреча? – осведомилась Ада. – Вроде ничего не назначено.

– Не назначено. Так, заметил просто...

– Намек поняла, – сухо ответила она. Не хватало еще, чтобы он отчитывал ее за внешний вид, как подчиненную. – Игорь, я пришла сказать, что ухожу в отпуск. Ненадолго. На неделю. Прости за то, что не предупредила раньше, но я решила лишь этим утром.

– О, женщины! – воздел к потолку руки Сташков. – Сама спонтанность и непредсказуемость!

– Ты меня отпускаешь? – подозрительно спросила Ада, предчувствуя, что зам начнет возражать и уговаривать ее.

– А как я могу запретить, если начальница – ты? – расплылся он в медовой улыбке.

– Я имею в виду, справишься?

– Обижаешь! Когда это я не справлялся? Иди, иди, моя дорогая! Наконец-то ты собралась в отпуск, а то никак тебя отдохнуть не заставишь. А я, между прочим, беспокоюсь о твоём здоровье. Ты мне не безразлична, дорогая.

– Знаю, знаю, – улыбнулась Ада, обрадованная тем, что так легко

удалось с Игорем договориться. – Тогда отныне и сейчас... То есть с настоящего часа я считаю себя в отпуске! Звони, если что.

– Постараюсь не звонить.

– Игорь, о Сергее что слышно? – задержалась она на пороге.

– Без изменений. Я ездил с утра пораньше в больницу.

– Грустно, – вздохнула она. – Я тоже съезжу к нему – вдруг появились новости?

– Позвони потом мне, – попросил Сташков. И Ада кивнула: само собой, разумеется.

Она заглянула в свой кабинет и увидела, что Джек мирно за ее столом попивает чай и заедает его печеньем, роняя крошки на клавиатуру компьютера. Ада еле сдержала едкое замечание, но решила не вступать в перепалку.

– Посиди еще немного, я загляну кое к кому, и мы с тобой уедем.

Парень кивнул и поставил пустую чашку на стол.

– Я сама отнесу это, – сказала Ада. Выйдя из кабинета она, однако, не отдала чашку секретарю, а направилась в службу безопасности. Сергея нет, но все его распоряжения наверняка выполняются так, как если бы начальник присутствовал на рабочем месте. Что-что, но порядки у Писаренкова были заведены военные. По пути Ада вспомнила имя того сотрудника, с которым Сергей разговаривал при ней и о ней, – Виктор, и решила обратиться к нему.

Войдя в комнату, в которой сидели трое молодых мужчин, при ее появлении вскочивших и чуть ли не вытянувшихся в струнку, она поздоровалась и громко спросила, кто из них Виктор.

– Я, – отрапортовал рыжий веснушчатый мужчина лет сорока.

– Мне с вами нужно поговорить.

Виктор пригласил ее к своему столу и предложил стул. Остальные сотрудники, поняв, что не нужны, тут же погрузились в работу: один возобновил прерванный появлением Ады телефонный разговор, второй уткнулся в монитор компьютера и защелкал мышкой.

– Сергей просил вас собрать некую информацию. Об одном человеке, приметы которого я дала. Так вот, разыскивать его не нужно. Но мне бы хотелось узнать... В общем, мне бы хотелось узнать, кто он, откуда и каково его настоящее имя, если возможно. Единственное, чем могу помочь, вот этим, – с этими словами Ада поставила чашку на стол перед рыжим мужчиной, – на ней отпечатки его пальцев. Поможет?

По усмешке, скользнувшей в серых глазах мужчины, Ада догадалась, что сказала что-то, позабавившее его. Но рыжий спорить не стал, принял у

Ады чашку и вопросительно поднял брови: «Что-то еще?»

– Сергей дал вам еще несколько заданий...

– Сергей Петрович дал много заданий, – с вежливой улыбкой ответил Виктор. – Но я понял, о чем вы. Работаем, Ада Валерьевна! Как только появится что-то новое, позвоню вам.

– Запишите мой номер...

– Он у нас есть.

Ада собралась уже встать, но вспомнила еще об одном деле:

– Меня интересует еще один человек.

Она вспомнила все, что знала об отце Раи, к счастью, его имя ей запомнилось – Юрий. Фамилии у него и дочери были одинаковые.

– О'кей! – сказал Виктор, кратко черкнув что-то в блокноте. Аде почему-то подумалось, что люди Писаренкова пишут не обычными буквами, а используют лишь им известный шрифт. Конспирация!

Уходя с Джеком из офиса, она попрощалась с секретаршей Линой и не без определенного удовлетворения отметила полный женского интереса взгляд, которым секретарь украдкой одарила молодого человека. Что ни говори, а мужской привлекательности он не лишен – в новом одеянии, без дурацкой подводки на глазах.

– Следующий пункт назначения – больница, – сообщила она, усаживаясь за руль.

На этот раз Джек остался ожидать ее в машине, и Ада сама поднялась в похожее на корабль здание больницы.

Новости были довольно утешительные: молоденькая медсестра сообщила Аде, что Сергей Писаренков пришел в себя еще ночью, а в данный момент его оперируют.

– Пожалуйста, позвоните мне, если что-то в его состоянии изменится, – попросила Ада девушку. На вырванном из ежедневника листе она написала номер телефона, имя и завернула в записку незаметно выхваченную из кошелька купюру.

– Вот здесь мой номер... – она опустила «конвертик» в карман халатика медсестры и пошла к выходу.

– Подождите! – окликнули ее вдруг. Ада развернулась, решив, что медсестра собирается вернуть ей «взятку». Но увидела торопливо направляющуюся к ней немолодую женщину, которую заметила еще раньше. Женщина сидела в коридоре в дерматиновом кресле и краем уха прислушивалась к разговору Ады с медсестрой.

– Вы – Ада? – спросила незнакомка на ходу, приближаясь к поджидавшей ее девушке. – А я – София, сестра Сергея.

Ада выразила полагающееся в таких случаях сочувствие, расспросила женщину о том, что той известно о состоянии ее брата. И узнала, что Софии разрешили перед операцией увидеть Сергея.

– Он очень просил... Очень просил дать вам ключ от его квартиры.

– Зачем? – искренне удивилась Ада.

– Сказал, что на столе оставил одну папку, которую хотел передать вам, но не успел. И что это срочно и важно... – София переминалась с ноги на ногу и смущенно теребила стянутый с головы платок. Она была немолодой и очень уставшей от жизни женщиной. Если бы не сказала, что приходится сестрой Сергею, Ада могла бы подумать, что по возрасту она годится ему в матери. Хотя Писаренкову тоже было за сорок.

– Так вот... Мне надо отдать вам ключ, но... – начала женщина и смущенно замолчала. – Понимаете, он у меня один. Наверное, Сергей рассчитывал отдать вам свои ключи, но мне не выдали с его вещами бумажник. Понимаете, одежду отдали, а документы, деньги и ключи – нет. Лишь одежду. И телефона тоже нет. Наверное, его ограбили... Сколько времени пролежал там без... – Лицо Софии некрасиво искривилось, и она, не сдержавшись, заплакала. Но быстро взяла себя в руки, глубоко вздохнула и вытерла слезы покрытой вздувшимися венами рукой. – Простите...

– Мы можем проехать вместе к Сергею домой, – предложила Ада, догадавшись, что женщина просто не хочет отдавать ей, незнакомке, ключи, – я на машине. Съездим к Сергею, а потом я отвезу вас туда, куда вы скажете!

– Не знаю... – София неуверенно оглянулась на дверь, за которой находилось отделение реанимации. – Мне сказали, что операция будет длиться долго. Но мне не хотелось бы отлучаться из больницы – мало ли что! Хотя... если вы на машине, мы управимся быстро, заодно возьму кое-что из личных вещей брата.

Сергей Писаренков, как выяснилось, проживал неподалеку от офиса. Когда они съехали с шоссе на узкую дорогу, ведущую к скромной пятиэтажке, в которой проживал начальник службы безопасности, София вдруг сказала:

– Вон там это случилось! – и куда-то махнула рукой в сторону. Ада лишь кивнула, но промолчала: не любила она рассматривать места трагедий.

Ада припарковала машину там, где указала София. Джек вышел из машины первым и остановился перед домом. Широко расставив ноги и сунув руки в карманы джинсов, он запрокинул голову, зачем-то

рассматривая верхние этажи. И своей позой напомнил Аде персонажа из фильмов про плохих, но обаятельных парней.

– Ну, пойдете, – пригласила София.

Они поднялись по лестнице на второй этаж, и женщина открыла ключом самую обычную дверь. Ада подумала про себя, что Сергей во всем придерживался скромности. Даже не войдя еще в квартиру, Ада догадывалась, что обстановка там выдержана в спартанском стиле.

– Проходите, проходите, – пригласила София. И вдруг вскрикнула: – Батюшки, что это?!

– Ограбление, – спокойно ответил Джек, взглянув с высоты своего роста поверх головы Софии и сразу оценив обстановку.

– Какое такое ограбление? Почему ограбление? – закудаhtала наседкой сестра Сергея. Наконец-то и Ада, вошедшая последней, увидела валяющиеся посреди коридора какие-то бумаги и диски. Зная, какой Сергей аккуратист, она поняла, что это не он оставил в квартире подобный беспорядок. А Софья уже исчезла в комнате, откуда донеслось ее оханье и аханье.

– Пойдем, – кивнула Ада присевшему над бумагами парню.

В комнате дела обстояли и того хуже: из письменного стола были вытащены все ящики, их содержимое – канцелярские принадлежности и пустые папки – вывалено на диван, а сами ящики брошены на пол. На столе присутствовали монитор и клавиатура, но системный блок отсутствовал.

– Компьютер, они унесли компьютер, – сказала Ада, кивая Джеку на свернувшиеся под столом змеями кабели.

– Кто они? Какой компьютер? – всполошилась женщина, хватаясь за сердце. Бросив взгляд на стол, она облегченно выдохнула: – Так вот же он стоит!

– Это не компьютер, а монитор – телевизор, который показывает, – пояснила Ада. Похоже, пожилая женщина не умела пользоваться компьютером.

– Да что ж это такое... – села на краешек заваленного вещами дивана София и растерянно оглядела комнату. – Сережа такой беспорядок не оставит! Нас мама с детства приучила убирать все так, чтобы ни бумажки, ни соринки. Все вещички – по местам, стол – чистый.

– Или он собирался впопыхах, либо, что скорее всего так и было, его квартиру взломали с целью что-то найти. Или просто ограбили. Ценности проверьте.

– Да какие ценности! – махнула рукой София. – Не видите, что ли, как скромно живет Сережа! Однокомнатная квартира, никакой роскоши: ни

вазочки, ни картинки. Все дешево и сердито. Он же все деньжищи, что получает, переводит на лечение моей дочери. У меня дочка сильно больна... Вы не знаете. Если бы не Сережа, давно бы уже ее не было. А так хоть поддерживаем ее жизнь: лекарства дорогушие, операции, процедуры. Ни копейки на себя не тратит – все ей, Мариночке... Давно бы мог купить себе шикарную квартиру, а все живет в этой, скромненькой, даже ремонт не делает. Единственное, купил машину огромную. Ну, так она ему нужна. Он с детства мечтал о хорошей машине.

Женщина махнула рукой, горестно вздохнула и встала.

– Ну, ищи тут ту самую папку да уходи. Я прибирать буду.

– Какое «прибирать»? – возмутилась Ада. – Нужно вызывать полицию, делать заявление. Сергея же ограбили! Компьютер унесли.

Что-то, похоже, Сергей накопал, для кого-то очень неудобное. София сказала, что у него были при себе ключи, телефон и бумажник, но ничего этого вместе с другими вещами ей не отдали. Возможно, ключи у него забрали с целью проникнуть в квартиру. Значит, и ДТП – не просто несчастный случай, а... покушение?

– Какая полиция, ты что?! Это же разговоры долгие вести, а мне некогда. Сережу вот-вот из операционной вывезут, – замахала руками женщина.

– Надо, – отрезала Ада.

– С характером ты какая, – то ли одобрительно, то ли осуждая, покачала головой София. – Недаром Сергей к тебе так...

И она оборвала себя на полуслове, словно спохватившись, что чуть не проговорила.

– Ладно, вызывай полицию, – сдалась со вздохом женщина. Ада, берясь за телефон, покосилась на рассматривающего канцелярские принадлежности парня: как отреагирует? Если в его прошлом было что-то криминальное, наверняка не жалуется блюстителей порядка и постарается ретироваться. Вон как к больницам относится! Ан нет... Перспектива общения с полицией на молодого человека не произвела никакого впечатления. Сидит себе, как сидел, и ни один мускул на его лице не дрогнул.

В квартире пришлось задержаться надолго: пока ответили на вопросы приехавших полицейских, пока составили все акты, прошло достаточно много времени. Софья заметно нервничала и то и дело поглядывала на часы. Спутник же Ады восседал на диване с буддийской невозмутимостью, когда обращались к нему, отвечал со спокойной улыбкой. Наконец все вопросы были заданы, бумаги подписаны, и полицейские ушли. София,

едва за ними закрылась дверь, попросила отвезти ее обратно в больницу к брату, Ада с готовностью усадила женщину в машину и повезла. Всю дорогу они молчали, выжатые вопросами полицейских, подавленные случившимся. Ада догадывалась, о чем могла думать София. Но что заставило погрузиться чуть ли не в транс ее спутника, даже боялась предположить.

В больнице она задержалась ровно настолько, чтобы выяснить, что операция прошла успешно, Сергей находится в сознании, но визиты пока не разрешены. Уходя, Ада оставила номер своего телефона Софии и попросила ту не говорить об ограблении Сергею.

– Звоните с любыми новостями и просьбами. Я для Сергея готова сделать все, что будет в моих силах, – сказала на прощание Ада.

– Спасибо, – сказала женщина и вдруг порывисто обняла девушку и крепко прижала к себе. – Сережа был бы счастлив узнать, что именно вы так о нем беспокоитесь...

И, так же резко выпустив Аду из объятий, развернулась и стремительно ушла в глубь коридора.

– Ну что, королева, теперь куда? – спросил Джек, когда она села в машину.

– Если честно, не знаю, – призналась Ада. – Думала, что у тебя есть какие-нибудь идеи.

– Идея есть, но, боюсь, тебе не понравится.

– Говори уж.

– Поехать к тебе домой, поужинать и отдохнуть. На сегодня уже достаточно приключений.

Ада ничего не ответила, но молча согласилась с ним: день уже клонился к вечеру, впечатлений на сегодня хватит. Да и прежде чем предпринимать следующие шаги, нужно их продумать. Без плана Ада действовать не умела: ей, как роботу, нужна четкая программа, по пунктам.

Когда она завела двигатель, ей позвонил сотрудник Сергея Виктор.

– Ада Валерьевна, – начал он тоном рапортующего солдата, – по вашей просьбе проведена работа. На безымянного человека, чьи образцы отпечатков вы принесли, ничего нет. По крайней мере, криминального.

– А имя? Имя вы его узнали? – воскликнула Ада и, перехватив насмешливый взгляд спутника, явно догадавшегося, что речь идет о нем, поспешно отвернулась.

– Работаем, – кратко ответил мужчина. – О втором человеке, Сумцове Григории Альбертовиче, стало известно, что он скончался от туберкулеза три года назад, так и не отбыв до конца срок заключения.

Ада почувствовала, что ее будто окатили холодной водой: ей казалось, что она нашла того, от кого исходила реальная опасность. А выходит, что отец Раи никак не мог ни прислать куклу-предупреждение ей, ни «устроить» «суициды» другим жертвам.

– Понятно, – пробормотала она. – Спасибо.

– Не порадовали тебя, королева, новости? – сочувственно спросил Джек.

– Не порадовали, – не стала она отрицать. – Главный подозреваемый отбыл в мир иной еще задолго до настоящих событий.

– Счастливчик... – выдохнул парень и, сощурившись, посмотрел на небо.

– Почему «счастливчик»?

– Отмучился.

– Ну, судя по тому, какую он вел жизнь, и правда отмучился, – согласилась девушка. – Поехали домой, дорогой мой Джек. Думать, думать...

А работать было над чем: собирать все рассыпанные бусины-факты и нанизывать их на нитку умозаключений.

– Почему ты рисовала маски и чашу?.. – произнес вдруг парень так, словно не к Аде обращался, а размышлял вслух.

– Если бы я могла знать... Я была не в себе.

– Я думаю, это символы, – оживился он. – Ты так пыталась донести то, что увидела. Или узнала.

– Откуда я, пятнадцатилетняя, воспитывающаяся в интернате, могла знать символику?..

– Ты сама сказала, что была «не в себе», то есть не в сознании. И эти послы шли от твоего подсознания. А подсознание – малоисследованное поле. Так вот, вернемся к этим символам. Чаша... Что думаешь? Какие у тебя ассоциации вызывает?

– Жертвоприношение. Возможно, потому я и раскрасила ее на одном рисунке в кровавый цвет?

– Принимаем, – кивнул парень. – Что еще может быть?

– Достаток. «Полная чаша»... Только какое отношение достаток имеет к той ночи? Я больше склоняюсь к жертвоприношению.

– Чаша может символизировать еще и долю, – сказал Джек. – «Да минует меня чаша сия». Что еще? Также – воскрешение из мертвых. Еще чаша – женский символ, и знаменует утробу Матери-богини.

– Понятней мне не стало.

– Тут может быть как одно значение, так и несколько. Сама виновата:

нечего было загадками изъясняться. Нарисовала бы историю произошедшего в той комнате в картинках, и всем было бы проще... Комикс.

– Погоди, – перебила парня Ада, – погоди... А что, если я таким образом просто пыталась «зашифровать» послания? Почему-то нельзя было об этом говорить. Понимаешь, та трагедия *замалчивалась*. Обсуждать ее было под запретом. Почему? Вряд ли уж только потому, чтобы не травмировать мою психику.

– Приму к сведению, – кивнул Джек с таким видом, будто получил еще один пазл головоломки.

– Далее... Маска! – оживилась Ада, включаясь в «игру». – Она что означает?

– Маска – символ сокрытия, тайны, иного обличия. Если некто желает скрыть истинное лицо, надевает маску, – охотно пояснил парень, разворачиваясь к Аде вполоборота. – Но есть другая интересная деталь. В некоторых религиях, таких как буддизм Непала, Японии, Тибета, – маски, как и куклы, олицетворяют священные силы. Как благотворительные, так и разрушительные.

– Маски и куклы? – встрепелась Ада.

– Именно. Маски и куклы иногда наделяют негативным значением, считая, что нечисти свойственно видоизменение, перемена личин. «У нежити своего облика нет, она ходит в личинах».

– Маски-куклы-нежить... – задумчиво произнесла Ада, думая о том, что произошло в ее квартире.

– А куклы вообще широко используются в магии. И это тебе не только знаменитое колдовство вуду. Из-за ассоциации с вуду все, что связано с куклами, ошибочно считают «черным», несущим разрушение, вред и даже смерть, но это не всегда так. Кукол используют во многих обрядах и на благо: для защиты, для помощи, для улучшения здоровья, для укрепления семейного счастья и так далее.

– Мне кажется, та кукла, которую мне прислали, явно не была доброй, – усмехнулась Ада. – А дым? Что означает дым, который был у меня в рисунках?

– Дым, – задумался молодой человек. – У дыма тоже может быть несколько значений. Это – и очищение огнем, и вознесение молитв. Приглашение божеству присутствовать. А также намек на кратковременность жизни.

– Значит, так, – решительно начала Ада. – Если сгруппировать все эти объяснения символики по «темам», можем получить несколько связок.

Жертвоприношение (чаша) – приглашение божеству присутствовать (дым) – личина нежити (маска) – магия с помощью куклы, направленная во вред. Мне эта цепочка звеньев кажется более подходящей. Чувствую, что, если и была тут магия, явно она была недоброй. Твой вариант связки?

– Женское начало или доля (чаша) – тайна или сокрытие (маска) – кратковременность жизни (дым).

– Аборт, – сказала Ада первое, что вызвала у нее такая цепочка, – или выкидьш.

Джек удовлетворенно кивнул, подтверждая, что девушка угадала его мысль.

– Но какое это может иметь отношение к той ночи? – засомневалась Ада.

– Может иметь отношение не к именно той трагедии, а к другой, случившейся раньше, в стенах интерната. Дать подсказку, к примеру, на происхождение куклы. Неспроста ты рисовала такими загадками.

– Наверное, зря я отказалась выслушать подробно историю усадьбы, которую хотел мне зачитать Писаренков, – расстроилась Ада.

– Еще вариант, похожий на предыдущий, но противоположного значения. Женское начало (чаша) – вознесение молитвы (дым) – вспомогательная магия (кукла). Некто, наоборот, мог мечтать о ребенке.

Ада ответить не успела, потому что неожиданно обогнавшая машина подрезала их, и, чтобы избежать столкновения, девушке пришлось резко вырулить – повезло, что по первой полосе никто в это время не ехал. Но машина, вылетев с шоссе, задела железное ограждение. Металлический скрежет заглушил отчаянные ругательства Ады и ее крик. А затем наступила тишина. Полная, как будто в вакууме. Даже куда-то пропал шум проносащихся по дороге машин. Аде на какое-то мгновение даже подумалось, что она умерла. Но тогда почему кто-то сильно тормозит ее за плечо? И, главное, она чувствует это.

– Эй, эй, ты в порядке?

Она медленно повернула голову и увидела побледневшее лицо своего пассажира. Слава богу, жив. И, кажется, не ранен.

– Я никогда не попадала в аварии, – прошептала она, приходя в себя.

– Удивительно! – съязвил ее спутник. – С такой манерой вождения просто удивительно!

– Я хорошо вожу машину! – мгновенно разозлилась она.

– Во-от, теперь, несомненно, ты в порядке, раз орешь, – удовлетворенно улыбнулся Джек. – Сиди, я посмотрю, что там с машиной. Думаю, что вы, дамочка, снесли своей любимице о барьер всю краску с

бока. А ну-ка, сдай немного, чтобы я мог выйти.

Ада на автомате завела двигатель и отъехала немного от ограждения, так, чтобы можно было приоткрыть дверь со стороны пассажирского места.

– А я чего сижу?! – запоздало всполошилась она и тоже выскочила наружу. Она увидела, что парень, наклонившись, рассматривает бок машины. Лицо его при этом нахмурилось, и Аде это очень не понравилось: похоже, влетела она на косметический ремонт. Но дальше все вокруг будто заволокло дымом. И Ада против воли шагнула в это нависшее над шоссе облако, из которого раздавался чей-то шепот.

...А за облаком оказался лес, густой и темный. Она пробиралась по нему, раздвигая цепляющиеся за одежду сучья, уворачиваясь от хлещущих по лицу ветвей. Казалось, уже вечность идет она так на голос, неразборчиво бормочущий какие-то слова. Пугалась, что сбилась с пути: то ли кружит на одном месте, то ли идет совсем в другую сторону. Но она доверялась голосу, который вел ее, подобно проводнику. Девушку одолевали нехорошие предчувствия, вызывающие желание разорвать эту сильную связь с зовущим ее голосом, но она отмахивалась от них.

Лес разомкнулся так неожиданно, будто разошлись в почтении деревья. И вот уже Ада оказалась на небольшой полянке, на зеленом ковре которой мрачным пятном выделялась небольшая избушка из почерневших от времени и ненастий бревен. Девушка поднялась по трехступенчатой лестнице на узкое крыльцо и стукнула тяжелым дверным кольцом по проржавевшей «плашке». На ее стук из избы не раздалось приглашения войти, но дверь вдруг распахнулась сама. И Ада, чуть поколебавшись, вошла внутрь.

В горнице, освещенной светом от лампадок, сидела сутулая худая женщина с некрасивым лицом. Она будто не заметила вошедшую, продолжая делать свою работу: в длинных тонких пальцах она катала какие-то шарики из пластичного материала. Ее бескровные губы постоянно шевелились, словно женщина что-то шептала. И вдруг она подняла голову, словно почувствовав чужое присутствие. И Ада неожиданно ощутила на себе мощную волну ненависти, горя и отчаяния, идущую от этой женщины.

А потом изба и незнакомка внезапно куда-то пропали, и очутилась Ада в полутемной комнате, освещенной лишь падающим в окно светом от уличного фонаря. Она вошла сюда с предчувствием непоправимой беды. И, сделав пару шагов, остановилась так резко, будто наткнулась на препятствие: у окна, прямо в столбе синеватого света, стояла фигура девушки, облаченная в пижаму. Девушка медленным движением откинула с

лица волосы и... Ада ощутила сильный удар по скуле.

– Эй... Эй! – кто-то чувствительно лупил ее по щекам. Подобное уже недавно было. Да, точно, было. И, значит, повторилось опять? Она раскрыла глаза и увидела синее с белыми облачками небо. Скосила глаза и заметила серую ленту шоссе, по которому, как и раньше, неслись машины. Пошевелилась и поняла, что лежит на коленях сидевшего прямо в придорожной пыли парня.

– Ты рехнулась, да?! – набросился он тут же на нее, едва заметил, что Ада открыла глаза. – Ты зачем полезла на шоссе?! Жить надоело?!

– Я – что?..

– Что? А то! Из-под колес тебя буквально выдернул. Замечталась и пошла себе. Куда, спрашивается?!

– Ты можешь не орать? – поморщилась Ада и приподнялась. Парень, удивительно, из объятий ее не выпустил, а, наоборот, заключил в кольцо своих рук так, словно боялся, что она вновь повторит попытку выскочить на шоссе.

– Я не помню, чтобы выбегала на дорогу. Я хотела увидеть дверь...

– Не знаю, не знаю. Когда я поднял взгляд, увидел, что ты прямоком чешешь поперек первой полосы. Тебе машина гудит, а ты хоть бы хны. Нас обоих чуть не сбило.

– Спасибо, – поблагодарила она с чувством. С тем, что произошло, она еще разберется. Потом. Сейчас об этом думать... слишком страшно. И так едва в живых остались после аварии.

– Что на тебя нашло? – Джек, напротив, решил выяснить все вопросы сразу.

– Не знаю, – нехотя ответила она. – Вначале было... облачко, в которое я вроде как вошла. А потом – лес, избушка и темная комната.

В то время, пока она подробно пересказывала свое видение, лицо парня успело сменить несколько выражений: от тревожного до скептического, затем на нем мелькнула заинтересованность. Но тут же черные брови опять сошлись в озабоченно-хмурую галочку, из чего Ада сделала вывод, что парень вновь обеспокоился.

– Облачко! Вот тебе и облачко... – проворчал он.

Он разжал объятия, выпуская Аду. И она неожиданно пожалела, что он это сделал, – в его руках ей было так спокойно и тепло. А теперь вновь стало страшно: пережитое вдруг накатило волной, вызвав внезапный озноб.

– У тебя глаза такие... как у кошки, зеленые, – сказал Джек, задумчиво глядя ей в лицо.

– У меня глаза разного цвета! – в панике воскликнула Ада и непроизвольно поднесла к лицу ладонь. – И я сегодня без линз!

– Наверное, свет так упал, – поспешно заключил парень. И уже другим тоном, деловым, спросил: – Машину вести сможешь?

– Смогу, – кивнула Ада, хотя и не была уверена в том, что справится с управлением.

– Не бойся. Я с тобой, – сказал он, прикасаясь ладонью к ее плечу. От этого легкого, словно дуновение ветерка, прикосновения она вдруг почувствовала небывалый прилив уверенности и спокойствия. И правда, что с ней может случиться, если она... с ним.

До ее дома они доехали уже без происшествий. По дороге Ада приняла решение отдохнуть этим вечером, а наутро отправиться в путь. Искать ответы нужно не здесь, а там, где все и началось.

Дома она занялась приготовлением ужина, а ее гость попросил разрешения еще раз посмотреть рисунки из папки. Аде было на руку, что он занят чем-то: ей хотелось помолчать, мысленно составить дальнейший план действий. Пару раз она украдкой взглянула на Джека. Лицо его казалось безмятежным, взгляд застыл на одном из рисунков несколько отрешенно, будто парень ушел в медитацию или что-то обдумывает, уже не видя перед собой изображения на листе. Когда Ада попросила его освободить стол, собираясь накрывать к ужину, парень машинально сложил папку с рисунками себе на колени и, не подняв глаз на девушку, обратил взор в окно.

Ада невольно замерла с деревянной, для помешивания овощей, лопаткой в руке, залюбовавшись неожиданно его профилем. Смутное ощущение, что она его знает, укололо и засело занозой. Сейчас, когда он был одет в обычную одежду – джинсы и рубашку, – ей вновь показалось, что они были когда-то знакомы.

– Мы не могли встречаться с тобой раньше? К примеру, в интернате? – сыграла она ва-банк. Парень отреагировал не сразу, так, словно задумался над ответом, затем отрицательно покачал головой.

– Мне кажется, что я тебя уже видела... – настаивала Ада.

– Ключевое слово «кажется», – расплылся он в дурашливой улыбке. Ну как же с ним сложно!

Ада вздохнула и сказала:

– Давай уже ужинать.

С удовлетворением и неожиданной радостью она отметила, что гость поглощает ее стряпню с таким аппетитом, будто ничего вкуснее не ел. А ведь приготовила она всего лишь простой омлет, потушила овощи и подала

обезжиренную ветчину: слишком легкое угощение для мужчины. Но она могла похвалиться тем, что омлеты у нее всегда получаются пышные и нежные, а в приготовление этого она вложила еще и душу.

– Вкусно! – похвалил он ее. – Ты настоящий кулинар.

– Да где уж там... – засмуцалась Ада. И, спохватившись, уже другим тоном, деловым, произнесла: – Завтра рано утром выезжаем.

Он даже не спросил куда. Лишь кивнул, соглашаясь, будто ему было все равно, куда ехать и зачем. И попросил добавки. Ада вновь наполнила его тарелку и вернулась к начатому разговору:

– Я подумала и решила, что ответы мне нужно искать там, где возникли вопросы. То есть в интернате. Я не вспомню ничего без ассоциаций. А гадать по картинкам можно долго.

– Здесь мы могли бы выяснить, кто тебе отправил куклу, – заметил Джек.

– Не кукла главное.

– Я бы поостерегся так утверждать, – покачал он головой. – Кукла была с «сюрпризом».

– Магия вуду?

– Не совсем. Но тоже не с добрым посылом тебе ее отправили.

– Значит... думаешь, что тут замешана магия?..

– Без нее не обошлось.

– Мне сложно в это поверить.

– Это потому, что ты молода и не встречалась с подобными случаями в своей жизни. А я многое видел.

– Ты? А разве ты не молод? – захохотала она. – Сколько же тебе лет?! И тридцати наверняка нет.

– Мне куда больше, чем ты думаешь, – ответил он с легкой улыбкой. – Так какие планы у нас на завтра? Едем, так понимаю, в интернат?

– Подъем ранний: в шесть утра. Выезжаем до пробок, ясно? Если не желаешь ехать, можешь остаться здесь.

– Я с тобой.

– Замечательно, – ответила она ровным тоном, очень стараясь не выдать своей радости.

Той ночью Ада не могла уснуть достаточно долго. То ли не отпускало нервное напряжение после пережитого сложного дня (хотя разве не было в ее жизни сложных дней?). То ли потому, что не могла расслабиться, то и дело начиная думать о маршруте. Четкого плана у нее не было, и это тоже не прибавляло спокойствия и уверенности... Полная импровизация по ходу пьесы. Ужасное состояние! Ненавистное ей!

Она лежала в кровати и слышала, как за дверью, в гостиной, ходит ее гость. И ей очень хотелось выйти к нему и просто молча посидеть рядом. Когда она уже почти решилась, услышала, что он вышел в коридор, немного позже до Ады донесся едва слышимый из-за отдаленности шум воды в ванной. Принимает душ. В памяти неожиданно всплыла картина его обнаженной спины: плечи с рельефными мышцами, бороздка позвоночника и два белых шрама на смуглой коже. Мимолетное воспоминание разожгло фантазии: воображение тут же принялось рисовать навязчивые и совершенно не помогающие уснуть образы его, Джека, в душе. Она повернулась на бок и накрыла голову подушкой, словно таким образом могла избавиться от волнующих ее образов.

Джек тем временем вышел из ванной и вновь вернулся в гостиную. Ада услышала, как тихо скрипнул под тяжестью его тела диван. Ну что ж... Она тоже попробует уснуть. Самое верное решение.

Ада чуть не проспала: звон будильника слышала, но машинально отключила его и вновь задремала. Очнулась от резкого шума, донесшегося из-за двери, будто уронили что-то металлическое. Девушка в панике вскочила с кровати: не выедешь в желаемый час – уйму времени потеряешь в пробках!

Она прямо в пижаме вышла из комнаты. Диван в гостиной оказался пустым, покрывало и простыня – аккуратно сложены в стопку, которую венчала подушка с тщательно расправленными уголками. Надо же, какой этот Джек аккуратист! Впрочем, как и она сама.

С кухни доносился шум, и Ада отправилась туда. Ее гость, умытый, бодрый, одетый в джинсы и рубашку, готовил бутерброды. На плите уже стояла турка, от которой плыл аромат кофе.

– Надеюсь, не с вареньем и колбасой, – улыбнулась Ада, любуясь на ровную горку бутербродов, высившуюся на широкой тарелке.

– С ветчиной и сыром, – без улыбки ответил парень. – Это нам в дорогу. Не нашел, во что завернуть.

– Фольга лежит вот здесь, – открыла Ада один из кухонных шкафчиков и достала узкую картонную коробочку.

– А, я туда тоже заглядывал. Странно, что не увидел!

– Кофе сейчас убежит! – воскликнула она, услышав характерное бульканье.

– Ой! – моментально среагировал он и схватил горячую турку прямо голый рукой. Переставил на другую конфорку и только потом подул на пальцы.

– Ты... Ты что, йог? – изумилась она.
– Почему йог? – не понял он. Открыл кран с холодной водой и сунул под струю руку.
– Как это у тебя вышло? Тебе разве не больно?
– Больно. Но это не такая сильная боль в сравнении с душевной.
– Ты это сделал, чтобы покрасоваться передо мной или случайно? – нахмурилась Ада, не понимая этого странного человека.
– Зачем мне перед тобой красоваться? – удивился он. – Кстати, доброе утро!

– Доброе... – машинально отозвалась она, наблюдая за тем, как он закрутил спокойно кран, вытер руку о полотенце и, взяв на этот раз прихватку, принялся наливать кофе из турки в чашки.

– Кофе готов. Что ты к нему будешь, бутерброд?

Ада кивнула. Как так сложилось в ее жизни, что ей никогда никто из мужчин не готовил завтрак? Даже Борис, ведь за все годы их отношений могло бы случиться хоть одно утро, когда бы он приготовил ей кофе. Пожалуй, это была ее сокровенная мечта, которую она боялась открыть даже самой себе: выйти утром на кухню и увидеть мужчину, готовящего ей завтрак. Впрочем, прочь сантименты! Еще, чего доброго, начнет себя жалеть.

Завтракала Ада торопливо, думая о том, что еще нужно привести себя в порядок и собрать вещи. Сколько времени у них займет поездка, она не знала, и это ее нервировало. Неопределенности она не выносила.

Как Ада и хотела, отправились в дорогу вовремя и успели выехать из столицы еще без пробок. То, что путь начался гладко, внушало надежду, что и дальше все будет хорошо. Так она и сказала Джеку.

– А ты суеверна, – заметил он, не отрывая взгляда от карты дорог, которую держал разложенной на коленях.

– Может быть, – согласилась она. И, помолчав, спросила о том, что ее уже давно заинтересовало: – Ты мысли умеешь читать?

– Выборочно. Не волнуйся, все сокровенное останется с тобой, – усмехнулся он. Аде так и не стало понятно, шутил он или говорил всерьез. А парень сложил карту так, чтобы видеть теперь уже не весь маршрут, а тот отрезок, по которому они сейчас ехали, и обронил еще одну загадочную фразу: – Мне нужно проследить путь.

Ада ничего не поняла, но решила не переспрашивать. Тем более что сама не любила разговаривать за рулем. Включила тихонько музыку и переключила все внимание на дорогу, чтобы не пропустить нужные указатели. Ее пассажир хотя и держит в руках карту, но кто его знает... Ада

бросила мельком взгляд на Джека и вздохнула: ну вот, сидит и читает карту уже вверх ногами, значит, помощи от него ждать не стоит.

Через какое-то время напряжение, которое она поначалу испытывала – проскочить до пробок, не перепутать повороты (все же на машине привыкла передвигаться по коротким и знакомым маршрутам), – спало, и она стала наслаждаться самой ездой, дорогой. Как бы там ни было, а она находится в отпуске, и то, что сейчас отправилась в поездку, создавало приятную иллюзию, что едет на отдых.

Но хорошее настроение продержалось недолго: все испортил звонок от Бориса.

– Ты что это себе позволяешь?! – заорал вдруг, не поздоровавшись, Большой Босс. И было это так неожиданно – и то, что он кричит на нее, и что вообще кричит, – что Ада отняла телефон от уха и в недоумении посмотрела на аппарат, будто причина была в нем: сбились настройки звука, и поэтому голос собеседника раздается раскатами грома.

– Ты что, думаешь, никто тебя не вычислит? – продолжал орать в трубку Борис. Ада покраснела, потому что Джек сложил карту и, глянув на девушку, вопросительно поднял одну бровь.

– Борис, ты о чем? – нашла она в себе силы спросить ровным тоном.

– Не притворяйся, что не знаешь! Только что мне прислали все, на тебя собранное...

– Что? Что именно? – дрожащим от негодования голосом произнесла она. Почему-то подумалось, что Борису отправили те данные по интернату, которые собирали люди Писаренкова. Но что такое могло там быть, о чем не знал Борис, и, главное, что вывело его из себя?

– Секретные счета, липовые договоры, другие махинации – вот что вскрылось! И ты об этом знаешь лучше меня!

– Нет, – растерялась Ада, – у нас все было в порядке... Какие секретные счета? Какие липовые договоры? О чем ты?! Я не понимаю!

Она, уже не отдавая себе отчета, закричала. И пришла немного в себя лишь тогда, когда ее легонько тронул за руку спутник. Ада бросила на него взгляд и увидела, что он знаками просит ее прекратить разговор.

– Ты сейчас где? – отрывисто спросил Борис.

– В дороге.

– Не в офисе?

– Взяла неделю отпуска. Надо кое-какие личные дела решить... Еду в свой бывший интернат.

В трубке повисла пауза, словно Борису очень не понравилось то, что Ада занимается не работой, а какими-то «личными делами».

– Когда вернешься?
– Не знаю. Надолго не задержусь.
– Сразу же перезвони мне. И готовься к серьезному разговору!
– Борис, я не...
– Потом. Когда вернешься, – отрезал он и, не попрощавшись, отключился.

Настроение оказалось безбожно испорченным. Негодование прорывалось дрожью в руках, она вела машину теперь как во сне, невнимательно, думая о словах Бориса. Он никогда с ней так не разговаривал! И, что самое ужасное, она даже не понимала, в чем он ее обвинял! Секретные счета, липовые договоры... Бред какой-то! Они с Игорем все проверяли и перепроверяли.

– Не думай сейчас об этом, – сказал Джек. – Решишь сначала свои вопросы, затем уже – рабочие.

Она молча кивнула. Обсуждать с ним свои деловые проблемы она не собиралась. Хватит и того, что доверила ему, незнакомому человеку, свои личные.

Ада посмотрела в зеркало заднего вида и, убедившись, что полоса свободна, свернула к обочине. Там она остановила машину и набрала номер Сташкова. Пусть он объяснит, что все это значит! Но Игорь то ли не слышал звонка, то ли не мог взять трубку. Ада отправила краткое сообщение с просьбой перезвонить и вновь выехала на трассу.

Как бы ей ни хотелось, она не могла перебороть тревогу, все гадала, чем был вызван гнев Бориса, и прислушивалась, не зазвонит ли мобильный. Даже музыку выключила, чтобы не пропустить звонка Игоря. Джек, слава богу, не отвлекал ее разговорами, карту он сложил и смотрел теперь в окно.

Ада не сразу поняла, что происходит. Вначале на какое-то мгновение из поля зрения исчезло шоссе, словно его скрыл упавший на землю густой туман. Ада автоматически сбросила скорость, но дорога появилась вновь. Но тут изменился пейзаж: только что шоссе с двух сторон сопровождали березово-осиновые посадки, но вот уже вдоль дороги по обе стороны раскинулось поле, заметенное снегом. Ада бросила изумленный взгляд за окно, а затем – на спутника, заметил ли он тоже эту погодную аномалию? Утром было прохладно, но не до такой степени, чтобы выпал настолько густой снег! Да еще в конце мая. Джек продолжал наблюдать за сменой картин с тем же невозмутимым видом, будто не заметил ничего странного.

Затем Ада увидела, как по полю промчалась запряженная лошадьми коляска. Девушка в крайнем изумлении проследила за ней глазами, но тут

до нее дошло, что это просто снимают кино! И снег, и коляска просто бутафорские. Наверняка вон за теми деревьями скрывается съемочная группа. Но на дороге тоже творилось что-то странное: асфальтированное шоссе исчезло и превратилось в узкую дорожку, петляющую вдоль могильных крестов. Да как же это они умудрились съехать на кладбище? Ада попыталась затормозить и дать задний ход, но автомобиль вышел из ее повиновения: руль вращался свободно, будто сам по себе, на педали словно давил кто-то невидимый. Она закричала, призывая спутника помочь ей, но только сейчас заметила, что находится в машине одна. А за окном, похоже, резко упала температура, и окна стали быстро покрываться инеем. Машина все так и катила вперед, несмотря на отчаянные попытки девушки остановить ее. Ада включила «дворники», потому что лобовое стекло стремительно затягивалось тонким слоем инея, сквозь который было видно, как снаружи мелькают какие-то тени. «Дворники» сноровисто мельтешили, но справлялись слабо: оставалось лишь маленькое, как в танке, «окошечко», в которое Ада и старалась смотреть на дорогу. Она отчаянно, растеряв хладнокровие, пыталась вернуть себе управление машиной: дергала за рычаг, давила на педали, крутила руль. Но все ее действия оказывались напрасными. Вдруг что-то с глухим стуком упало на лобовое стекло. Ада вздрогнула и увидела, что не затянутое инеем «окошечко» теперь занимает рожа, очень знакомая и очень страшная. Существо, скаля в кровожадной усмешке яркий рот с двумя длинными зубами, заглядывало в салон машины, вращало единственным оставшимся глазом. Ада закричала от ужаса...

Ее крик слился с ругательствами, выкрикиваемыми кем-то рядом.

– Ты что, уснула?! – вопил кто-то над ухом и тряс ее за плечи. Ада открыла глаза и увидела склонившегося над ней парня, красивое лицо которого было искажено то ли гневом, то ли страхом. Ада краем глаза покосилась в окно и увидела, что машина стоит в кювете, развернувшись перпендикулярно к шоссе, так, словно съехала с дороги задним ходом. Спереди – лента шоссе и никакого кладбища, сзади – лиственная посадка, а не заснеженное поле. Сама Ада сидит в кресле, пристегнутая ремнем. Авария? Еще одна мелкая авария? Она уснула во время езды?

– Что с тобой?! – продолжал орать парень. – Уснула? Мы по твоей вине чуть в бензовоз не врезались! Ты даже руль из рук выпустила! Слава богу, успел я его вывернуть в последний момент, иначе была бы тебе крышка!

– Нам, – машинально поправила она его. – Не только мне, нам. Прости.

– Что с тобой произошло? – спросил он уже более спокойным тоном. – Ты отключилась внезапно. Я даже подумал, не потеряла ли сознание.

– Похоже, уснула, – сказала Ада виновато, – и увидела кошмар. Не понимаю, как так получилось! Я была выпавшейся.

Она неожиданно для себя расплакалась. Навалилось все: стрессы последних дней, то, что Борис в такой жесткой форме обвинил ее непонятно в чем, неизвестность... Все! Вначале она всхлипывала и терла глаза кулаком, как маленькая девочка, а потом, после растерянных слов парня «ну-ну, успокойся», захлебнулась рыданиями.

Он обнимал ее одной рукой, а другой осторожно гладил по волосам, словно ребенка. Что-то шептал, но Ада не различала слов, они ей и не были нужны. Его присутствие, его объятие, прикосновение к волосам успокаивали ее в тысячу раз лучше, чем словесные утешения. Она плакала, но впервые ей не было стыдно за свои слезы перед кем-то, хотя ее кредо было: никогда не показывать своих слабостей. Обязательно найдется тот, кто воспользуется этим и нанесет удар по самому тонкому, больному месту. Если плакать – то в подушку. Если жаловаться – то шуму льющейся в ванной воды. Если говорить о слабостях, то лишь с собой – ради того, чтобы работать над ними, превращая в сильные стороны.

Джек разжал объятия, и Аду будто внезапно столкнули в воду: вот она еще ощущала под ногами твердую почву, а вот уже беспомощно барахтается и захлебывается в воде, с недоумением и обидой глядя на того, кто вначале протянул ей руку, а затем оттолкнул.

– Нам нужно ехать дальше, – сказал он тихо. Ада торопливо вытерла глаза и кивнула: он прав. Жалеть себя – неблагодарное дело. Стоит только начать, и не остановишься.

– Ехать можешь?

– А ты умеешь водить машину?

– Нет, – ответил Джек после некоторой заминки.

– Тогда какие остаются варианты, – хмыкнула она.

– У тебя глаза опять зеленые, – обронил он, когда Ада занимала свое место.

– Тебя это как будто беспокоит.

– Да, – сказал парень и отвернулся к окну. Ну что за человек?

Часть пути они ехали молча. Но на этот раз тишина стала давить на Аду.

– Ты можешь не молчать? – не выдержала она.

– А что мне делать? Анекдоты рассказывать?

– Хотя бы!

– Могу и анекдоты...
– Мне все равно что. Главное, говори со мной. Я боюсь, что опять усну.

– А легенду хочешь? – спросил он вдруг.

– Давай легенду.

И Джек неторопливо начал:

– Это случилось так давно – во времена рыцарей и драконов, королей и принцесс, – что правдивая история успела превратиться в легенду, утратить детали и обрести невероятными подробностями. Мало кто помнит ее, и я, повествуя сейчас, сомневаюсь тоже, а так ли оно было на самом деле.

...Жил был молодой Король – храбрый и дерзкий. С самых юных лет отличался он отчаянным характером, страстью к риску и приключениям. И не раз мальчишкой попадал в такие ситуации, из которых вряд ли бы выбрался живым, если бы не берег его, как зеницу ока, Ангел-хранитель. Будущий Король об Ангеле, конечно, не знал и списывал все на свое везение. Судьбой была возложена на него важная миссия: должен был Король выиграть в будущем важное сражение, которое решило бы участь его страны. Сложная и ответственная миссия была и у его Ангела – хранить избранного.

Молодой Король, вступив на престол, женился. В супруги он взял юную деву, такую прекрасную, что даже Ангел, видевший райские красоты, глядя на нее, замирал от восхищения. Солнце тускнело на фоне ее ослепительной красоты. Яркое небо казалось бесцветным в сравнении с синевой ее глаз. Райские медовые ягоды становились горькими в сравнении со сладостью ее губ. Золото превращалось в речной песок в сравнении с золотом ее волос. Пение райских птичек звучало как воронье карканье в сравнении с ее певучим голосом. Юная дева, будто с небес сошедшая... Такая прекрасная, что даже Ангел не остался равнодушным к ее красоте и, как простой смертный, полюбил ее.

Когда молодая Королева засыпала рядом со своим супругом, Ангел усаживался на пол рядом с ней, целовал ее в лоб, чтобы снились ей райские сны, и просиживал так у кровати до рассвета. Забывая порой о возложенной на него миссии беречь Короля, он охранял сны госпожи своего сердца. Иногда Ангел плакал – от любви, от счастья иметь возможность присутствовать рядом с любимой, пусть и тайно. А поутру девушка находила на своей подушке алмазные капли – слезы Ангела. Но думала, что любящий супруг оставлял ей подарки, прежде чем уйти в новый бой.

Король любил супругу, но меньше, чем риск, бои и свою землю, которую желал защитить от наступавших захватчиков. Поэтому больше времени проводил не с красавицей Королевой, а в решении вопросов государственной важности и в боевых схватках. И Ангел, верный возложенной на него миссии, невидимо сопровождал Короля всюду. Но мыслями постоянно присутствовал рядом с той, которая покорила его сердце. Кто сказал, что у Ангелов нет сердца?..

Но, полюбив, Ангел стал испытывать и другие чувства, присущие простым смертным. Ревность. Желание постоянно видеть ту, которая занимала все его мысли. Зависть к удачливому сопернику. Если бы он мог быть ее Ангелом, а не ее супругом!

И вот настал тот день, который должен был изменить историю страны. Король уходил в решающий для его народа бой. И Ангел в тот день должен был беречь своего Короля как никогда...

Но молодая Королева ожидала ребенка, ей оставалось совсем немного до родов. Она упрашивала супруга остаться с ней, поступая в тот раз не как мудрая Королева, которая должна быть сильной, а как любящая, слабая женщина. Но Король ушел. Даже скорое рождение наследника и слезы любимой не могли остановить его перед выполнением долга. А Ангел... Он остался с той, которую любил. Ангел знал, чем окончится тот важный бой, если его не будет рядом с Королем, и все же отправил вверенного ему человека на смерть. Умышленно, хорошо понимая, что гибель Короля принесет горе его супруге, оставит младенца без отца, а целый народ – без страны. Но в тот момент ничего не мог поделать со своими низменными человеческими чувствами...

В ту ночь, когда на поле боя умирал со своими солдатами Король, когда пала обезглавленная страна, когда народ со стоном проклинал небо, молодая Королева родила сына. Но судьба ее в то мгновение, когда Ангел отказался от возложенной на него миссии, уже была переписана. Теперь ей тоже суждено было умереть – от рук захватчиков, ворвавшихся во дворец. И даже Ангел не смог ее спасти. Но он успел вынести на руках младенца до того, как в спальню к роженице ворвались иноземцы.

Ангела наказали: лишили крыльев и отправили на землю. С тех пор он был обречен жить на земле как простой смертный, испытывая все нужды и беды. Но жестокость наказания заключалась не в этом, а в том, что у него отняли то, что служило бы простому смертному избавлением, – возможность умереть. Он так долго живет на земле, что вполне может считать себя человеком, тем более что ему не чужды все чувства и потребности людей. Только одно чувство он так и не смог больше испытать

– любовь. Может, если бы он однажды вновь полюбил, то стал бы окончательно человеком и смог бы умереть, когда бы истек срок его жизни. Но, видимо, в наказание его лишили и этой возможности – вновь полюбить.

Так и скитается по земле этот и не ангел, и не человек. Проживает жизнь за жизнью, меняя облики, имена, страны. Единственным утешением ему служит то, что он может наблюдать, как продолжается род Короля... Видел он, как сын, родившийся у Королевы, рос в простой крестьянской семье, без дворцовых привилегий, но в любви. Знает он, что этот мальчик, повзрослев, поднял восстание и повел за собой народ. Он освободил страну, бой за которую проиграл его отец. Но не вернул себе корону и не прожил долгую жизнь, а умер так же доблестно, как и его настоящий отец, в бою. Но у него остался наследник, который не позволил прерваться тому роду. Его потомки уже давно рождаются, живут и умирают в других землях. И просуществовал этот род до настоящего дня, хотя и осталась из его представителей в живых всего лишь одна девушка.

А Ангел... Он, видимо, прожил такую сложную и бесконечную жизнь, что получил шанс на прощение. Если справится с вновь возложенной на него миссией – сохранить тот род. Единственную оставшуюся из него девушку. Вот такая легенда.

– Грустная... – сказала Ада после долгой паузы. – Грустная и красивая.

– Легенды в большинстве своем грустные и красивые, – улыбнулся парень, – на то они и легенды.

– Я очень желаю тому Ангелу полюбить и прожить простую человеческую жизнь... Вечные скитания – как это ужасно! Слишком жестокое наказание.

– Не знаю, – засмеялся Джек. – Это просто легенда, Ада, не более. Ты просила что-нибудь рассказать, и мне вспомнилось это.

Она не ответила. Ее мысли занимало то, что она бы сама предпочла короткую, но яркую жизнь длинной, но лишенной красок.

Вскоре они въехали в один из поселков, расположенных неподалеку от железнодорожной станции Боярышники. Джек предложил сначала найти гостиницу и оставить там вещи. Но Аде не терпелось скорее попасть в интернат, тем более что она не была уверена в том, что они останутся в поселке на ночь. Поэтому предпочла оставить машину на улице и до интерната отправиться пешком. Ее спутник хоть и не согласился внутренне с ней, но спорить не стал, только вытащил из оставленной в багажнике сумки пакет с бутербродами и термос с чаем.

Шли они молча. Ада невольно вспоминала моменты, эпизоды того времени, когда жила здесь. Много изменилось, многое сохранилось. По другую сторону железнодорожного полотна, со стороны Боярышников, там, где раньше находился пустырь, теперь развернулось строительство коттеджей. А вот больница за металлической оградой, мимо которой тоже лежал их путь, стояла, как и раньше, выкрашенная в тот же грязно-розовый цвет. И так же, как и тогда, во дворе гуляли пациенты в застиранных полосатых халатах, может быть, даже тех, что носили и пятнадцать лет назад.

– Вот здесь я лежала после той трагической ночи, – указала она рукой на здание. – Вон окна моей палаты. А через этот лес ходила на кладбище, когда мне разрешили гулять.

– Странное место ты выбрала для прогулок, – усмехнулся Джек.

– Больше и ходить было некуда, – сказала она. Не признаваться же ему, что ходила она к статуе возле склепа. Признается в этом, и за сумасшедшую сойдет уже она.

– До интерната еще долго? – поинтересовался парень.

– Примерно полчаса.

– Предлагаю перекусить. Вон под тем деревом вижу удобное бревнышко.

– Я не хочу есть, – ответила Ада. И вопреки ее словам желудок вдруг красноречиво заурчал. Джек рассмеялся и, обхватив Аду одной рукой, поволок девушку к бревну. И она, странно, не возмутилась, а засмеялась в ответ. Будто не свалились на нее все эти неприятности, будто и не находилась она в опасности. Рядом с этим парнем, совершенно ей незнакомым, чувство тревоги таяло, как ночь с приходом рассвета. От него исходили какие-то особые волны, попав в поле которых она вдруг начинала чувствовать себя спокойно.

А он, продолжая обнимать ее одной рукой, другой раскрыл сумку и достал бутылку с водой.

– Хочешь?

– Нет, – улыбнулась она и взяла бутылку. Открыв, протянула ее обратно Джеку. Лишь бы он не выпускал ее из объятий. Лишь бы просто как можно дольше сидел вот так рядом. И когда он закончил пить, опять взяла бутылку из его руки, закрыла и поставила у ног.

Он словно опять прочитал ее мысли: обнял второй рукой и крепко прижал к себе. А может, это было и его желание? Аде хотелось так думать.

Это просто усталость... Это просто долго томившееся в груди желание, чтобы кто-то обнял ее... Это просто...

– У нее глаза тоже были, как у тебя, разного цвета, – вдруг прошептал он ей на ухо. Ада не сразу поняла, о ком он говорит, но в ее душе шевельнулось очень неприятное чувство, которое она не смогла сразу определить, – так давно его не испытывала.

– У кого? – ревниво спросила она, скидывая его руку с плеча.

– У той молодой Королевы из легенды.

– Ты же сказал, что были у нее глаза синие! – насмешливо напомнила она. – Как ты там рассказывал? «Что даже райское небо казалось бесцветным в сравнении с синевой ее глаз». Ну или как-то так.

– Это поэтическое высказывание, – заупрямился парень. – На самом деле – разноцветные. Как у тебя.

– Откуда знаешь?

– Если бы я был тем Ангелом и если бы был влюблен в Королеву, то желал бы, чтобы у нее глаза были такие, как у тебя. Пожалуй, если буду еще кому-то рассказывать эту историю, то скажу, что один глаз у Королевы был зеленее райской травы, а другой – синее неба.

– Звучит чудовищно! – засмеялась Ада, потому что не знала, что еще ответить на этот лестный ей комплимент.

И в этот момент в ее кармане завибрировал мобильный.

– Игорь? – воскликнула она излишне эмоционально.

– Ты мне звонила? Прости, не мог ответить, – показалось ли ей, что в его тоне просквозил холодок?

– Игорь, что там произошло? Мне звонил Борис... Борисович. Он был в страшном гневе.

– Эм... – замялся Игорь и после паузы вымолвил: – Он здесь.

– Кто?!

– Большой Босс. В Москве. Прилетел минувшей ночью. Хотел видеть тебя. Уже ехал в офис, но потом перезвонил и изменил планы. Сказал, что будет, но не знает когда.

– Ты можешь мне сказать, что произошло? О каких липовых договорах он вел речь, о каких счетах?

– Я думаю, тебе это лучше знать, – осторожно ответил Игорь.

– И ты туда же! – взорвалась Ада и, вскочив с бревна, нервно заходила. – Говори немедленно или завтра же уволю!

– Ну, это... Понимаешь. Это все Писаренков. Заподозрил, что часть денег утекает налево. Принялся копать, как крот, по своей привычке, и обнаружил «левые» сделки, которые заключались не через контору, а частным образом. В общем, вскрылись крупные махинации. И деньги от этих сделок, естественно, уходили не на счет компании.

– А к кому?!

– К тебе, Ада.

– Что?!

– Ты только не волнуйся... Босс остынет и... Он тебя любит и...

Может...

– Ты в своем уме?! Ты меня тоже подозреваешь в том, что я мошенничала?!

– Нашлись копии документов, подписанные твоей рукой. Писаренков собрал на тебя довольно увесистый компромат.

– Быстро. Отправляйся. К нему. В кабинет, – с паузами произнесла Ада. – Открывай его стол, компьютер, папки и зачитывай мне все, что найдешь!

Пока Игорь выполнял задание, она с прижатым к уху телефоном ходила по полянке. Ее спутник продолжал сидеть на бревне и как ни в чем не бывало жевал бутерброд, вытасченный под шумок из сумки. Ада со злости чуть не запустила в него телефоном. Ну как он может?! Как может вот так спокойно обедать, когда она тут траншею от беспокойства уже протоптала! Ничего не значит его объятие! А она-то уже подумала, что он испытывает к ней симпатию. Если бы это было так, вряд ли бы он продолжал с таким невозмутимым видом перекусывать, когда «дама сердца» не находит себе места от беспокойства.

– Ада... – раздался в трубке голос Игоря. И по его осторожному тону девушка поняла, что случилось еще что-то.

– Ну что?!

– Все пусто. В компьютере – никакой информации. В ящиках, кроме канцелярии, ничего нет.

– О боже-е-е... – простонала она, хватаясь рукой за голову.

– Только одну папку нашел, на полке.

– Открывай и зачитывай, что там есть!

– Эм... Не знаю, имеет ли это отношение к делу.

– Читай!

– Тут будто личные дела собраны. На каких-то девушек. И одного молодого человека. Новинская Оксана Юрьевна, год рождения тысяча девятьсот восемьдесят второй, адрес проживания... – начал зачитывать Игорь. Ада зажмурилась и тяжело выдохнула: информация, которую Писаренков собирал по ее просьбе.

– Сухих Владимир... – закончил Игорь. – Только персональные данные этих людей, и ничего больше. На самой папке стоит дата...

И это так похоже на скрупулезного Писаренкова: он на любой бумажке

прописывал дату и заносил документ в какой-то свой реестр.

– ...Прошлогодня.

– Погоди. Как – прошлогодня? – не поняла Ада. Задание собрать информацию на ее знакомых по интернату Сергей получил недавно.

– Вот так. На папке стоит дата – ноябрь прошлого года. Ну и на каждом листочке тоже.

– Ничего не понимаю...

Зачем было Писаренкову собирать информацию задолго до того, как его попросили об этом? Или... Ада похолодела от внезапно пришедшей догадки: в ноябре прошлого года все эти люди еще были живы!

– Ада, мне нужно тебя оставить. Звонок от босса на другой телефон.

– Перезвони мне!

Сташков не ответил и отключил вызов. А Ада без сил опустилась прямо на траву. Это просто какой-то кошмар... Это театр абсурда. Абракадабра и путаница.

Почему Писаренков собирал данные на интернатовских еще до их гибели?!

– Вставай! Пошли! Чего расселся? – выверилась она на спокойно вытирающего рот салфеткой Джека. Тот и ухом не повел, достал из сумки другой бутерброд, неторопливо развернул фольгу и протянул его Аде.

– Садись и поешь.

– С ума сошел?! – Она выхватила бутерброд из его рук и швырнула на траву. На глаза навернулись злые слезы. Что-то много она в последнее время плачет. Будто за два дня решили пролиться все «осадки», не выпавшие за все долгие годы засухи...

– О господи, – тяжело выдохнул парень. – Эта дамочка меня с ума сведет своими перепадами настроения. Боже милосердный, когда родится уже тот гений, который напишет не менее святую, чем Библия, книгу о настроениях и желаниях женщины?

Он аккуратно поднял бутерброд, отряхнул и завернул обратно в фольгу. После чего протянул руку и, взяв Аду за запястье, усадил рядом с собой на бревно.

– Ну, рассказывай, что еще приключилось...

Боярышники, 1955 год

Слух, что Захариха прячет сундук с сокровищем, пошел от колхозного пастуха Седова. Недосчитался тот одной коровы в стаде, отправился

вечером в лес искать, да и увидел, как старуха копает в огороде яму. Забыв о корове, притаился за забором: что же дальше будет. А Захариха опустила в яму ящик. Сухонькая, старая, сучковатая, что многовековый пенёк, а вот силы откуда-то нашлись. Ну да не зря звали ее местные ведьмой. Шепотом, конечно, ибо – советская власть, пионеры и строительство коммунизма. А в стране развитого социализма, стране-победительнице какие, скажите, могут быть ведьмы? Предрассудки все. Однако говорили люди, что раньше, еще в досоветские времена, травяные настои Захарихи славились на все местные деревни. Даже, говорили, дочь графа обращалась к ней за помощью и платила за услуги фамильными драгоценностями. А что, если в сундуке и есть те самые драгоценности, которые, опять же по слухам, пропали из дома после гибели всей графской семьи?

Пастух Седов скумекал, что можно прийти к старухе под покровом ночи со сватом да вырыть сундук. А дальше уж найдут, как сбыть драгоценное: сват на то и сват, что знает, кому и куда «сосватать» сокровище.

Так бы все и случилось, не выпей в тот вечер Седов лишнего. Вот ведь напасть какая: нужно было соседу именно в тот вечер позвать его попробовать свежей самогонки, женой наваренной! «Нектар» оказался что надо. И в ту ночь Седов так и не дошел ни до свата, ни до Захарихи. Но проболтаться об увиденном успел, и слух огнем по траве распространился дальше, отравил едким дымом юные умы – старшего сына хозяина избы, который не преминул поделиться тайной еще с двумя друзьями. И группка из трех мальчишек, возглавляемая старшим сыном соседа пастуха Седова, вооруженная лопатами и мешком, под покровом ночи двинулась из деревни.

Маловероятно, что в огороде старухи может быть зарыт настоящий клад. Насочинял спяну Седов. Но свойственный мальчишкам азартный авантюризм толкал их в спины. То подбадривая друг друга, то беря на слабо, то умирняя страх мечтами о том, как много всего они смогут купить на вырученные от продажи драгоценностей деньги (как сбывать драгоценности, конечно, не думалось), они прошли добрую часть леса, умудрившись не сбиться с пути. А вон и дом Захарихи. Вот здесь пришлось погасить взятый из дома фонарь: а вдруг старуха не спит и заметит огонь?

Огород у Захарихи был небольшой, но не перерывать же весь от забора до забора! Два младших пацана пригорюнились. Но старший быстро сообразил, что надо просто присесть за сломанной телегой, откуда вел наблюдения Седов за Захарихой, и оттуда уже будет видно нужное место.

Так и сделал. Запомнил, какая часть огорода хорошо видна ему из-за телеги и отправился исследовать нужный пятачок. Искать не пришлось долго: земля в том месте была рыхлой, неутрамбованной. То ли у старухи уже сил не хватило замести как следует следы, то ли и предположить не могла, что кто-то за ней наблюдает.

– Копайте! – приказал парнишка младшим, решив, что доверит им копать, а сам уже вытащит сундук.

Копали долго, младшие тихо ныли, кляли затею, огрызались на старшего. И в тот момент, когда один из мальчишек уже в сердцах бросил лопату, раздался лязгающий звук: то ли на камень наткнулся инструмент, то ли и вправду на зарытый сундук.

– Я сам! Теперь я сам! – заволновался старший, беря в руки лопату. Но вдруг за его спиной раздался скрипучий голос:

– А вы что тут, черти, делаете?!

Мгновенная реакция и занесенный в ослеплении инструмент копателя... Он не хотел так поступать. Он читал Достоевского и осуждал Раскольникова за убийство старушки. Но тут будто кто-то его под руку толкнул: взмахнул лопатой и опустил ее ребром на темя несчастной Захарихи. Та даже ойкнуть не успела.

– Быстро! Быстро! – зашептал он, выкапывая из ямы «клад», оказавшийся небольшим деревянным ящиком с железным опояском, и кидая землю прямо на старуху, лежащую у ног онемевших от испуга двух младших мальчишек.

Тяжелый ящик, но донести можно. Он спрятал его в мешок и, понукая впавших в ступор пацанов, так быстро, насколько позволяла нелегкая ноша, побежал в лес.

В ту ночь, видимо, сам дьявол взял его под свое крыло: преступление так и осталось нераскрытым. Наутро в тяжелом похмелье ни пастух Седов, ни его сосед не могли вспомнить не то что ночные разговоры, но и имя свое. А младшие товарищи так и не проболтались: с каждым вдруг случилась неожиданная беда. Один так тяжело заболел, что даже в городской больнице не справились с его болячкой. А другой подавился за обедом. «Захариха нас прокляла!» – испуганно думал подросток, не столько горя по мальчикам, сколько чувствуя смесь облегчения (не проговорятся уж теперь его дружки) и животного страха – а ну как и его проклятие коснется!

Но время шло, и ничего с ним не случалось плохого. То ли на самом деле все эти разговоры о проклятиях – предрассудки темного, необразованного народа. То ли дьявол и правда взял его под свое

покровительство.

...А в ящике, надежно спрятанном в чулане среди хлама, оказалось вовсе не сокровище, а страшные куклы. Такие страшные, что он едва не вскрикнул, когда увидел первую из них. Слепленные из материала, похожего на свечной, обряженные в полуистлевшие тряпки. Вот так сокровище! Может, Захариха и вправду ведьмой была? Зачем прятала этих уродцев? Впрочем, таких уродцев он бы и сам закопал – с глаз долой. Да что-то его остановило. Какая-то сила исходила от этих кукол, которую он почувствовал интуитивно и поначалу испугался.

А еще придумал забавную штуку – куда определить этих кукол. Уже давно нравилась ему Элла из их класса. Волновала рано развившейся грудью, топорщащейся под форменным платьем. Да ходит эта Эллка что царица, нос задрав. Не замечает страданий пацанов. Подумаешь, царица кукурузных полей!

А скоро у нее день рождения.

Он представил себе, как тайком возьмет у матери картонку из-под праздничных туфель, уложит в нее куклу да обернет красиво. И, улучив момент, засунет коробку в портфель Элле. А та, обнаружив подарок, обрадуется. И будет гадать, кто же даритель... И девчонки вокруг нее соберутся и будут шушукаться и стрелять по мальчишкам глазами, пытаясь вычислить тайного «поклонника». А покрасневшая от внимания и удовольствия Эллка под смешки девчонок будет разворачивать бумагу на коробке... И как потом при всех завизжит от страха, обнаружив внутри этого уродца. А мальчишки будут хохотать и гадать, кто автор такой удачной шутки?

Пусть знает!

* * *

– Я не понимаю, зачем Сергею нужно было собирать информацию на интернатовских еще до того, как я его об этом попросила! – делилась на ходу Ада. – И, что самое ужасное, еще до их гибели.

– Вывод напрашивается неутешительный, – подтвердил ее опасения Джек, – но мог и не Писаренков собирать данные. Или он, но для кого-то другого. В первом случае ты, узнав, кем конкретно собиралась эта информация, можешь выйти на убийцу. Во втором... тоже.

– Папка была в его кабинете, – удрученно пробормотала Ада, – хотя это ничего не значит... Что-то там, в компании, сейчас происходит.

Ощущение, будто рушится Империя.

– Империя не рушится, это просто твой личный мир меняется. Но на месте землетрясений вырастают новые города.

– А если данные собирал все же Сергей, тогда почему не сказал мне об этом, когда я его озадачила аналогичной просьбой?.. И эти странные липовые договоры, счета и так далее. Весь этот «компромат» якобы собран им же, Писаренковым!

– Думаешь, он тебя решил уничтожить? – прищурил глаза Джек. На солнечном свете его глаза показались Аде желто-прозрачными. Тигриными.

– Не знаю, не знаю... Но что-то происходит. Копают под меня.

– Или под Писаренкова, – обронил вдруг парень.

– Почему?

– Сдается мне, он тут тоже – жертва. Может быть, случайная: сбил кому-то планы, а в ответ – сбили его. Зато как удобно сейчас повесить всех собак на него, тебя выставить в некрасивом свете перед вашим боссом. И подтасовать факты таким образом, чтобы ты начала во всех грехах подозревать Писаренкова.

– Уф... – выдохнула Ада и потерла пальцами виски. – На расстоянии сложно разобраться.

– Разберись сначала с этой угрозой, которая нависла над тобой, – посоветовал Джек. – Это важнее. Рабочие интриги подождут.

– Ты прав, – вяло согласилась она. Но все же выудила из кармана телефон и набрала номер Виктора. Когда сотрудник ответил, Ада спросила, собирал ли кто из их отделения информацию на интернатовских в ноябре прошлого года.

– Я – точно нет, – отрапортовал Виктор. После короткой паузы, во время которой совещался с напарником, ответил, что тот тоже ничего не знает.

– Еще у Павла надо спросить, но он сейчас вышел.

– Когда ваш Павел вернется, пусть мне срочно перезвонит, – сказала Ада. – И что это за история с махинациями, Виктор?

– Ада Валерьевна, этим расследованием занимался Писаренков. Нас в это дело не посвящал.

– Думаю, вы в курсе, что его кабинет, как и квартиру, обчистили. И, надеюсь, не будете утверждать, как Сташков и Босс, что левые сделки проворачивала я? Виктор, разберитесь с этим бардаком и перезвоните мне с отчетом.

– Ты, Ада, сама думай, – сказал Джек после того, как она закончила разговор. – Думай и ищи близко.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не поручай сейчас важные дела другим, думай сама. Я бы на твоём месте в данный момент никому в вашей компании не доверял, – сказал, как припечатал, парень.

Ещё не войдя на территорию усадьбы, Ада заподозрила неладное: ворота оказались приоткрытыми, будка, в которой раньше сидели охранники, – пустой. Может быть, конечно, за это время и поменялось многое, и территория Боярышников больше не охраняется, но такая мысль показалась ей маловероятной.

Подойдя к воротам, она увидела, что они приоткрыты ровно настолько, чтобы в проем мог протиснуться человек худощавого сложения. Попыталась сдвинуть их с места, но не добилась успеха: внизу ворота проржавели, а рельс, по которому они ездили, оказался забит землей и хвоей. То, что главный вход находился в столь запущенном состоянии, не сулило ничего хорошего.

Пока она растерянно старалась заглянуть через забор, ее спутник налег на ворота и сумел сдвинуть их с места так, чтобы в образовавшийся проем можно было без проблем пройти.

– Вуаля, мадемуазель! – шутливо поклонился он, пропуская Аду вперед.

Ностальгия не полоснула по сердцу, когда девушка вошла на территорию, только в душе шевельнулось неприятное чувство, что идти ей туда не нужно.

Понимая, что поступает как героиня американских ужастиков: лезет туда, откуда нужно делать ноги, она тем не менее отправилась по дорожке к главному корпусу. На всем лежала удручающая печать запустения. Асфальт растрескался до такой степени, что в щели свободно помещались падающие с деревьев сухие ветки. Газоны, которые в былые времена воспитанники засевали цветами, теперь оказались завалены мусором: ветками, бумагой, жестянками, стеклом от разбитых бутылок, обломками кирпичей. Сердце ее невольно сжалось: хотя она и не любила сам интернат, но Боярышники не заслуживали подобного надругательства.

К главному корпусу она подошла, уже догадываясь, в чем дело. Интернат, как таковой, либо перестал существовать, либо сменил адрес. Здание бывшего господского дома встретило их почерневшими колоннами с облезшей краской, валяющимися рядом с крыльцом осколками слетевшей черепицы, пустыми глазницами окон, кое-где крест-накрест заколоченных досками.

– Невеселая картинка, – присвистнул за спиной Ады ее спутник.

– Я не ожидала такого, – призналась девушка. – В Википедии ничего не было сказано о том, что интернат прекратил свое существование. А когда мне зачитывал информацию Писаренков, я его не дослушала, потому что торопилась.

Она надеялась, что поговорит с кем-нибудь из персонала интерната, может быть, кто-то смог бы ее вспомнить. Но теперь что делать?

Пока она рассматривала фасад пустующего здания, Джек попытался отворить дверь. Когда ему это не удалось, он не растерялся и подошел к одному из заколоченных досками окон на первом этаже. И не успела Ада спросить, что он собирается предпринять, как оторвал вначале одну доску, затем – другую.

– Что ты делаешь?! – запоздало вскрикнула девушка.

– А как нам иначе туда проникнуть?

Ада хотела ответить, что и проникать-то уже незачем, но, словно повинувшись какой-то силе, вдруг поманившей ее, подошла к окну. Привстав на цыпочки, заглянула в черное нутро здания.

– Страшно?

– Нет, – поспешно ответила она. – Ой, фонарик я в машине оставила!

– Женщины, – закатил глаза парень, – а косметичку небось с собой взяла?

– Не смешно, – буркнула Ада.

– Что бы ты без меня делала? – спросил Джек, открывая пакет и демонстрируя Аде и фонарик, и спички. Она, не признавая поражения, лишь дернула плечом.

– Давай подсажу.

Он включил фонарик, осветил внутрь и внимательно оглядел пространство под окном.

– Все в порядке. Только ногу не подверни.

– И не надейся.

– Это ты не надейся, что, если что, я потащу тебя на руках. Сама похрамаешь.

Ухватив сильными руками Аду за талию, он приподнял девушку так, чтобы она смогла перелезть через окно.

– Держи! – передал он ей вещи, когда Ада благополучно приземлилась по ту сторону. И сам так ловко перемахнул через окно, будто специально тренировался.

– Куда идем? – спросил он, отряхивая джинсы. Ада не ответила. Ощущение, что ей опять пятнадцать лет и что та страшная ночь будто

вновь вернулась, нахлынуло на нее так сильно, что ей стало трудно дышать. А интуиция продолжала настойчиво уговаривать повернуть назад. Нельзя ей здесь находиться. И почему-то именно *сейчас* нельзя.

– Наши спальни находились на третьем этаже, – повела Ада на «экскурсию» своего спутника. – Вот здесь был директорский кабинет. А вон там – вход в закрытое крыло. Где, собственно, и случилось все.

Сейчас крыло не было закрыто, видимо, уже после выпуска Ады здание полностью отремонтировали.

– Пойдем сразу туда, – предложил молодой человек.

– Если честно, я не знаю, что тут искать.

– Твои воспоминания, – уверенно ответил он и направился к лестнице.

Тут все изменилось... Советские плакаты были сняты, стены хотя и находились в запущенном состоянии, но уже не напоминали чешую неведомого животного из-за отваливающейся краски. Все же ремонт тут был произведен. Жаль, что усадьба опять умирает в запустении. Почему Борис, когда-то спонсировавший интернат, ни разу за все это время не обмолвился о его судьбе? Впрочем, она и сама никогда не заговаривала с ним о бывшем «доме».

– Я не помню, в какой именно комнате все произошло.

На втором этаже, как и на первом, царил полумрак из-за того, что окна были заколочены. Ада, освещая путь фонариком, заглянула в одну из комнат и увидела, что помещение занято скелетами кроватей. Как тогда... Она замерла на пороге, парализованная предчувствием, что вот-вот узнает что-то новое о той ночи.

– Все случилось в этой комнате? – спросил Джек, направляя луч света в помещение.

– Не уверена. В той тоже стояли кроватные каркасы, это меня и путает.

– Давай пройдем дальше, – предложил он. И, словно почувствовав колебания девушки, вызванные страхом – не темноты, не умирающего здания, а того, что вот-вот откроется страшная тайна, – взял ее за руку. Ада непроизвольно крепко сжала, словно ребенок, его ладонь.

– Идем, – сказал он.

Они медленно шли по коридору, заглядывая во все комнаты. Ада замирала на пороге, прислушивалась к своим ощущениям и... ничего не чувствовала. Она честно старалась вызвать в памяти ту ночь, представляла, что идет сейчас не с Джеком за руку, а следом за Раей, но ничего не выходило. Будто не хватало какого-то толчка для того, чтобы она вспомнила все. Чувствовала, что находится на правильном пути, но будто кружит на одном месте.

– Джек, дай я сама, – попросила девушка, понимая, что все дело, может быть, в том, что рядом с этим парнем она не испытывает того животного страха, который обуял ее в ту ночь.

– Ты уверена?

– Да.

Он нехотя выпустил ее ладонь из своей, и она пошла дальше.

Вдруг рядом с собой она услышала шепот. Подумав, что ее окликает Джек, повернулась, но никого не увидела. А шепот, удаляясь по коридору, будто звал, манил ее за собой. И она повиновалась, словно неведомому заклинанию. И не сразу обратила внимание на то, что темнота вокруг нее сгустилась, обволокла плотным коконом, словно пленницу, наполнилась тихими голосами и смехом, вызывающим мурашки по коже.

– Джек? – от страха едва слышно позвала Ада парня. Но он не отозвался. – Где ты?

Она заглянула в одну из комнат и увидела там... восседающую на кровати-скелете даму, облаченную в длинное строгое платье с воротничком под горло. Дама держала на руках младенца и баюкала его, напевая ему что-то на чужом гнусавом языке. Когда женщина подняла голову, Ада едва не закричала, потому что лицо у незнакомки было настолько ужасающе худым, что можно было принять его за лишенный плоти и кожи череп.

Женщина что-то пробормотала на своем языке и, желая показать Аде младенца, подняла его на руках и развернула к перепуганной девушке лицом. Ада не удержала тихого вскрика, потому что вместо младенца увидела страшную куклу, очень похожую на ту, которую ей недавно прислали. Она попятилась назад и налетела на одну из кроватей. Кровать издала гул, и именно этот звук отозвался в душе слабым звоночком воспоминания. На мгновение мелькнула в памяти картинка: она разворачивается и бежит, и вдруг раздается такой же гул, после которого наступает полная тишина. Что ее тогда напугало? Или кто?.. Там кто-то еще был тогда!

Как она выскочила из комнаты – сама не заметила.

– Джек! – закричала Ада в отчаянии, водя фонариком из стороны в сторону. Луч света выхватил из темноты невысокую фигуру, прижатую спиной к стене. И Ада опять закричала от ужаса, потому что у существа оказалось лицо нечисти: неестественно огромные глаза, похожие на приставленные яблоки, раззявленный до ушей беззубый рот.

Кто-то ее будто толкнул, и она влетела в следующую комнату. И едва не споткнулась о тело девушки, распластавшейся на полу. Ада тихонько вскрикнула, но не от ужаса, а от возникшей в памяти картины. Так тоже

было! В ту ночь. Даже не пытаясь рассмотреть несчастную, Ада попятилась назад. Ей, главное, выйти отсюда. Живой!

– Джек, где же ты, Джек?.. – чуть не плача шептала она.

– Пойдем, я покажу тебе, где он, – раздался над ухом девичий голос. Ада оглянулась и увидела рядом с собой Раю. Вокруг рта девушки виднелся темный ободок, будто синяк.

– Пойдем, – вновь повторила Рая, протягивая руку и касаясь локтя Ады ледяными пальцами. И вдруг дважды некрасиво высунула язык, свешивая его, словно пес в жару, набок, и судорожно, словно задыхалась, вздохнула. Ада воспользовалась моментом и бросилась бежать.

– Иди сюда, иди сюда, – слышались вокруг голоса. Луч света выхватывал стоящие по обе стороны коридора фигуры ее погибших соседей по комнате. – Будь с нами... Будь с нами...

Она бежала не разбирая дороги, прочь, прочь из этого страшного дома. Наружу, на улицу. Любым способом. Хоть в окно, но прочь отсюда. Металась в поисках выхода и не могла найти. А голоса вокруг нее уже не казались шепотом. Они заглушали даже ее собственные мысли. И не было спасения ни от страшных видений, ни от голосов, ни от ледяных прикосновений. Одна, в ловушке, то ли еще живая, то ли уже мертвая...

И вдруг Ада увидела выход. Кусочек неба в светлеющем проеме. И бросилась к нему. А призраки будто поняли, что она пытается сбежать, и, протянув к ней руки, схватили за край свитера и с силой дернули назад...

Пришла Ада в себя от мокрых прохладных прикосновений ко лбу. В первый момент подумав, что ее опять касаются руки призраков, закричала и открыла глаза.

Яркий свет ударил в глаза так неожиданно, что девушка зажмурилась.

– Слава богу, очнулась... – услышала она голос Джека. Похоже, это становится традицией: терять сознание и приходить в себя в объятиях этого парня. Это было бы романтично, если бы не было так пугающе.

Он легонько коснулся ее лба, и Ада поняла, что он обтирает ей лицо смоченной в воде ладонью.

– На секунду всего потерял тебя из виду, – причитал почему-то Джек. – И ведь чувствовал, что не надо нам туда идти, что нельзя мне тебя отпускать...

– Что случилось? – спросила она, продолжая слегка жмуриться и моргать от света. Выражение лица у парня показалось ей слишком встревоженным.

– Лучше не спрашивай, – ответил он.

– Там были... Там был целый этаж призраков! – выпалила она.

– Там никого нет, – ответил Джек. – Призраки живут в твоём воображении.

Ну вот, а она надеялась, что он ей поверит.

– Я не насмехаюсь над тобой, – торопливо добавил он, опять угадав ее мысли. – Но это так и есть: призраки существуют, но живут в твоём воображении. Как бы тебе объяснить... Не знаю, что ты увидела, но в тот момент ты жила как бы не в настоящей жизни, а в увиденной тобой. То есть снаружи все оставалось так, как и было: пустынный коридор, ты и я, идущие по нему. А вот что происходило «внутри» тебя – я не знаю. Но догадываюсь, судя по тому, как ты стала дергаться, метаться, кричать. А потом... бросилась к окну.

– Я собиралась выпрыгнуть в окно? – ужаснулась Ада.

Джек помог ей сесть. И девушка наконец-то обратила внимание, что расположились они на верхней ступени крыльца. Слава богу, хоть из здания выбрались.

– Что-то происходит внутри тебя. И меня пугают мои предположения. Глаза, кстати, у тебя опять зеленые... Каждый раз, как...

– Эй! Вы что тут делаете?! – раздался громкий рассерженный голос с аллеи, ведущей к корпусу.

К ним торопливым шагом направлялась женщина, одетая в мешковатые джинсы и шерстяную кофту, волосы незнакомки были повязаны косынкой. Ада не смогла определить ее возраст из-за одежды, скрывающей формы, и полноты, которая прибавляла женщине лет. В руках незнакомка держала хозяйственную сумку, наполненную какими-то пластиковыми бутылками с крышками-пульверизаторами. В другой руке несла небольшой таз.

– Совсем стыд потеряли – миловаться тут! Небось и в здание забирались знамо зачем...

– Погодите, не кричите, – перебила женщину Ада и встала на ноги. Ее шатнуло от слабости, деревья заплясали перед глазами, и она упала бы, если бы спутник не подхватил ее под локоть.

– Сядь, – шепнул он ей, – найди в сумке шоколадку и съешь кусок. Там есть одна плитка, я положил.

Ада не стала возражать, потому что в голове неприятно шумело и видела она все расплывчато. Что же с нею происходит?

А Джек тем временем уже подошел к женщине и стал что-то объяснять той, указывая руками то на здание усадьбы, то на медленно жующую шоколадку Аду. Женщина кивала, а затем, выглянув из-за спины парня,

махнула Аде рукой:

– Вы тут погодите минуточку! Я сейчас вернусь!

– Что ты ей сказал? – поллюбопытствовала Ада, когда Джек вернулся к ней.

– То, что есть. Что ты когда-то воспитывалась в этом интернате и что сейчас ищешь кого-то из бывшего персонала, чтобы решить один важный вопрос. Нам повезло: мать этой женщины когда-то работала тут и, возможно, могла тебя знать. Интернат уже лет пять как не существует, расформировали. Усадьба стоит в запустении из-за отсутствия финансирования. Местные хлопочут о том, чтобы добиться охраны усадьбы как памятника культуры. И своими силами поддерживают здания в более-менее приличном виде. Эта женщина, Ирина, одна из этих равнодушных людей.

– Ну, все, я готова! – появилась женщина уже без ноши и вытерла руки о джинсы. – Мы тут потихонечку все отмываем с подружками. Вот, приносила кое-что для уборки. Так как, идем? Моя мама, думаю, сможет вам помочь. Она работала тут до закрытия интерната. У нас это вообще семейное – работать в усадьбе. Даже еще моя прабабка тут трудилась.

– Погодите... – резко остановилась, будто налетела на стену, Ада. – Вашу маму случайно не Нюрой зовут?

– Нюрой, а как же еще! – обрадовалась Ирина.

– Ой... Не знаю, вспомнит ли она меня, но я ее очень хорошо помню!

По дороге Ирина рассказала, что бабка Нюры, Ульяна, трудилась у самих господ. И была не просто служанкой, кухаркой или посудомойкой, как думала когда-то Ада, а кормилицей дочери хозяина.

– Ой, она столько историй знала! Моя мать любит их пересказывать. Только где уж правда, а где вымысел – и сама не знает.

Возвращаться пришлось вновь за линию, в поселок. Но идти было интересно: Ирина оказалась разговорчивой, как и ее мать, и рассказывала всю дорогу о себе, семье, самой Нюре и немного об усадьбе, в частности, о том, как местные жители пытаются сохранить памятник архитектуры своими силами и пишут во все инстанции письма в надежде на финансирование. Сама Ирина проживала с семьей – мужем, дочкой-подростком и матерью – в небольшой двухкомнатной квартире.

– В тесноте, да не в обиде, – оптимистично заключила она.

Аде понравилась эта бойкая, живая женщина. Слушала она ее с интересом.

Нюра гостям обрадовалась: она обожала слушателей. А тут выдалась такая редкая теперь для нее возможность – поговорить. И Аду она тоже

вспомнила. Всплеснула руками и кинулась обнимать, будто родную дочку.

– А выросла-то как! Ой, а я тебя совсем вот такой помню, – отмерила она ладонью у своей груди. – Вроде и тихуша была, а такая – в обиду себя не даст. Замечательная девочка! Нравилась ты мне.

Сама Нюра за эти годы сильно сдала: встретив случайно на улице, Ада ни за что не признала бы в этой старухе с горбом ту подвижную языкастую Нюру, которая гоняла шваброй мальчишек за испачканный пол, грозила девчонкам веником за наклеенные на стены плакаты звезд и сама же бойко взбиралась на стремянку, чтобы оттереть с потолка следы от мяча, которым забавлялись пацаны в коридоре.

Об истории, случившейся тогда с Адой, Нюра, конечно, знала. Но не больше самой девушки. Правда, припомнила, что директрисе та трагедия грозила большими неприятностями, она куда-то ездила, суетилась, звонила и всем в интернате, даже воспитателям, строго-настрого запретила обсуждать происшедшее.

– Будто скрывала чего. Да еще, кажись, деньги куда-то возила, кому-то давала, – вымолвила Нюра, задумчиво пожевав губами. – А ты так и не вспомнила, как померла та девочка?

– Нет.

Разговор прервала вошедшая в комнату со скатертью в руках Ирина.

– Айда обедать! Я борща с вечера наварила такого вкуснющего! За обедом и покалякаете обо всем.

Ни Ада, ни ее спутник отказываться от приглашения не стали. За накрытый стол сели вчетвером: муж Ирины работал, дочка после школы гостила у подруги. Угощение было скромным, но очень вкусным: домашний густой борщ, такой ароматный, что от его аппетитного запаха даже кружилась голова. Домашняя сметана. Соленые грибочки с луком в пиале, залитые маслом пополам с рассолом. Маринованные пупырчатые огурчики. Деревенский пышный хлеб. И на второе вареная картошка с зеленью и маслом.

Джек тоже ел с аппетитом. Ада перехватила одобрительный взгляд хозяйки и улыбнулась. Вдруг под столом что-то тронуло ее за коленку, так неожиданно, что девушка чуть не пролила борщ себе на грудь.

– Ой!

Из-под стола вылезла белоснежная, словно Умка, собака с черным носом и такими же глазами-угольками. Вышла, улыбнулась, обнажив крепкие зубы, и завиляла хвостом.

– Ах ты, попрошайка! Белка, а ну-ка из-за стола!

Собака не послушалась, села напротив гостя и в нетерпении забила по

полу хвостом-пером.

– Откуда ты такая? – ласково спросил парень и почесал собаку за ухом. Белка лизнула его в руку и вдруг сорвалась с места.

– За дитенышем побежала, – недовольно произнесла Ирина. – Хвастушка ужасная. Всем гостям норовит показать свое сокровище.

– Да ну, хвастушка, – возразила Нюра с усмешкой. – Это она тебя наслушалась: «приблуда, принесла в подоле» да «куда девать это отродье?», вот и ищет сынку доброго хозяина.

И, уже обращаясь к гостям, пояснила:

– Нагуляла наша Белка щенка. А куда он нам? Вон живем как тесно! Ирина и ворчит каждый день, что превратится щенок в пса метрового. Грозится каждый день найти ему новых хозяев, а сама и не чешется выполнять угрозу.

– Да люди все недобрые попадаются, – отмахнулась Ирина. – Жалко-то животину в плохие руки отдавать. Пусть уж с нами пока живет.

В кухню вкатился смешной клубок на толстых лапах, который совершенно не был похож на мать окрасом: серый, мордочка и кончик хвоста – черные, будто их обмакнули в чернила. На лапках – белые «носочки». Толстопуз сел на пол, склонил голову набок, приподняв одно ухо-конвертик, и застучал хвостом-прутиком по линолеуму. Следом за щенком на кухню царственной походкой вошла Белка и села чуть поодаль, наблюдая, произвел ли ее сын на гостей должное впечатление.

– Ну, что я говорю? Мамаша сама хозяйина своему отпрыску ищет! – довольно произнесла Нюра.

Джек наклонился, протянул ладонь, и щенок тут же ткнулся в нее влажным носом.

– Я возьму его, – объявил парень, сажая щенка себе на колени. Ада чуть борщом не подавилась:

– Ты охренел?!

– Выбирайте выражение при детях, дамочка! – строго отрезал он и так глянул на Аду, что у той пропало желание возмущаться.

– И как ты его собираешься в столицу везти?

– На твоей машине.

– Пешком пойдешь! – огрызнулась Ада, но, перехватив настороженный взгляд молодой хозяйки, прикусила язык. В самом деле, невежливо сейчас выяснять отношения.

– Вкусный борщ, – похвалила она и покосилась на взрослую собаку, наблюдавшую за гостьей с настороженностью.

– Добавочки? – подскочила Ирина. Но Ада отказалась.

А Нюра тем временем, убедившись, что мир восстановлен и, кажется, щенку найден хозяин, продолжила вспоминать.

Рассказывала она много, с лишними подробностями. Но все же главное – происхождение кукол – удалось узнать.

Бабка Нюры, Ульяна, на самом деле прислуживала в господском доме: была кормилицей дочки Петра Алексеевича Аси. Нюра поведала о том, что мать Аси умерла во время родов, а когда девочке исполнилось пятнадцать лет, отец привел в дом новую хозяйку – француженку Мари. Отношения между мачехой и падчерицей не сложились. И Ульяна совершила грех: отвела любимицу к местной знахарке Захарихе с тем, чтобы ведунья «развела» Мари и Петра Алексеевича. Но Ася, получив указания от Захарихи, что-то не так сделала в ритуальных действиях. Напутала от страху.

– Мари в смерти Петра Алексеевича да в своем несчастье – потере ребеночка – обвинила Асю, – рассказывала, макая в чай сушку, Нюра. – Вроде как, еще до трагедии, ходила к семейному склепу просить «благословения» у покойной матери Аси. Да увидела там свою куклу и поняла, в чем дело. После трагедии Мари немного не в себе стала, все горевала и о муже покойном, и о ребеночке неродившемся. Даже в отчаянии в реку бросилась. Ее Захариха спасла и приютила. Она же, знахарка, и поведала эту историю моей бабке Ульяне. Лечила ведунья иноземку, кормила. А Мари на своих куклах да жажде мести заклинилась: все лепила страшилищ да бормотала что-то себе под нос. У Захарихи какие-то травы таскала да в воск добавляла. Не знаю, правда или нет, сказываю со слов бабки: в народе болтали, что Мари всегда была ведьмой, но Захариха уж потом пояснила моей бабке, что болтали люди зря. Несчастливая баба была та француженка, которая неожиданно обрела короткое счастье, да и то украли у нее. А слово, сказанное с ненавистью, может похлеще колдовства навредить.

Она тех кукол лепила, думала, что ребятенка они ей заменят. Так Захариха разьясняла. Хотя все мечтала отомстить той, кто порушил ее счастье.

А у Аси за ее грехи расплата страшная случилась: помешалась девка, чудища ей вокруг все мерещились. Моя бабка Ульяна уж и так и сяк за ней ухаживала. А Ася все про демонов каких-то бормотала, мол, за грехи ее мучают. Казнилась сильно, себя обвиняла в произошедшей трагедии. Захариха с себя всю вину на бедную девку сложила, мол, та сама виновата, напутала что-то в ритуале, потому и случилась беда. Мол, если бы не это, разошлись бы подобру-поздорову Петр Алексеевич с Мари, и все. А я вам

вот что скажу: не верю в это. Злая задумка никогда добрым делом не обернется.

А в один день случилось вот что: кто-то принес Асе корзинку, в которой девица обнаружила страхолюдную куклу. Я вот так и думаю, что Мари это сделала, потому как отомстить желала. Не знаю, такого ли конца добивалась или просто напугать желала, но Ася от страха совсем рассудок потеряла. И так уж нездорова головой была, мерещился ей повсюду призрак «упокоенной» мачехи. А тут еще это... Кинулась с лестницы и разбилась. А Мари пропала. Оставила знахарке своих кукол, не взяла ничего и ушла. Вот такой сказ. Что в нем правда, что выдумка, не мне судить.

Больше ничего полезного и важного Аде выяснить не удалось. Нюра рассказывала еще какие-то интернатовские истории, но они девушку уже не интересовали, хотя она и слушала с вежливым вниманием. Джек увлекся тем, что развлекал щенка, которого, как выяснилось, звали Сниф. Ирина предложила гостям остаться переночевать, но Ада наотрез отказалась: зачем стеснять добрых людей? К тому же, как выяснилось из разговора, гостиница в поселке все же наличествовала.

Вставая из-за стола, Джек нехотя спустил щенка с колен и сказал, что перед отъездом обязательно зайдет за ним.

– Пешком домой пойдешь, – тихо прошипела ему Ада, чтобы хозяева не услышали. Но Джек метнул на нее такой испепеляющий взгляд, что она осеклась, поняв, что перспектива добираться до столицы автостопом грозит ей.

Уходя, Ада незаметно подсунула под телефонный аппарат на тумбочке несколько крупных купюр. За помощь и гостеприимство.

Гостиницу они нашли быстро: Ирина подробно объяснила дорогу. Пустых номеров тоже оказалось достаточно: приезжих тут бывало мало, да и те, кто приезжал, останавливались у родственников или друзей. Только вот одноместных номеров не оказалось, так что пришлось брать «двушку». Ада решила не экономить и взять по номеру себе и Джеку, но парень ее опередил.

– Один двойной номер, пожалуйста, – попросил он у администратора с такой приятной улыбкой, что у Ады в душе шевельнулось неприятное чувство, похожее на ревность. Хотя с чего ей его ревновать!

Когда они поднимались с вещами на нужный этаж, Джек пояснил, что не желает оставлять Аду без присмотра, потому и попросил один номер. Ада промолчала. Но когда увидела огромную двуспальную кровать,

застеленную общим одеялом, растерялась: и как тут быть? С одной стороны, диванчик наличествует, куда она и отправит своего «телохранителя». С другой... Такая огромная кровать, воспоминания об увиденной мельком и взволновавшей ее спине настраивали ее на другие мысли, распаляя воображение... Даже если Джек будет спать на диване, она сама, похоже, еще одну ночь промучается бессонницей от навязчивых, смущающих ее образов.

– Удобная, – оценил парень кровать, окинув ее взглядом. И отправился исследовать номер дальше.

– Неплохо, – отозвался он из ванной. – Главное, горячая вода есть.

– Если ты не собираешься сейчас в душ, то я иду первой, – сказала Ада, доставая из сумки нужные принадлежности.

– Придется тебе, как даме, уступить, – усмехнулся он, появляясь в комнате.

Ада не ответила. Взяв к банным принадлежностям полотенце, скрылась в ванной комнате. Ей нужно побыть одной, отдохнуть, подумать. Чувствовала она такое опустошение, будто от нее осталась лишь одна оболочка. Возможно, связано это чувство было с тем, что она возлагала большие надежды на эту поездку, предполагая найти исчерпывающие ответы на все вопросы, но из этого ничего не получилось. Ну, узнала от Нюры историю, которая, похоже, проливала свет на происхождение куклы (или кукол?), но и только. Возможно, кукла, отправленная ей, хранила в себе проклятие несчастной Мари. Возможно, это проклятие легло и на нее, Аду. Иначе как объяснить те странные и опасные вещи, которые с ней стали происходить? Скорее всего, и ее бывшие соседки по комнате, и Вовчик тоже получили такие «подарки», которые довели их до отчаянного шага. Теперь Аде стал понятен смысл той сумбурной записки, что оставил Вовчик. Он, как и она, пытался вырваться от преследовавших его то ли призраков, то ли «демонов» (здесь Ада затруднялась определиться с названиями) и, как она сама сегодня, увидел «выход» в окне. Может, в куклах содержится какой-то злой дух, который мучает жертву кошмарами и в итоге обрекает на страшную смерть? Неумолимый злой дух, в который обратились проклятия Мари, ее боль, ее страхи и жажда мести всему живому... Как сказала там Нюра? Иногда слово, произнесенное с ненавистью, может оказаться опасней колдовства.

Если это так... Если что-то вселилось в нее, что управляет теперь ее волей, то незавидная участь уготована ей впереди. Такая же, как у ее соседок по спальне и у Вовчика.

А Джек, видимо, понял, в чем дело, только не говорит ей, чтобы не

пугать еще больше. Потому и заглядывает ей в глаза с таким беспокойством. Потому и не захотел пояснять, что произошло с ней сегодня в интернате.

Ада подошла к зеркалу, потерла ладошкой его запотевшую поверхность и не без страха заглянула. Нет, ничего пугающего: у отражения ее обычные глаза.

Надо поговорить с Джеком...

Она оделась в свободные джинсы и рубаху и вышла из ванной.

Парень сидел прямо на ковре перед креслом и вытаскивал из сумки свои вещи.

– Надо было Снифа сразу взять, – сказал он вдруг, услышав за спиной шаги девушки.

– И как ты представляешь себе заселение в гостиницу с собакой? – хмыкнула Ада.

– Что-нибудь придумал бы. Ты что, разве никогда не нарушала никаких правил? Кроме дорожных, разумеется: в этом, я уже убедился, ты профессионал.

– Я всегда живу по правилам, – отчеканила она.

– Грустно как, – вздохнул он. – И даже в интернате так жила?

Она не ответила. Вместо этого спросила другое:

– И что ты со щенком делать собираешься?

– Как что? Любить и растить.

– У тебя хоть есть где жить? – присела она рядом на ковер, так же, как он, сложив по-турецки босые ноги.

Он не ответил.

– Я о тебе ничего не знаю... – повторила Ада попытку разговорить его.

– А зачем? – пожал он плечами, беря с кресла полотенце с намерением отправиться в душ. – Впрочем, я тебе рассказал о себе куда больше, чем собирался. Больше, чем кому бы то ни было вообще...

– Ничего ты о себе не рассказывал! – возмутилась она. Джек задержался и вдруг посмотрел на нее таким долгим и печальным взглядом, что она не выдержала и опустила глаза.

– Ты просто невнимательно слушала, – сказал он. – Я мог бы выдумать любое имя... Что, впрочем, и сделал. Могу назвать любой адрес, по которому якобы проживаю. И даже, если понадобится, показать какой-нибудь документ. Но ничто из этого не расскажет обо мне всего того, что было и есть на самом деле. Имена мы меняем. Как и адреса. Бумажки теряются, портятся, у них истекает срок годности. К чему забивать голову этой несущественной ерундой?

– Странный ты человек, – вздохнула Ада и поднялась. Но Джек уже скрылся в ванной.

Ада растерянно прошлась по номеру, прислушиваясь к шуму воды в ванной. Покосилась на лежавший на тумбочке мобильный, борясь с желанием позвонить опять в офис. Но остановила себя. Джек прав, ей надо вначале разобраться с куда более важными делами. Как прав и в том, что что-то меняется. Словно двигаются подземные плиты, в разломы проваливается все ненужное, а когда-то казавшееся жизненно важным, что-то вызывает страх, что-то тревогу, а что-то, наоборот, будоражит предчувствиями хороших перемен. Она сама тоже меняется. И дело не столько в том «проклятии», которое она «подцепила» от куклы, сколько в этом странном парне...

Хлопнула дверь ванной, и вышел он – босой, в распахнутой рубашке, которую застегивал на ходу. Ада покосилась на него и отвела взгляд: ей с этим странником не по пути. Предчувствие, что он в ее жизни ненадолго, отдалось горечью и болью – не в горле, а в сердце.

– Пойдем пройдемся, – сказала она, чтобы скрыть от него внезапно накотившую грусть. – Времени еще уйма, чем его занять – ума не приложу. Не понимаю, зачем мы остались тут еще и на ночь. Могли бы вернуться домой.

– Значит, так надо, раз остались. Пошли пройдемся, – легко согласился он.

Когда они проходили мимо мирно стоящей на стоянке машины, Джек вопросительно кивнул на нее, но Ада уверенно прошла дальше. Туда, куда она собралась, лучше идти пешком, хотя и можно проехать на автомобиле.

Она и сама не понимала, почему сейчас выбрала этот маршрут, по которому в свое время бродила ежедневно. Думала поговорить с Джеком по пути, но поняла, что ей не хочется с ним сейчас ничего обсуждать. Они шли рядом, иногда чуть соприкасаясь руками, по широкой, безлюдной в этот час просеке. Солнечный свет падал сквозь кроны на пыльную дорогу причудливыми узорами. Тишина, наполненная лишь чириканьем и шелестом листвы, была такой успокаивающей – Аде хотелось задержаться в этой идиллии как можно дольше.

Но тем не менее одна тучка набежала на чистый небосклон и заслонила собой солнце. Идя по этой дороге, Ада вдруг спиной почувствовала взгляд пятнадцатилетней девочки, которая, сидя на больничном подоконнике, рисовала странные картинки. И подумала, что все же интуитивно правильно выбрала тогда символы, чтобы передать через них свои ощущения или открытия. История Мари попадала под эти

рисунки, как и история ее падчерицы Аси, в отчаянии решившейся на колдовской ритуал. Но в то же время ее рисунки имели отношение и к той трагической ночи, случившейся пятнадцать лет назад. Потому что именно тогда Ада заглянула в лицо смерти. Лицо было скрыто тенью, поэтому в своих рисунках она выбрала маску...

Боярышники, 1997 год

Он всегда чувствовал себя одиноким, даже когда находился в окружении семьи или друзей. Он чувствовал себя одиноким, потому что ощущал, как с каждым прожитым днем увеличивается пропасть между тем временем, в котором ему хотелось оказаться, и тем, куда неумолимо несли его годы. Он любил весну – ее невинность, незрелость, будоражащую кровь свежесть. Ему хотелось задержаться в ней, но в его жизни прочно поселилась осень. Он лез на стену от депрессий, в его душе гулял не легкомысленный сквознячок, а бушевали порывистые, срывающие охапками последние надежды сильные ветры, в его глазах отражалось не солнце, а затянутое тучами небо. Пасмурные, дождливые мысли он заглушал рабочими проблемами, от промозглого сырого холода пытался согреться успехом, но это все было не то, не то...

Прививки от осени – его маленькие побеги в весну. Его грехи – глотки чудесного эликсира, кому-то показавшиеся бы смертными, – дарили ему обманчивое возвращение в молодость. Когда он нашел этот выход, ему стало легче. И пусть не всегда он мог принимать «дозу», но он знал, что есть у него средство от страха пред неотвратимо надвигающейся зимой. Пока есть.

Отлучки не вызывали подозрений: семья привыкла к его разъездам. «Шалить» приходилось аккуратно и не тогда, когда хотелось, а лишь когда выпадал редкий удачный случай. Риск, который бы в молодую кровь для пикантности добавлял адреналина, для него оборачивался тахикардией. Пользы и удовольствия получалось меньше, чем вреда. Но, к счастью, нашел он постоянное место, куда мог приезжать когда угодно и брать то, что пожелает.

И все же он не стал рисковать. Выбрал из всех одну девочку, миленькую внешне, с не девичьими формами, а уже вполне себе женскими, зрелыми. Он предпочел бы еще неоформившуюся прелестницу, но риск... риск, столь опасный и вредный для него. Он выбрал эту девочку потому, что была она от рождения слабоумной и ничего не смогла бы рассказать

кому-либо о происходящем. Девочка постоянно либо молчала и глупо улыбалась, либо хихикала. И все было хорошо, но на третий раз случилась осечка.

...Директриса, прирученная его щедрыми подарками, спокойно вручала ему ключ от закрытой части здания. Конечно, он мог бы выбрать и другое место, более комфортное, но, опять же, риск. Вдруг увидит кто? По территории даже ночью кто-то сновал из персонала. А в закрытое крыло никто не совался. Да и антураж был частью его игры: комфорт напоминал ему о старости – домашние мягкие туфли, удобное кресло-качалка, теплый плед.

В ту ночь его девочка, тоненько повизгивающая и хихикающая даже во время *этого*, была, как никогда, хороша. И кто бы мог подумать, что именно той ночью группа подростков проберется в закрытое крыло?

Он очнулся от тихого вскрика сзади. Оглянулся и увидел прямо за своей спиной девочку-подростка, которая, вытаращив глаза от испуга, стояла и смотрела на раскинутые в стороны ноги его малолетней любовницы и его обнаженные ягодицы. И вдруг девочка открыла рот, чтобы завизжать. Он опередил ее на мгновение, руководствуясь не разумом, а страхом и инстинктами: подскочил к девочке и закрыл ей рот одной рукой, другой плотно обхватил, чтобы не вырвалась. Девочка извивалась в его руках, пыталась укунить за ладонь. А он в это время судорожно пытался решить возникшую проблему: что делать? Эта девчонка всем расскажет об увиденном. Конечно, уже позже, не раз прокручивая в голове случившееся, он корил себя за горячность. Можно было попробовать договориться со свидетельницей его «шалостей», выменять ее молчание на подарки. А может, она в полутемноте и испуге не запомнила его лица. Он мог бы выпустить ее и спрятаться... Даже если бы она побежала за помощью, успел бы выбраться. Но тогда, тогда он, застигнутый на месте преступления, не мог соображать. И не сразу обратил внимание, что девушка в его руках вдруг перестала дергаться и как-то отяжелела. Когда заметил, было уже поздно: из его испуганно разжатых рук бездыханная девочка с глухим стуком упала на пол. Он не хотел ее душить! Он просто желал, чтобы она не кричала... Как, как так вышло?

А его любовница, подтянув к себе голые ноги и даже не прикрывшись, смотрела на все с глупым хихиканьем. Похоже, происходящее ее забавляло.

– Райка, ты тут? Пойдем уже! Там остальные поднялись, – раздалось вдруг в комнате. В дверном проеме появилась еще одна девочка, постояла в сомнениях на пороге и двинулась вперед.

– Ой! – испуганно остановилась она прямо перед ним. Картина еще та:

мужчина со спущенными штанами стоит над бездыханным телом другой девочки.

Пару мгновений оба в ужасе смотрели друг на друга. Девочка опомнилась первой и, развернувшись, бросилась бежать. Но зацепилась ногой за ножку кровати и упала, глухо стукнувшись головой о край тумбочки.

А из коридора доносились уже другие голоса. Ему ничего не оставалось, как бросить свою хихикающую любовницу сидеть на кровати, два тела девочек, лежащих на полу, и спрятаться, как неудачному любовнику из анекдотов, в полуразвалившемся шкафу. Как его не нашли? Как он не выдал своего присутствия чихом, ведь в шкаф словно вытряхнули мешок пыли? Чудо. Не иначе как сам дьявол и правда покровительствовал ему.

В той истории ему удалось выгородить себя. Все представили как несчастный случай. Его малолетнюю любовницу от греха подальше перевели в другое место. Директрису он щедро заваливал подарками и деньгами за молчание. И она, используя свои связи и его деньги, как-то смогла все уладить.

Но его беспокоила выжившая девочка, хотя после травмы она и потеряла частично память. Но все же мог наступить день, когда она вспомнила бы все...

* * *

– Значит, говоришь, вспомнила, что произошло тогда...

– Да. Я увидела в той комнате голого мужчину, стоявшего над телом Раи. Тогда я еще не поняла, конечно, что Рая мертва. Просто испугалась от неожиданности.

– Лицо ты его вспомнила?

– Нет. Потому что, видимо, не увидела. Может, поэтому и изображала маску. Еще там была другая девочка из нашего интерната. Слабоумная Лялька. Ее я узнала. Правда, потом и это вылетело у меня из головы – мне сказал об этом Вовчик, когда пришел ко мне в больницу. Этот педофил забавлялся с бедной девочкой. А ее стоны мы приняли за скулеж собаки... Похоже, местный развратник повадился ходить к нам в интернат и пользоваться воспитанницами. Разыскать бы директрису и устроить допрос с пристрастием! – с плохо скрываемой злостью и горечью произнесла Ада.

– Ты, кажется, прослушала: Нюра сказала, что директриса три года

назад умерла.

– Правда? – удивилась Ада. – Видимо, на самом деле пропустила. Ну, значит, больше спрашивать некого. Завтра с утра отправимся домой.

– Заберем только Снифа, – напомнил Джек.

– Что с тобой делать... – смирилась Ада и сказала: – Пришли. Вот сюда, к склепу Боярышниковых, я любила приходить тогда, пятнадцать лет назад.

– Невеселое место для прогулок.

– Много ты понимаешь... – пробормотала она, с ужасом глядя на то, что осталось от статуи: расколовшийся пополам, будто в него попала молния, постамент. А фигуры ангела не было совсем. Видимо, увезли.

– Тут стоял ангел... – сказала Ада дрогнувшим от огорчения голосом, делая пару шагов вперед. – Если честно, я хотела показать тебе именно эту статую. Она, можно сказать, спасала меня в те времена. Впрочем... Не знаю, поймешь ли.

– Постараюсь.

– Я приходила сюда и садилась вот так. Чтобы ангел оказывался за моей спиной. Так мне казалось, что, пока он будет со мной, никто и ничто не сможет причинить мне вреда, обидных неприятностей. Никакое зло меня не коснется... А теперь этой статуи нет.

– Но ты же верила не в нее саму, – заметил Джек.

– Нет, конечно! Я верила в ангела. Мне казалось, что он существует на самом деле.

– Тогда почему тебя так огорчает то, что памятника больше нет?

Она оглянулась на него, стоявшего за ее спиной со сложенными на груди руками. Но кто-то неожиданно окликнул ее:

– Ада?

Девушка повернула голову на зов и обомлела, увидев находившегося в трех шагах от нее мужчину.

– Борис?..

Она ожидала увидеть тут кого угодно, хоть самого черта с рогами, но только не Бориса, одетого, как обычно, в дорогой костюм, безупречно причесанного, словно он явился на важные переговоры.

– Что ты тут делаешь?!

– Приехал с тобой поговорить, – спокойно ответил он. Ада еле удержалась от произвольного желания втянуть, словно провинившаяся первоклассница, шею в плечи: во внешне невозмутимом тоне был арктический холод и предупреждение надвигающегося торнадо.

– Неизвестно, когда ты вернешься. А вдруг сбежать надумала?

– С чего бы это? – с вызовом вскинула она подбородок.

– А вдруг? – усмехнулся Борис и внимательно, оценивающе посмотрел на спутника Ады, который, в свою очередь, не спускал с него пристального взгляда. Поза парня была расслабленной, но Ада ощутила, что это обманчивое спокойствие. Что Джек внутри сейчас – как собранная пружина, готовая в любое мгновение «выстрелить». В чем дело? Он чувствует опасность? Или готов защищать Аду от неизвестных обвинений? Или все дело в том, что он... догадался, что у Ады были отношения с этим пожилым мужчиной, и ревнует?

– Неплохого трахаря ты себе отхватила, – усмехнулся горько Борис, закончив оценивать предполагаемого соперника, – молодого, главное. Бабки на него тратишь?

– Ты не имеешь права так со мной говорить!

– Не имею?! – взорвался Большой Босс. Ноздри его раздувались, лицо налилось краской. Мужчина рванул ворот рубашки, так, словно ему внезапно стало не хватать воздуха. Одна пуговка оторвалась и отлетела в заросли бурьяна.

– Пойдем пройдемся, – сказал он после долгой паузы, во время которой постарался взять себя в руки. Ада непроизвольно оглянулась на Джека, напряженно слушающего их разговор.

– Оставь нас! – приказал Борис, обращаясь к парню. – Мне нужно с ней поговорить с глазу на глаз. Это рабочие вопросы!

Джек молча мотнул головой, возражая.

– Пожалуйста, – попросила его Ада. – Нам нужно решить пару рабочих вопросов и только.

– Я буду здесь, рядом, – сказал парень, заметно поколебавшись.

– Хорошо же ты его выдрессировала, – громко, чтобы услышал спутник Ады, сказал Борис, беря девушку под локоть. – И охранник, и верный пес, готовый слушать лишь хозяйку.

– Ты не имеешь права так говорить о нем! – вспыхнула Ада, отдергивая руку. – Ты просто ревнуешь!

– Ревную, – покладисто согласился Борис, – еще бы мне не ревновать. Я уже вышедший в тираж старик, а ты – молодая привлекательная женщина, которой нравятся больше сверстники. Ну что ж, все естественно. Да мы и решили уже все между нами давно. Только вот тут...

Он похлопал себя по груди со стороны сердца.

– Только вот тут больно. И не объяснишь ему, глупому, что у моей девочки должна быть своя жизнь. Увидел этого молодого с тобой, обезумел от ревности...

– О чем ты хотел поговорить со мной? – прервала его сантименты Ада. Этот разговор хотелось свернуть как можно скорее. А еще недавно она приходила в неопишное волнение лишь от одного звука его голоса.

– О чем, о чем... Ада, ну что же ты такой дурой оказалась? – с интонациями разочаровавшегося в ребенке отца произнес Борис. – Тебе денег не хватало? Так попросила бы меня напрямую! Дал бы сколько требовалось. Тебе бы дал!

– Если ты о махинациях с целью крупной наживы, то сильно ошибаешься.

– Ошибаюсь, – устало вздохнул он, – вернее, ошибся. В тебе. Я уже давно подозревал, что не все у вас там чисто... Но и подумать не мог, что дело в тебе. Я же доверял тебе, как... собственной дочери.

– Я ни в чем не виновата, Борис. Только разве в том, что где-то допустила ошибку, что-то важное упустила.

– Мне переслали копии тех липовых договоров с твоей подписью. Признаться, первый звоночек поступил от Писаренкова, но ты же его знаешь – о подозрениях не говорит, только уже по факту докладывает. А может, решил пощадить мое стариковское сердце. Знает, что неровно я к тебе дышу...

Говорить ему было тяжело, Борис задыхался, и Ада встревожилась не столько из-за несправедливых обвинений, сколько из-за того, что заметила, как сунул он ладонь за пазуху, словно у него болело сердце.

– Успокойся, пожалуйста, Боря. Тебе нельзя нервничать... – попросила она его. Но он лишь мотнул головой и поморщился.

– Мне прислали эти липовые договоры, на которых стоит твоя подпись, Ада. Счета, заведенные на твое имя, на которые уходили внушительные суммы, уже заморожены. Хотя я допускаю, что у тебя осталась парочка таких «секретных». Отпираться и дальше будешь?

– Кто тебе прислал договоры?

– Сташков. Хоть должен был Писаренков. Но, так как Сергей не смог, я попросил Игоря.

– Значит, Сташков...

В голове зашумело. Предположение Джека, что кто-то задумал завалить ее, используя для этого и Писаренкова, теперь уже не казалось ей невероятным. Сташков, Сташков... Он отправил Борису документы с ее подписью якобы «от Писаренкова». Он зачитывал Аде по телефону содержимое папки, которая так кстати осталась в кабинете, из которого пропали все важные документы. Может, и не существует той папки? Или существует, но Игорь соврал насчет проставленных на документах дат.

– Скажи, это ты несчастного Сергея сбила? – спросил вдруг Борис. Для Ады, ушедшей в свои размышления обо всем случившемся, терявшейся в догадках и предположениях, новое обвинение прозвучало так неожиданно, что казалось, она ослышалась:

– Что?! С ума сошел?!

– Мне уже доложили, что ты в тот вечер была с ним, о чем-то вы вели разговоры.

– И речи не шло о договорах! Мы говорили о другом! У меня знакомый погиб, и Сергей меня сопровождал. Как я его могла сбить, если он меня привез домой и сам уехал?

– А ты поехала за ним, сложно разве? – продолжал топить ее Борис. Ада ушам своим не верила: он, который воспитал ее почти как свою дочь, доверял ей, как себе, способен говорить такие вещи? А Борис, похоже, действительно поверил в ее виновность, потому что разговор давался ему тяжело: слова произносил с расстановкой, дышал прерывисто. Ладонь уже не вынимал из-за пазухи, видимо, сердце совсем разболелось.

– Боря, меня оговорили. И я, кажется, догадываюсь кто. Боря... Тебе плохо? – испугалась она, заметив, что он опять поморщился и еще больше ссутулился. В тревоге оглянулась: где они находятся? Борису надо в больницу. А они в разговоре уже вышли за территорию кладбища, сошли с дорожки и незаметно углубилась в чащу леса. Нужно свернуть на просеку, ведущую к больнице.

– Да. Мне плохо. Из-за твоего предательства.

– Я не предавала тебя. Мы вернемся в Москву и во всем разберемся.

– Слишком много всего против тебя говорит, Ада. Кто может, к примеру, подтвердить, что ты была дома и не поехала за Писаренковым следом?

– Он, – неопределенно махнула она рукой в сторону, где остался Джек, – он был у меня в ту ночь. Но это не то, что...

– Вот как, значит... – вздохнул Борис, перебивая ее. И вдруг резко разогнулся. Но в то же мгновение какая-то тень мелькнула рядом с Адой. В первый момент девушка подумала, что мимо пронесся крупный зверь. Но спустя секунду увидела катающихся по земле двоих мужчин. Бориса и Джека.

– Ты что?! С ума сошел?! – закричала она, бросаясь к придавившему к земле старика молодому парню. – Ему с сердцем плохо!

– Назад! – закричал Джек. И следом за этим грянул выстрел.

Он очень редко пользовался услугами проституток. Брезговал. Да и не его это были женщины. Он по-прежнему жил мечтами о юных, как ранняя весна, прелестницах, а проститутки были уже давно наступившей осенью, растерявшей все свои краски. И все же в тот раз ему было так неуютно и холодно, будто он в дождливый ветреный вечер вышел из дому в летней рубашке без пальто. Ему так захотелось хоть малую толику человеческого тепла и понимания, что он обратился к услугам проститутки.

Тепла не получил. Наоборот, на него словно вылили таз ледяной воды, потому что гетера после выполнения своих обязанностей с алчной улыбкой потребовала непростительно крупную сумму денег... за молчание. Оказывается, и она в ту трагическую ночь присутствовала в закрытом крыле интерната. И, хотя не видела, что там случилось, потом совершенно случайно подслушала его разговор с директрисой... Он-то, выходя тогда из кабинета, не увидел притаившуюся за колонной девушку, а она его хорошо рассмотрела. Тайну в то время раскрывать не стала, а вот сейчас, спустя годы... Какая встреча! И он так хорошо сохранился, совсем не изменился с тех лет!

Он откупился в тот раз от проститутки крупной суммой, надеясь, что этого окажется достаточно. Он пробовал свои силы в политике, и любая сплетня, любой скандал ему повредили бы.

Но настырная проститутка, нащупав золотую жилу, разыскала его и потребовала перевести на ее счет еще одну кругленькую сумму. К тому же стерва сообщила ему, что сумела обезопасить себя: поделилась недавно информацией о нем с кем-то из участников той давней истории. Правда, с кем откровенничала – не призналась.

Если тебя начнут шантажировать, и ты один раз поддался, не жди, что шантажист на этом успокоится.

Как жаль, что все совпало с тем, что его конкурент в предвыборной кампании стал обходить его на полголовы. Не смертельно, обогнать еще можно. Если только не всплывет какая-нибудь скандальная история, подобная той, интернатовской.

Как заставить замолчать проститутку, он решил, не колеблясь. Осталось лишь выбрать способ. Нанимать профессионала было опасно, марать самому руки – того хуже. Он ломал голову, как это сделать. И однажды ночью ему пришел ответ.

...Старый родительский дом сохранился, несмотря на то что никто в

нем не жил постоянно уже очень давно. Он использовал его как место ночлега, когда изредка приезжал в эти места. В старом чулане не разбирали хлам годами. Значит, с ящиком с куклами ничего не должно было случиться.

До последнего момента, перерывая барахло в чулане в поисках нужного, он не верил в то, что решить серьезные проблемы пытается таким... несерьезным способом. Конечно, сейчас уже несколько другие времена. И он сам не раз слышал, как конкурентов, соперниц и просто неугодных людей изводили таким вот странным для него способом – с помощью колдовства, – наговаривая, подбрасывая могильную землю, кладя в гроб фотографию. Его жена сама не раз прибегала к услугам ворожей. Но он лишь посмеивался над этим, считая походы жены к гадалкам милыми женскими причудами. Не в его статусе верить в деревенскую, не доказанную ничем магию.

И все же... Тот случай из детства не раз заставлял его призадуматься о существовании высших, неведомых сил.

Еще в тот раз, когда он впервые открыл ящик, почувствовал странное ощущение, будто уловил нечто, исходящее от содержимого. Будто ему, а не кому иному, была вверена тайна, способная если не привести его к мировому господству, то к перевороту в отдельно взятом царстве точно. Ключ от всех дверей. Лестница из пропасти. Уродливые куклы, лежащие в ряд, были похожи на солдат, готовых по первому приказу генерала двинуться в бой. Откуда взялось это сравнение? Смотреть на страшных уродцев было неприятно до холодка в позвонках, но в то же время он не мог отвести от них взгляда. Куклы гипнотизировали его, и чем дольше он рассматривал их, тем острее ощущал странную связь, возникающую между ними и собой. И вот уже не он глядел на них, а они – на него: страшными стеклянными глазами, в которых оживали демоны. Помнится, в первый раз он просидел так над ящиком час, пока его не хватилась мать, искавшая его к обеду. Собственно говоря, тогда материнский зов и помог ему избавиться от странного, необъяснимого наваждения. Он закрыл ящик и завалил его тряпьем. Но чувство, что он спрятал прирученных им отныне демонов, осталось. Откуда-то пришло понимание, что приручил он их жертвой, пролив кровь старухи. Сила этих демонов открылась ему после шутки над одноклассницей.

Эффект превзошел все самые смелые ожидания. Гордая отличница оказалась такой впечатлительной, что от «подарка», говорили, у нее помутился рассудок – так напугала ее кукла. Девочка погибла при странных обстоятельствах через два дня после своего дня рождения.

Выскочила на дорогу перед грузовиком. А до этого бежала к шоссе так, словно сам черт за ней гнался.

Конечно, это могло быть случайностью. Кто может поверить в то, что причиной гибели девочки стала подаренная страшная кукла? Но все же он не мог отделаться от ощущения, что в этих уродцах скрыта сила. Он – генерал, эти восковые фигурки – солдаты. Так и не иначе. Он бережно переложил кукол в чемодан и уехал.

Он даже не ожидал, что все получится так просто и быстро. Отправить «подарок» и уже через пару-тройку дней получить известие о гибели жертвы. Первой стала та жадная проститутка.

Тех, кто мог знать его постыдную тайну, оставалось пятеро. А кукол – всего четыре. Но не беда. Бомжиха единственная, которая погибла потому, что ее «случайно» столкнули под поезд. С остальными он использовал уже отработанную схему.

Так все просто. Все чисто и без подозрений.

Только вот последнее решение далось ему тяжело...

* * *

Крик застрял в горле, от ужаса перехватило дыхание. Ада непроизвольно поднесла ладони к лицу, желая отгородиться от страшной картины. Но успела увидеть, прежде чем закрыла глаза руками, как медленно откатился от Бориса Джек, оставив пожилого мужчину лежать на спине.

– Ада...

Кто ее позвал, она так и не поняла. Но пришла в себя от этого оклика и, отняв ладони от лица, бросилась к Борису в инстинктивном желании защитить его от убийцы.

– Ты! – истерично выкрикнула она Джеку, пытающемуся сесть. – Ты...

И только сейчас увидела, что в руке Бориса, в той, которую до нападения он держал за пазухой, находится пистолет. Она остановилась так резко, будто перед страшной пропастью.

– Ада... – Борис разжал пальцы, выпуская оружие. И слабо поднял руку к груди. – Прости меня, девочка...

Его посеревшие губы едва шевелились. Бледное, без кровинки лицо, напоминало гипсовую маску.

– Звони срочно в «Скорою»! – услышала Ада за спиной. – Вызывай

бригаду! Я его не дотащу.

– Что с ним? – резко оглянулась Ада на парня.

– Сердце. Не видишь? Звони без промедлений!

Ада дрожащими пальцами вытащила из кармана мобильный. Борис лежал с закрытыми глазами и тяжело, со свистом, дышал. Лоб его покрывала испарина.

Разговаривая по телефону, Ада краем глаза заметила, что Джек поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел куда-то в сторону. Затем сел на пень и согнулся пополам.

– Ты в порядке? – запоздало обеспокоилась она.

Он неопределенно мотнул головой, чем не успокоил девушку, а встревожил еще больше.

– Что с тобой? Он тебя ранил?!

Оставив Бориса, она бросилась к парню и присела перед ним на корточки. И только сейчас заметила, что он прижимает обе ладони к боку. Ада мягко развела его руки и увидела расплывающееся по светлой рубашке кровавое пятно.

– Господи! – испуганно воскликнула она.

– Не волнуйся... Не помру, – усмехнулся парень, но тут же охнул от боли, которую причинило лишь одно неосторожное движение.

– Джек...

– Иди к нему.

– Но...

– Иди! – приказал он, опять зажимая рану ладонями. Ада нехотя повиновалась. Но, сидя рядом с Борисом, не сводила испуганного и встревоженного взгляда с Джека.

«Скорая помощь» приехала довольно быстро, но Аде показалось, что прошла целая вечность, пока машина не появилась у ворот кладбища, куда девушка выбежала, едва услышав завывание сирены.

– Сюда, – поманила она за собой двух дюжих молодцев в медицинской форме, – сюда. Там еще один, раненный...

В тот момент, когда Бориса погрузили на носилки, так не вовремя зазвонил мобильный телефон.

– Ада Валерьевна! Это Павел из службы безопасности беспокоит. Вы через Виктора передали мне просьбу перезвонить.

– Да, да, – сказала она, с трудом соображая сейчас, чем была вызвана ее просьба. И вспомнила: – Павел, это вы собирали в конце прошлого года досье на нескольких людей, в свое время окончивших интернат в Боярышниках? Сухих Владимир, Столбова Марина... – начала она

перечислять. К счастью, Павел, похоже, обладал феноменальной памятью:

– Да, я.

– Для чего или кого?

– По просьбе шефа, – отчеканил сотрудник.

– Какого шефа?! – невольно вскричала Ада. – Писаренкова?

– Нет. Бориса Борисовича.

Она закрыла глаза так, словно ее больно ударили.

– Хорошо, Павел. Спасибо. Мне все ясно.

– Ада Валерьевна... – позвал ее Павел.

– Что еще?

– Сташков, ваш зам... Он сбежал.

– В смысле? – не поняла она. Ее не волновала сейчас судьба предателя Сташкова. Она оглянулась в тревоге на карету «Скорой помощи»: не уехала бы без нее. Но фельдшер в это время еще находился рядом с Джеком. Ада увидела, что молодой человек держит одну руку поднятой, чтобы медику удобней было осматривать его рану, другой опирается на ствол находившегося рядом дерева.

– Вот так, сбежал. Телефон отключен. Дома его нет, как и жены, впрочем. Появился утром в офисе, покопался в кабинете Писаренкова и исчез.

– Это я его просила зайти в кабинет Сергея... – произнесла Ада. И, заметив, что медик с Джеком направились к машине, быстро свернула разговор: – Павел, я перезвоню позже. Не могу сейчас.

Новости оказались неутешительными: стало известно, что у Бориса – инфаркт. Аде выпала задача звонить родным, разговаривать с женой Бориса, информировать ее о состоянии мужа. Джеку же оказали необходимую помощь и разрешили уйти.

– Всего бы чуть-чуть левее – и не жилец, – прокомментировал врач, который осматривал его ранение.

– Что со мной сделается, – пробормотал парень сквозь зубы. – Это мое проклятие...

В гостиницу они вернулись на попутной машине. По дороге оба молчали. Ада – переживая случившееся. Джек – потому что, видимо, разговаривать ему было больно. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья и прикрыв глаза. Ада его не беспокоила, но во время пути то и дело бросала встревоженные взгляды, стараясь по его лицу угадать, как он себя чувствует.

Администратор проводила их, идущих к лифту в обнимку, будто

влюбленная парочка, любопытным взглядом. Но ничего не сказала.

В номере Ада усадила парня в кресло. Ее руки, когда она помогала Джеку снимать испачканную рубашку, дрожали так, что это не ускользнуло от его внимания.

– Досталось тебе, – ласково произнес он, вдруг накрывая ее ладонь своей. Ада замерла, словно прислушиваясь к теплу, исходящему от его ладони. Боясь расплакаться, закусил нижнюю губу.

– Я надеюсь, с ним все будет хорошо, – сказал Джек, имея в виду Бориса. Ада в этом уверена не была, поэтому отрицательно мотнула головой. На глазах появились предательские слезы.

– Он слишком много для тебя значит?

И она снова покачала головой. Отрицательно.

– Значил, – уточнила она после заминки и подняла на парня глаза.

– Я желаю ему выздоровления, – искренне сказал Джек.

– Спасибо, – невпопад ответила Ада.

– Не плачь...

– Он тебя ранил.

– Это вышло случайно.

– У него оказался пистолет... Он никогда не носил с собой пистолета! По крайней мере, когда был со мной. Зачем он его взял в этот раз? Хотел меня убить? За махинации, которые я не совершала? Я пыталась ему объяснить, что не виновата. Неужели он мне не поверил? Или взбесился, увидев рядом со мной тебя? Но пистолет уже был с ним...

– Ада, эта встреча вряд ли была связана с вашими рабочими проблемами, – предположил парень, осторожно потрогав на животе марлевую наклейку. – Но, думаю, имеет прямое отношение к тем событиям, что произошли с тобой. Он был в отчаянии. Так, словно загнан в угол. От него пахло страхом. Он боялся тебя. Или твоих воспоминаний. Понимаешь?

– Ты думаешь... что он специально караулил меня возле кладбища с пистолетом? Но ведь это... Парень из службы безопасности сказал, что это Борис попросил собрать информацию на моих соседок по спальне и Вовчика. Еще до их гибели. Листа с моими данными в папке не было. Потому что Борис и так назубок знал, где я живу. Он с ума сошел, если действительно убил этих людей! В чем они-то виноваты?!

– Не знаю, Ада, – сказал Джек.

И Ада устыдилась: не тот момент она выбрала для разговора. Ему нужно лечь. Он ранен. Его отпустили из больницы только потому, что он очень настаивал на этом. Под его ответственность.

– Джек, ложись, – попросила она, подходя к кровати и снимая с нее покрывало. – Тебе нужно находиться в постели.

– Успею, – отмахнулся он. – Меня беспокоишь ты. Ты еще в опасности. То, что таилось в кукле, теперь живет в тебе. Оно и толкает тебя на смерть. Я думаю, что могу тебе помочь.

– Что ты собираешься делать? – грустно усмехнулась она, замирая напротив окна и обхватывая себя руками так, словно ей было холодно. – Проводить сеанс экзорцизма?

– Я выберу такой способ, чтобы не причинить тебе никакого вреда. Мне только нужно твое согласие.

– Я должна знать, на что соглашаюсь...

– Я возьму себе то, что сейчас находится в тебе. Так будет и быстрее, и безопасней для тебя. Да и мне даст уверенность в том, что ты избавлена от зла.

– Нет, – тихо, но категорично ответила Ада.

Он тяжело поднялся из кресла. Держась за раненый бок, подошел к девушке.

– Послушай, – сказал он, глядя Аде в глаза и обнимая ее за плечи, – это единственный выход, который я вижу. Иначе ты погибнешь. Скоро. Понимаешь?

Она кивнула. И, вскинув на него глаза, упрямо повторила:

– Нет. Не согласна.

Он в отчаянии всплеснул руками.

– Почему?

– Потому что тогда погибнешь ты.

– Я? – усмехнулся он. – Нет. Я бы столько раз мог уже умереть, но этого все не случается.

– Ты... Ты до сих пор помнишь ту девушку?.. Королеву?

– Помнить – уже не значит любить, – резко ответил он.

– Хорошо, – сдалась она, хотя внутри все сжалось, протестуя.

– Не бойся за меня, – попросил Джек.

Она в его просьбе услышала одно: не стал бы он обрекать себя на верную смерть, если бы был простым смертным. Он стал бы им лишь в одном случае – если бы опять полюбил.

Он не любит. Поэтому ничем не рискует. Он просто ее охраняет. Выполняет миссию.

Но почему же ей так горько?

Он будто прочитал ее мысли, потому что вдруг улыбнулся краешками губ – ласково и виновато. И с сожалением вздохнул.

– Я не боюсь, – сказала она, постаравшись, чтобы ее слова прозвучали уверенно.

– Вот и хорошо, – сказал он, протягивая к ней руки и привлекая к себе. – Доверься мне...

И она доверилась. Как будто если бы любила. Прижалась к нему всем телом, чувствуя каждой клеточкой тепло, исходящее от его разгоряченной кожи. Закрыв глаза, она отдалась тем ощущениям, которые накрыли ее с головой, будто волна. Оглушили, закружили, ослепили, лишили возможности дышать. Она захлебнулась в этих новых для нее ощущениях – таких неожиданно острых, которых она не испытывала еще ни с кем, даже с Борисом. Тем более – с ним.

Ада никогда не знала, что такие невероятно сильные чувства может вызвать всего лишь одно целомудренное объятие.

А он прижимал ее к себе так крепко, что она уже ощущала себя его частью. Ее кожа сливалась с его кожей, их сердца стучали в одном ритме. Ее кровь бежала по его артериям, его боль стала ее болью. В этом объятии они стали неразлучней сросшихся сиамских близнецов, ближе друг другу, чем многолетние любовники, изучившие все сокровенные уголки друг друга.

А он, склонив голову, шептал ей на ухо неразборчивые слова – не любовные клятвы, а незнакомые вирши на чужом языке. Его теплое дыхание обжигало мочку ее уха, щетина на его скуле царапала кожу ее щеки. И не было ласк в ее жизни более сладких, чем эти. Вся чувственность, которую ей отдавал ее постоянный любовник за все долгие годы, что они были вместе, сейчас казалась ничтожной каплей по сравнению с обрушившейся на нее лавиной нежности, которую этот странный парень дарил ей лишь через одно объятие.

Сексуальность проигрывала целомудренности. Порочность уступала место невинности. Она будто умирала сейчас в сладких муках ради того, чтобы родиться другой. Чистой, светлой, избавленной от груза сожалений из-за совершенных ранее ошибок, нереализованных возможностей и неправильно выбранных путей. Ее страхи таяли, словно снег, упавший на горячую ладонь. Ее недоверчивость уходила, будто засидевшаяся неприятная гостья.

Сколько продолжалось это, Ада не могла сказать, даже если бы засекала время, потому что часы и минуты в этом мире, в котором она пребывала, текли по другим законам. Очнулась она вдруг от резкой боли, словно из раны выдернули крупный осколок. И тут же стало легче. Так, словно она долго мучилась непрекращающимися болями, и вдруг ее излечили. От

неожиданности она вскрикнула и открыла глаза.

Джек по-прежнему обнимал ее, но уже не так крепко, как раньше.

– Все. Все хорошо, – прошептал он, погладив ее ладонью по спине. – Все закончилось...

Она нехотя отстранилась от него, не понимая, что именно «закончилось».

– Теперь тебе ничто не угрожает.

Уже? Так просто?.. А она ожидала «изгнаний», как в кино: со свечами, начертанием символов, с беснующимися нечистыми силами, с преворачивающимися в комнате предметами...

– Это ты кино насмотрелась, – улыбнулся Джек, но, как показалось Аде, вымученно. Она заметила, что его глаза цвета янтаря стали черными. Зрачки так могут расширяться от сильной боли.

– Я в порядке, – торопливо обронил он, перехватив ее тревожный взгляд. И вдруг усмехнулся: – Обнимать тебя было одно удовольствие... Так бы и обнимал... вечность.

Он, пошатываясь, прошел к кровати и присел на нее, чуть откинувшись назад и опершись на ладони.

– Не возражаешь, если я немного отдохну... Пять минут. Потом можешь прогнать меня обратно на диван: я уже привык к этому, но сейчас...

– Оставайся, – перебила она его.

– Что?

Она без слов подошла к нему и, присев рядом, обняла.

– Я не хочу, чтобы ты уходил. Ни этой ночью, ни... вообще.

– Я не уйду. Пока ты жива, буду с тобой, – серьезно ответил он и, указав глазами наверх, добавил:

– И там – тоже.

Никто никогда не прикасался к ней так ласково и бережно. Даже тот единственный человек, которого она любила, которому принадлежала и душой, и телом. Она отдавала раньше тому, другому, всю себя без остатка. Но впервые кто-то отдавал ей всего себя. Так, словно для него эта ночь могла стать последней. Так, словно Ада была той единственной, любовь к которой он проносил из жизни в жизнь. Той, которую не забыл бы ни на земле, ни на небе, которую узнал бы в любом обличье. Он смотрел на нее таким взглядом, будто наконец-то встретил после долгих поисков. Или так, будто старался запомнить ее образ еще на целую вечность. Он прикасался к ней с такой нежностью и осторожностью, будто была она создана не из

плоти, а из лунного света.

...Он лежал рядом с ней. Легкая улыбка трогала его губы. В какой-то момент его губы дрогнули, будто он хотел ей что-то сказать, но промолчал. Она тоже хотела ему сказать... Но вместо этого просто обняла и прижалась лбом к его плечу. Он и так все знает. Ей хотелось и смеяться, и одновременно плакать – от счастья. Она никогда не плакала от счастья и не понимала, как такое возможно. А он просто обнял ее в ответ, и Ада поверила в то, что у них все может быть. Они проживут вместе одну долгую счастливую жизнь. Двое простых влюбленных смертных.

Она так и уснула в его объятиях. Счастливая влюбленная любимая женщина.

Она видела во сне бредущего по обочине шоссе молодого человека. Шел он медленно, так, словно каждый шаг давался ему мучительно тяжело. Почти не поднимая босых ног, прочерчивая в придорожной пыли беспрерывные борозды, орошаемые редкими каплями крови. Ветер трепал его длинные, спутанные в дреды волосы, раздувал полы не застегнутой на груди рубахи. Ада видела его со спины, но ей не нужно было заглядывать ему в лицо, чтобы узнать. Глядя на его ссутулившуюся фигуру, она испытала вдруг такое отчаяние, словно в предчувствии неизбежной беды. Каждый шаг давался парню все тяжелей и тяжелей, а в придорожной пыли оставались уже не отдельные капли крови, а лужицы. В какой-то момент молодой человек резко остановился и, распрямившись, словно делая глубокий вздох, задержался в такой позе – с идеально ровной спиной, на пару мгновений. И вдруг рухнул ничком в придорожную пыль. Мимо проносились машины, но ни одна не останавливалась. Словно водители не видели лежавшего у дороги человека, на спине которого проступали кровавые полосы, словно открылись старые раны.

– Джек? – Ада проснулась и поискала рукой рядом с собой. Но тут же уснула вновь, словно некто окунул ее в сновидение, как в воду.

Она видела уже другой сон, счастливый. И опять ей снился Джек. На этот раз он сидел рядом с ней на кровати и, улыбаясь, гладил ее по лицу тыльной стороной ладони. Торс его был обнажен, и Ада увидела, что на животе сбоку нет марлевой повязки, и следа от зажившей раны тоже не осталось. Будто и не был он ранен. Напротив, в этом сне Ада видела его бодрым, счастливым и красивым, как никогда. Он наклонился к ней и коснулся ее губ невесомым поцелуем.

«Когда влюбляется ангел, он падает на землю. Когда любит простой смертный, у него вырастают крылья», – сказал он вдруг.

И после этого Ада проснулась.

Джека рядом не было. Находясь под впечатлением приснившегося, Ада вскочила с кровати и позвала парня. Он не откликнулся. Из ванной не доносилось шума воды. Джинсы, рубашка и обувь исчезли вместе с ним.

– Проклятие, – выругалась Ада и, торопливо натянув футболку и джинсы, выбежала в коридор. Не дожидаясь лифта, стремглав спустилась по лестнице в холл.

Администратор уже была на месте. Ада бросилась к стойке ресепшн.

– Вы не видели, не уходил ли из гостиницы мой вчерашний спутник?

Неважно, что о ней подумают. Ей важно знать, где Джек.

– Ушел, – ответила служащая, и в ее взгляде мелькнуло нечто, похожее на сочувствие. В глазах этой немолодой женщины Ада выглядит несчастной, брошенной после ночных ласк вероломным любовником. Но Ада едва сдерживала слезы из-за тревожного, нехорошего предчувствия. Она многое бы отдала за то, чтобы Джек просто бросил ее после ночи любви.

– Когда? Когда он ушел?!

– Час-полтора назад, – ответила, подумав, женщина. И высказала предположение: – Может, он в больницу отправился? Похоже, ему было плохо: он шел шатаясь. Держался за бок, словно тот сильно болел. И был бледен, что вон та стена. Я даже спросила, не нужно ли вызвать врача. А он отказался. Поблагодарил и ушел.

Не дослушав то, что продолжала говорить ей женщина, Ада выскочила на улицу и бросилась к машине. Вначале она отправилась в больницу в надежде, что Джек почувствовал себя плохо и пошел за помощью. Но там ей сказали, что парня с такими приметам сегодня не видели. Она доехала до шоссе и два раза проехала по нему взад и вперед, словно надеясь, что сон дал ей подсказку, где искать Джека. Но поиски оказались тщетными. Она съездила к интернату, заехала к Ирине и Нюре, отчаянно надеясь, что Джек у них – пришел забрать щенка, но его не было и там. Джека никто нигде не видел.

Она вернулась в гостиницу, не замечая, что плачет. Поднялась в номер и легла в кровать лицом вниз. Но даже здесь, в ее горе, ей не дали покоя: в дверь постучали. Ада вскочила в безумной надежде, что вернулся Джек. Но это была горничная, пришедшая напомнить, что через час следует освободить номер. Ада кивнула и закрыла дверь.

Тут ей больше делать нечего. Она зашла в ванную, чтобы умыться заплаканное лицо, и, подняв глаза, увидела на зеркале написанную зубной

пастой фразу:

«Я буду с тобой везде и всегда. Помни об этом».

День был солнечным, но ей казалось, что идет дождь. Она смотрела на дорогу сквозь пелену слез, не понимая, как еще не сбилась с пути, когда в ее жизни оказались сбитыми все настройки. Она никогда не влюблялась в «знаменитостей», но ее угораздило полюбить Ангела. И хотя он обещал быть с нею рядом, физически находился дальше звезд. Он обещал никогда не оставлять ее, и только сейчас она поняла полностью смысл этих слов. И чувствовала себя, как никогда, одинокой.

Маленький Сниф, притихший на пассажирском сиденье, на котором еще недавно сидел Джек, чувствовал ее настроение и даже не шевелил хвостом, чтобы не мешать. Только смотрел блестящими черными глазами, совсем как человек, понимающий ее боль.

А она думала о сказанных им во сне словах: когда влюбляются ангелы, они падают на землю. Когда любят простые смертные, у них вырастают крылья.

...Простые смертные рождаются, чтобы жить. Ангелы, чтобы родиться, должны умереть.

Эпилог

Осень... По-женски капризная, непредсказуемая и изменчивая. Еще вчера светло-синее небо было прорезано золотыми лучами яркого солнца, а сегодня оно хмурое, низкое, скрытое набрякшими от дождя свинцово-серыми тучами. Еще вчера ботинок утопал в желтом ковре легких, взлетающих от малейшего дуновения ветерка листьев, а сегодня брезгливо погружается в глубокую лужу, скользит в противной жиже размокшей под дождями земли. И листья, которые еще вчера казались золотисто-багряным покрывалом, сегодня, безжалостно втоптанное в эту раскисшую землю, потеряли свои былые яркие краски и больше не шуршат под ногами, доверяя интимным шепотом свои тайны. А в воздухе витает горький запах дыма. Запах осени... Он отдается горечью не только в горле, но и в душе, едко щиплет глаза, вызывая слезы. И повеяло уже первыми холодами, принесшими с собой пронизывающие до костей ветра и нудные, бесконечные дожди, сеющие тоскливую неприютность. Осень в этом году наступила очень рано.

Ада куталась в большой, не по размеру, свитер и не могла согреться. Она спрятала замерзшие пальцы в длинных рукавах, болтающихся, как у Пьеро, и жалась, втягивая шею в плечи. Этот свитер, мужской, лишенный элегантности, но такой теплый и уютный, она купила у Серафимы Степановны, одинокой старушки, торгующей у метро вязаными изделиями собственного производства. У Серафимы Степановны не только носки получались отличными, но и свитеры...

...В один из дней Ада специально отправилась к метро, чтобы разыскать ту старушку. Ей казалось это очень важным – найти ее и поговорить. О чем – не знала. Но, помня слова Джека, что свой последний день он подарил бы одинокой старухе, нуждающейся в чем-то обществе, считала своим долгом найти Серафиму Степановну.

Старушка стояла у метро и продавала этот единственный безразмерный свитер крупной вязки из такой толстой шерсти, что походил он больше не на свитер, а на короткое пальто. Ада, не колеблясь, купила его, а затем проводила бабушку до дома. По дороге они разговорились: не понадобилось никаких усилий, чтобы старушка, истосковавшаяся в глухом одиночестве, принялась рассказывать о своей жизни. Возле подъезда они задержались: Серафима Степановна колебалась, не зная, пригласить ли девушку к себе. С одной стороны, боязно – незнакомый человек, но с

другой – когда еще выдастся возможность поговорить так душевно с кем-либо, рассказать о своих старческих горестях и редких радостях? Может быть, не сегодня-завтра она уже уйдет к почившему двадцать пять лет назад мужу, так и не наговорившись ни с кем напоследок... А ей так хочется рассказать о том, каким замечательным человеком был ее муж, Василий Петрович, как ладно сложилась жизнь у их дочери... Ну и что, что живет она так далеко, за морями-океанами, и редко звонит матери, но ведь главное то, что жизнь у единственного ребенка протекает благополучно и счастливо. А о себе что рассказывать? О том, как гнет в непогоду спину да ноги отказывают? Что пальцы совсем не слушаются, а глаза почти не видят, и вяжет она на ощупь. Но не может бросить своего занятия, потому что... Да мало ли причин! И не только деньги. Разве выручишь за носки много денег? Да и много ли ей, старухе, уже надо? Вяжет, потому что не может бездельничать, она всю жизнь трудилась, с малых лет, и привыкла к тому, что ее жизнь – работа. Она на отдыхе, без труда, всегда заболела, потому что не привыкла сидеть без дела. Да и что бы она делала, если бы не вязание, одинокими, такими длинными вечерами?..

Все это рассказала Серафима Степановна Аде уже потом, во вторую их встречу. А в тот день Ада, угадав колебания старушки, решила дать ей немного времени: сказала, что торопится, но попросила позволения прийти в гости в другой день. С тех пор так и повелось, что два или три раза в неделю Ада приезжала к Серафиме Степановне, привозила гостинцы и долго, почти до самой ночи, сидела у той в гостях, слушая житейские истории. И с каждым днем ей все больше начинало казаться, что она – внучка Серафимы Степановны. Недаром пожилая женщина так ее и звала...

Борис так и не выкарабкался. Может быть, смог бы, врачи говорили, что есть шанс на выздоровление, но не захотел... Новая весна для него так и не наступила. Ада навестила его один раз, он просил у нее прощения. Но она в ответ ничего не смогла ему сказать.

Предприятие после его смерти возглавили партнеры, одним из которых был родной сын Бориса. А Ада приняла решение уйти из компании и заняться своим делом. Она задумала открыть агентство по устройству свадеб, которое назвала «Светлана» – в честь девушки, мечтавшей, но так и не успевшей выйти замуж. Агентство еще не было открыто: велась активная подготовка, но к весне – периоду свадеб – Ада планировала принять заказы от первых клиентов.

Кто-то ушел из ее жизни, как Борис, кто-то пришел, как Серафима

Степановна. Кто-то позорно сбежал, как Сташков и его жена, за границу, так и не ответив за свои поступки.

А кто-то, как Писаренков, остался.

Сергей скрупулезно собрал на заместителя Ады компромат, как только заподозрил того в нечистых сделках. Но не успел вовремя рассказать об этом Аде – Игорь, боясь быть разоблаченным, едва не убил его, сбив машиной.

После выздоровления Сергей осмелился открыть девушке свои долго скрываемые чувства. Его ухаживания были неловкими, непривычными даже для него самого. И Ада так же неловко, еще не зная, что делать с этим его возникшим чувством к ней, принимала их.

Сергей остался работать в компании, но очень помогал Аде с организацией своего дела, так, что она даже предложила ему стать партнером. Но он отказался: все же не терял надежды стать Аде партнером по жизни, а не по бизнесу.

И все же, хоть в ее жизни все перевернулось таким неожиданным образом и перемены эти были скорее позитивными, по вечерам, перед сном, она грустила. Весь день старалась занять себя кучей дел, с тем, чтобы ночью, без сил, тут же провалиться в сон. Но едва ложилась в кровать и закрывала глаза, как в памяти возникал образ Ангела. Теперь ей не нужно было фантазировать, каким бы он был, если бы превратился из статуи в живого. Ей просто достаточно было его вспоминать.

Умом она понимала, что для него то, что случилось, было лучшим выходом. Он получил долгожданное прощение, его земным скитаниям и страданиям пришел конец. Но женским своим, любящим сердцем эгоистично желала его присутствия не духовного, а физического. Она чувствовала, что он не одобряет ее хандру, но ничего не могла с собой поделать. Ей очень его не хватало. Ей хотелось видеть его, а не верить в его незримое присутствие. Она скучала по нему, и с каждым днем эта тоска не уходила, а росла. До такой степени, что иногда ей начинало казаться, что она и правда видит Джека. То вот в толпе промелькнет знакомое лицо. То вот стоит он на обочине дороги. Оглянешься – нет его. Показалось. То вдруг рядом услышит с собой насмешливое: «Дамочка...» Сердце горячо забьется, развернется стремительно на голос... А это незнакомый мужчина, разговаривая по телефону, к кому-то так обращается.

Видения ли это были или нет... Она говорила себе, что выискивать его в толпе – все равно что гнаться за ветром. Но ничего не могла с собой поделать. Ей оставались лишь эти «видения» да еще сны, в которых она путешествовала из одного райской красоты места в другое, где ощущала

абсолютный покой, радость и любовь. Она чувствовала, что эти сны, после которых она просыпалась отдохнувшей и полной сил, были посланы им.

Может быть, пройдет зима и вместе с грязным снегом растает ее печаль, а с весной родятся новые надежды. Может быть, может...

– Сниф! Сниф! Куда ты?! Назад! Назад, Сниф!

Она настолько ушла в свои невеселые мысли, что поздно заметила, как шаловливый щенок, узрев дворовую кошку, погнался за ней. Как Ада его ни воспитывала, при виде кошек у пса включались инстинкты и напрочь отключалось воспитание. Ада припустила за щенком, моля бога, чтобы кошке не вздумалось перебежать через дорогу. Но хитрая бестия нырнула в дыру в деревянной двери, ведущей в подвальное помещение одной из пятиэтажек. И несносный Сниф ринулся за ней.

– Сниф! Сниф! Вернись! – закричала Ада. Из-за двери послышалась какая-то возня, а затем – скулеж, но щенок так и не появился.

Ада толкнула дверь, однако та оказалась запертой. Но в окне горел свет! Эта сапожная мастерская, как гласила вывеска, должна была еще работать.

Она постучала, а когда ей не открыли, затарабанила в дверь кулаками.

– А вы, дамочка, ногой постучите! Они там все глухие, как старухи.

Ада вздрогнула, сердце сделало кульбит и лихорадочно заколотилось.

– Джек! – оглянулась она резко, не в силах поверить.

– Стучите, стучите, и отдадут вам вашего Джека, – кивнул незнакомый молодой человек, но со знакомыми смешинками в светлых глазах.

– Это не он – Джек... – смущенно сказала Ада.

– Простите?.. – непонимающе поднял брови мужчина.

Но Ада, не в силах больше произнести ни слова, стояла, неприлично откровенно рассматривая его.

Он мог бы быть им – Джеком. И все же он не был им. Хотя и очень похож на него. Аккуратная стрижка, деловой костюм, бледная кожа и очки в роговой оправе на тонкой переносице. Глаза – серые, не янтарные, но прищур – как у Джека. Сложением похож, но ростом – пониже. Манера говорить – как у Джека, но голос... не его.

Ада почувствовала, что у нее кружится голова. Или она сходит с ума, или... это безумная шутка настоящего Джека. С него станется...

– Вам нехорошо? – обеспокоился незнакомец.

– Скажите, как вас зовут? – слабым голосом спросила она.

– Жек.

– Как?!

– Простите, Евгений, – смутился мужчина. – Сорвалось с языка. Жекой или Жеком меня близкие друзья называют.

– Понятно, – кивнула Ада и прошептала: – Кошмар какой...

– Согласен, кошмарно, – кивнул, не обидевшись, парень. И, увидев, что она приложила ладони к лицу и смотрит на него таким несчастным взглядом, будто вот-вот заплачет, торопливо проговорил: – Погодите расстраиваться! Не пропала ваша собака. Я сейчас постучу как следует, и выпустят вашего Джека. У меня тоже собака есть...

– Сниф, – выдавила Ада. – Собаку зовут Сниф.

– Хорошее имя! – похвалил новый знакомый, стуча ногой в дверь. Такой грохот был уже услышан, и дверь некое-то распахнулась.

– Чего? – недовольно спросил носатый мужчина в фартуке.

– Собачка к вам там в гости пожаловала, – сказал Евгений, но в это время из подвала пулей вылетел Сниф и бросился к Аде.

О чем там продолжал беседовать Евгений-Жека с хозяином сапожной мастерской, Ада не стала дослушивать. Прицепила к ошейнику поводок и повела Снифа домой.

Растерянно погрузившись в свои мысли, она не сразу заметила, что идет не одна, а в молчаливом обществе Евгения.

– Простите, – смущенно начал он, – я вообще-то не пристаю к девушкам на улице. Не подумайте ничего такого. Но сейчас пришло в голову, что нужно вас проводить. Уже темно, а район опасный. Понимаете?

Она машинально кивнула, по-прежнему погруженная в себя. А мужчина, ободренный ее согласием, весело произнес:

– Ну, раз так, значит, буду вашим ангелом-хранителем. Не возражаете?

Ада подняла на него глаза и сквозь слезы улыбнулась:

– Не возражаю!